

А. Ю. Ватлин

Австрия в XX веке

Учебное пособие для вузов



Москва-Берлин

2014

УДК 94(436).09
ББК 63.3(4Авс)
В21

Ватлин, А. Ю.

В21 Австрия в XX веке : учебное пособие для вузов /
А. Ю. Ватлин. — М.-Берлин: Директ-Медиа,
2014. — 240 с.

ISBN 978-5-4475-2503-3

В учебном пособии впервые в отечественной историографии дается систематизированное изложение новейшей истории Австрии. Большое внимание уделяется процессу оформления австрийской нации, формированию национального характера австрийцев. Подробно рассматриваются проблемы социально-экономической и политической жизни Австрийской Республики. Значительное место отводится австро-российским отношениям. Для студентов исторических факультетов университетов, педагогических вузов, институтов и факультетов иностранных языков, а также для учащихся гимназий и лицеев гуманитарного профиля.

УДК 94(436).09
ББК 63.3(4Авс)

ISBN 978-5-4475-2503-3

© Ватлин А. Ю., текст, 2014

© Издательство «Директ-Медиа», макет, оформление, 2014

Оглавление

Предисловие.....	5
Введение	8
1. Предыстория. Возвышение Габсбургов — Век Просвещения — От Венского конгресса до революции 1848 г. — Двудеиная монархия	12
2. Австро-Венгрия в начале XX века. Колосс на глиняных ногах — Три политических лагеря — Годы Первой мировой войны — Последняя осень империи.....	33
3. Первая республика. Первые дни республики — Сен-Жерменский мир и проблема аншлюса — Становление республиканского правления — Социальные проблемы послевоенных лет — «Красная Вена» — Советско-австрийские отношения — Эскалация насилия	49
4. Авторитарная эпоха. Конституционная реформа — Последствия экономического кризиса — Экспансия правых сил — Восстание и путч — Дискуссии об «австрофашизме» — Внешнеполитическая изоляция.....	88
5. Австрия в составе третьего рейха. Вторжение — Унификация — Война — Освобождение	117
6. Послевоенное десятилетие. Возвращение к мирной жизни — Правление оккупационных властей — Переходный период — Восстановление экономики — Государственный договор	139

7. Эпоха консенсуса. Партии и коалиции — Общество «экономического чуда» — Внешнеполитические проблемы	171
8. Правление социалистов. Смена власти — «Австрокейнсианство» — Реформы и общество — Уход Крайского.....	188
9. Современная Австрия. Второе издание большой коалиции — Австрия в новой Европе — Политика и общество на рубеже нового тысячелетия — Новый виток реформ.....	211
Заключение	237

Предисловие

Предлагаемый вниманию читателя очерк истории Австрии в XX веке появляется в серии учебных пособий для высшей школы, которые в популярном и сжатом виде дают добротную информацию об основных проблемах политического и общественного развития той или иной зарубежной страны в новейшее время.

Австрийская республика, появившаяся на свет в ноябре 1918 г., долгое время находилась в тени блестящей империи Габсбургов, которая на протяжении нескольких столетий входила в число ведущих европейских держав. Ее скромный наследник воспринимался как побочный продукт Версальской системы международных отношений, установленных державами-победительницами по итогам Первой мировой войны. На протяжении прошедшего столетия австрийцам приходилось неоднократно доказывать, что они представляют собой сложившуюся нацию, имеющую собственную историческую память, специфический менталитет и национальную культуру.

Современной Австрии и ее гражданам удалось органично соединить в себе бережное отношение к прошлому и устремленность в будущее, верность традициям и готовность к переменам. И жители дунайской равнины, и альпийские горцы гордятся своей «большой историей», отдавая себе отчет в том, что разделяют ее с соседями: немцами, итальянцами, западными и южными славянами. Вводная глава содержит краткий обзор австрийской истории с античных времен, который, как мы надеемся, заложит необходимый фундамент для последующего изложения материала.

В книге представлены ключевые события новейшей истории Австрии, начиная от заката империи Габсбургов, революционных событий в Вене, временной стабилизации и утверждения авторитарного режима, до возрождения страны после 1945 г. и превращения ее в мост между Востоком и Западом. Особое внимание уделено венскому феномену — австрийская столица являлась не только олицетворением былой имперской мощи в восточноевропейском регионе, но и местом проведения уникальных социальных экспериментов, а порой и полем острых классовых битв.

Наряду с внутривосточными сюжетами немалое место в книге занимает история российско-австрийских отношений. Речь идет о влиянии российской революции 1917 г. на расстановку партийно-политических сил Первой республики, о развитии дипломатических отношений между нашими странами, освобождении Восточной Австрии Красной Армией, о советском оккупационном режиме в 1945-1955 г.

Несмотря на скромные географические размеры, Австрия на протяжении десятилетий привлекала к себе внимание мировой общественности и находилась на стыке интересов великих держав. Достаточно напомнить о таких понятиях, как австромарксизм, аншлюс, австрофашизм, австрокейнсианство, венская модель нейтралитета, чтобы почувствовать вклад альпийской республики в новейшую историю Европы. И если ныне Австрия достаточно редко появляется в сводках мировых новостей, то это служит дополнительным аргументом для миллионов туристов, ежегодно приезжающих в страну для того, чтобы насладиться ее красотой и покоем.

Австрийский писатель и публицист Г.Бар как-то заметил: несчастье моей страны в том, что ее историю писали ее враги. Это касалось как работ западных исследователей, так и советской историографии, которая рассматривала альпийскую республику прежде всего как форпост капитализма в центре Европы. После завершения «холодной войны» обобщающие труды по новейшей истории Австрии в нашей стране вообще не издавались. Настоящая книга призвана, хотя бы частично, заполнить очевидный пробел и дать представление об основных событиях и процессах, происшедших в этой стране на протяжении XX века. При ее подготовке были использованы новейшие исследования австрийских историков, в тексте приводятся цитаты из их работ. Автор берет на себя роль скорее благожелательного наблюдателя, чем строгого аналитика и надеется, что такой подход будет с пониманием встречен читателем.

Введение

Австрия, маленькая страна в сердце Европы, кажется средоточием природной красоты, душевной умиротворенности и почти неземного покоя. Достаточно бросить взгляд на карту Австрии, чтобы почувствовать все разнообразие ее ландшафтов. На востоке долина голубого Дуная упирается в холмистый Венский Лес, за ним следуют предгорья Альп, заснеженные горные вершины Тироля, круто спускающиеся к Боденскому озеру. Страна как будто разбита на множество мелких мирков, и это придает ей особую привлекательность. Не случайно Австрия и по сей день сохраняет за собой звание туристской Мекки, ежегодно показывая свои красоты миллионам гостей со всего мира.

Однако представление о том, что Австрийская республика всегда была олицетворением идиллической гармонии человека и природы, весьма обманчиво. Эта маленькая страна имеет большую историю, не менее извилистую и трагичную, чем история соседней Германии или Италии. Австрийские земли являлись родовым гнездом Габсбургов — одной из самых могущественных династий средневековой Европы, восседавшей на троне Священной Римской империи. В венских дворцах и альпийских замках плелись изощренные интриги, решались судьбы целых государств и народов. На протяжении почти двух веков современники с восхищением говорили о том, что над владениями Габсбургов никогда не заходит солнце.

В эпоху Просвещения Австрия являлась одним из самых известных центров художественной культуры, здесь жили и работали композиторы и живописцы с мировыми именами. Реформы Марии Терезии и ее сына на несколько десятилетий обогнали Великую французскую революцию. Посетить Вену в те годы считали за честь не только выдающиеся ученые, но и

сильные мира сего. Именно здесь у молодого царя Петра, прибывшего в составе «великого посольства», зародились первые планы постройки не менее величественной столицы в собственной стране.

Долгий XIX век принес Австрийской империи череду военных поражений и внутривосточных конфликтов, от которых она уже не смогла оправиться. Поражение в Первой мировой войне поставило точку в ее тысячелетней истории, земли, которыми когда-то владели Габсбурги, вошли в состав доброго десятка новых государств, возникших в центре Европы.

«Австрия — это то, что осталось», — так сформулировали победители свою позицию в отношении немецкой части империи. Новое государство, буквально расплющенное между Германией и Италией, не верило в собственную жизнеспособность. Оказавшись разменной монетой в дипломатической игре великих держав, оно не смогло удержаться на плаву и стало первой жертвой гитлеровской агрессии.

В годы Первой республики правящие круги Австрии испробовали столько вариантов политической стабилизации страны, что их анализ до сих пор занимает умы историков и политологов. Попытки практического воплощения национальной модели социализма («австромарксизм»), насаждение авторитарного режима с опорой на идеи клерикалов («австрофашизм»), промежуточные остановки политического маятника — все это уместилось в два межвоенных десятилетия. При этом Вена оставалась мировым культурным центром, притягивая к себе художественную интеллигенцию из самых разных стран Европы. Сохранились и традиции фундаментальной науки — с 1918 по 1938 гг. девять австрийцев стали лауреатами Нобелевской премии.

Австрийская история второй половины XX века на первый взгляд может показаться достаточно скучной,

ведь это история экономического процветания, социальных компромиссов, встраивания в процесс интеграции Западной Европы. Однако и такое представление верно лишь отчасти. Модернизация страны, являющейся ныне мировым лидером по суммарному показателю «качества жизни», сопровождалась острыми партийно-политическими конфликтами, временным застоєм и даже отступлениями.

У австрийцев есть чему поучиться. Этот народ соединяет в себе качества, которые могут показаться несовместимыми: бытовой конформизм и упорство в достижении цели, личную скромность и любовь к пышному церемониалу, обезоруживающую беззащитность и находчивость в критических ситуациях. Такой уникальный сплав появился в результате симбиоза романских, германских и славянских культурных влияний, многовекового противостояния народа и абсолютистской власти. «Католическая церковь выдвигала столь бескомпромиссные и жесткие догмы, что люди были вынуждены прибегать к лицемерию и уклончивым ответам, это поведение можно наблюдать в общении с венцами и по сегодняшний день», — справедливо отмечает американский историк Эйвон Бьюкей.

Исторический опыт Австрии в XX веке имеет особое значение для России, хотя до сих пор и не востребован в полной мере. Достаточно указать на «лагерный менталитет» австрийской партийной элиты, на идеологическую драпировку реальных социально-политических конфликтов. В годы Первой республики приверженцы великого прошлого и сторонники светлого будущего вели между собой настоящую гражданскую войну, «при этом никто не хотел брать на себя ответственность за настоящее» (Л.Рейхольд).

Наши страны пока еще живут в разных исторических измерениях, однако их сближение в процессе

формирования общеевропейской цивилизации не вызывает сомнений. Австрийцев и россиян объединяет особая роль прошлого в общественном сознании, присутствии в нем имперской идеи, выступающей как своего рода фантомная боль. Как показывает исторический опыт Австрии, утраченное величие может стать и стимулом, и тормозом для выхода страны из полосы социальных конфликтов.

Писатель Герман Бар как-то заметил: несчастье Австрии в том, что ее историю писали ее враги. К сожалению, это в полной мере относится к советской историографии, которая рассматривала альпийскую республику прежде всего как форпост капитализма. Трудно сказать, что лучше, но в последние десятилетия работы по новейшей истории Австрии окончательно исчезли с полок книжных магазинов. Настоящая книга призвана, хотя бы частично, заполнить очевидный пробел и дать представление об основных событиях и процессах, происходивших в этой стране на протяжении XX века. Автор берет на себя роль скорее благожелательного наблюдателя, чем строгого аналитика и надеется, что такой подход будет с пониманием встречен читателем.

1. Предыстория

Возвышение Габсбургов — Век Просвещения — От Венского конгресса до революции 1848 г. — Двуединая монархия

Возвышение Габсбургов

Раскопки археологов на территории современной Австрии свидетельствуют о том, что люди населяли долину Дуная и предгорья Альп с глубокой древности. Пришедшие сюда в первом тысячелетии до новой эры кельтские племена стали разрабатывать месторождения железной руды, снабжая изделиями из железа значительную часть Центральной Европы. Позже на этой земле появились военные поселения римлян, просуществовавшие несколько веков. Дунай стал стратегическим рубежом Римской империи, на котором она пыталась остановить нашествие варваров.

В эпоху великого переселения народов территорию сегодняшней Австрии поделали между собой германские племена, двигавшиеся с запада, и славяне, двигавшиеся с востока. Отсутствие письменных источников не дает историкам возможности восстановить детальную картину раннего средневековья, исключение составляют хроники монастырей, являвшихся хранителями античной культуры и проводивших активную миссионерскую политику. Центром христианизации местного населения стал Зальцбург, где находилась резиденция архиепископа.

По австрийским землям проходила юго-восточная граница империи Карла Великого, хотя само название «Австрия» появилось несколько позднее. В 976 г. император передал эту область Леопольду Бабенбергу в ленное владение. Династия Бабенбергов неустанно расши-

рjala границы своего маркграфства, в середине XII века его столицей стал город Вена, расположенный на правом берегу Дуная. Однако через сто лет австрийские земли стали предметом спора между императором Рудольфом Габсбургом и богемским королем Оттокарот Пржемышлем, взявшим в жены последнюю из представительниц рода Бабенбергов. Победив богемское войско в битве при Дюнкурте (1278 г.), Рудольф передал австрийские земли в управление своим сыновьям.

Габсбурги не только превратили Австрию в одну из самых развитых областей Европы (так, в 1365 году был основан Венский университет), но и на протяжении многих веков определяли судьбы христианского мира, их представители возлагали на себя корону Священной Римской империи германской нации. Фридрих III обеспечил стране выход к Средиземному морю, завоевав порт Риеку, а также женил своего сына Максимилиана (1459–1519) на Марии Бургундской. Брачный союз принес Габсбургам Нидерланды и значительные владения на территории нынешней Франции. Продолжив дело отца, Максимилиан добился того, что его наследники получили в качестве приданого не только соседние Чехию и Венгрию, но и далекую Испанию. В XVI веке в состав их владений вошли завоевания испанских конкистадоров в Америке.

Подъем Австрии на рубеже нового времени был следствием не столько разумной политики правящей династии, «одержимой крупномасштабными европейскими планами» (Н.Ф. Колесницкий, А.Л. Ястребицкая), сколько крайне выгодного географического положения страны. Через нее проходили транспортные пути, связывавшие Венецию и другие города Северной Италии с германскими землями. Большим спросом на европейских рынках пользовались и местные товары: вино, соль, металлы, оружие и

дорогие украшения, изготовленные ремесленниками Вены и Зальцбурга. Максимилиан являлся покровителем изящных искусств, при его дворе работали такие выдающиеся личности, как художник Альбрехт Дюрер и ученый-гуманист Конрад Пойтингер.

Огромный отпечаток на последующую историю Австрии наложила экспансия Османской империи в Центральной Европе. Разбив венгров, султан Сулейман в 1529 г. приступил к осаде Вены, однако не добился успеха. В борьбе с турками Габсбурги добились фактического подчинения Венгрии, хотя формально (до 1687 г.) король этой страны продолжал избираться высшим дворянством. Вторая осада Вены (1683 г.), завершившаяся разгромом турецких войск, открыла эпоху национально-освободительных войн народов, находившихся под властью Османской империи. Вслед за уходившими турками на Балканы продвигалась австрийская армия, считавшаяся одной из лучших в Европе. В 1690 г. под руководством принца Евгения Савойского она освободила столицу Сербии Белград. Для отражения набегов янычар на отвоеванных землях селились колонисты, призванные защищать «военную границу».

Реформация в Австрии привела к повсеместному брожению умов, однако не оставила после себя сколько-нибудь заметных следов. Габсбурги отдавали себе отчет в том, что только мировая религия сможет цементировать их владения, разбросанные по всей Европе. Наряду с землями, где преобладало немецкое население (Верхняя и Нижняя Австрия, Тироль, Штирия и Каринтия), в них входили земли южных славян (Крайна, Истрия, Далмация), территории Венгерского и Чешского королевства.

Идеи нового прочтения Библии находили приверженцев там, где проживало негерманское население,

ибо позволяли таким образом выразить протест против национального гнета. Конфликт имперских чиновников и местных старейшин в Чехии привел к развязыванию Тридцатилетней войны, опустошившей большую часть континента. Вестфальский мир (1648 г.) не поставил под сомнение право Габсбургов на ношение императорской короны, но реформировал саму Священную Римскую империю. Ее составные части получили значительную самостоятельность, а верховная власть стала номинальной.

В самой Австрии усилила свои позиции католическая церковь, орден иезуитов при поддержке монаршей власти начал масштабные преследования протестантов. Земли дворян, присоединившихся к антигабсбургской коалиции, передавались монастырям, крестьян, не желавших возвращаться в лоно «истинной церкви», отдавали в солдаты. Десятки тысяч протестантов бежали из страны в Пруссию, отличавшуюся веротерпимостью.

Эпоха контрреформации принесла с собой первые попытки унификации административной системы во владениях Габсбургов. До того времени она «представляла собой конгломерат различных государственных образований, объединенных личной унией» (В.Н. Малов). Императору приходилось считаться не только с мнением высшей аристократии германских земель, но и сословных учреждений в собственной вотчине (Kronländer). Последние сохраняли за собой право вотирования налогов и набора на воинскую службу. Надежной опорой трона выступало только низшее дворянство, не имевшее властных амбиций и составлявшее основу офицерского корпуса австрийской армии. Идя навстречу его пожеланиям, Габсбурги своими законодательными актами легализовали политику закрепощения крестьян.

Век Просвещения

XVIII век начался с печальных событий для династии Габсбургов. В результате войны за испанское наследство она потеряла Испанию, хотя и сохранила свои владения в Италии и Нидерландах. После смерти Карла VI прекратилась мужская линия и в роду австрийских Габсбургов. Регалии власти перешли к его дочери Марии Терезии, правившей с 1740 по 1780 г. «Женщина, взошедшая на венский трон, была больше чем мужчиной» (М. Фройнд). С именем Марии Терезии связано начало эпохи Просвещения в Австрии, хотя «на проведение многочисленных реформ ее подталкивали не столько советы просвещенных приближенных, сколько исключительно практический ум и прежде всего насущная необходимость реорганизации страны в условиях войн с Пруссией» (А.С. Медяков).

В основу экономической политики были положены идеи меркантилизма, упорядочено взимание налогов и таможенных сборов, увеличена регулярная армия. Нужды последней обслуживали государственные мануфактуры, по образцу которых создавались и частные предприятия. Австрия являлась крупнейшим производителем изделий из чугуна и стали.

Мария Терезия начала решительное наступление на права местных сословных учреждений, которые противодействовали централизации административной системы. В 1765 г. был создан Высший государственный совет, готовивший основные законодательные акты. Изменилась и система судопроизводства. У помещиков было отнято право судить и наказывать крепостных, отменены пытки в процессе дознания, сокращено применение смертной казни (хотя наказанием за богохульство продолжало оставаться «сжигание живьем»).

Архитектурным символом Просвещения стал стиль барокко, который отличали богатство и даже вычур-

ность форм, изысканность отделки, увязка зданий с окружающим ландшафтом. В таком духе был построен летний дворец Габсбургов в Шенбрунне, особой достопримечательностью которого являлся огромный зоопарк. Среди резиденций знати выделялся построенный на возвышении к югу от центра Вены дворец Бельведер, принадлежавший Евгению Савойскому. При венском дворе творили такие гениальные композиторы, как Франц Йозеф Гайдн и Вольфганг Амадей Моцарт, коллекция художественных произведений, собранных во дворце Хофбург, могла поспорить с сокровищами Лувра и Версаля. Своего расцвета достигло театральное искусство, постепенно освобождавшееся от библейской тематики и обращавшееся к светским сюжетам.

У Марии Терезии, родившей шестнадцать детей, хватало не только семейных забот. Ее полководцам пришлось отражать натиск соседей, пытавшихся использовать в своих интересах пошатнувшиеся позиции Габсбургов. В результате двух войн с Пруссией Австрия потеряла богатую провинцию Силезия, где было сосредоточено производство угля и активно развивалась текстильная промышленность. Более успешными были действия австрийских армий на Балканах и в Прикарпатье, под их натиском турецкие войска шаг за шагом сдавали свои позиции. В первой половине века завершилось освобождение Хорватии, значительное приращение владения Габсбургов получили в ходе трех разделов Польши.

Сын Марии Терезии Иосиф II, правивший до 1790 года, вошел в историю как монарх-реформатор. Поклонник просветительских идей, он пытался перестроить всю общественную жизнь по единому плану, проводя для этого даже всеобщую перепись населения в своих владениях. Считая себя единственным вершителем судеб

страны, Иосиф II зачастую действовал наперекор интересам аристократии и католической церкви. Так, он провел секуляризацию монастырских земель и церковного имущества, резко сократил количество религиозных праздников в стране. В 1781 г. были приняты указы о религиозной терпимости, уравнившие в правах представителей различных конфессий. Дворянство было обложено налогами наряду с другими сословиями, вся система государственного управления была перестроена в духе бюрократического централизма.

Одним из своих первых указов Иосиф II отменил крепостное право, что дало серьезный толчок развитию капиталистических отношений в деревне и оттоку освободившихся рабочих рук в города. Были прекращены гонения на протестантов, система начального образования переходила из рук церкви под государственный контроль. Политика централизации натолкнулась на ожесточенное сопротивление венгерской знати, которая восприняла отказ монарха короноваться в Будапеште как личное оскорбление. Протесты всех слоев негерманского населения Австрийской монархии вызывало насаждение немецкого языка в качестве единственного средства официальной переписки.

«Внешняя резкость и необычная твердость в проведении курса реформ, относительная последовательность Иосифа II снискали ему у некоторых историков славу революционера на троне, хотя феодальная система не была уничтожена, а централизаторская политика по сути противоречила одной из главных тенденций перехода от феодализма к капитализму — созданию национальных государств» (В.В. Рогинский).

Реформы сверху не смогли обеспечить владениям Габсбургов достаточного иммунитета от идей народной революции, восторжествовавших во Франции. Уже в 1789 г. австрийские войска были вынуждены по-

кинуть Бельгию, вскоре антигабсбургское восстание началось в Венгрии. Тайная полиция смогла разоблачить несколько заговоров австрийских республиканцев, некоторые из которых мечтали о введении в стране якобинской диктатуры. Взошедший на престол в 1792 г. внук Марии Терезии Франц II специальным указом запретил какое-либо публичное упоминание Французской революции. Он распрощался с идеями просвещенного абсолютизма, восстановил добрые отношения с церковными иерархами и венгерской знатью. В стране свирепствовала цензура, по любому доносу несогласных с правительственной политикой бросали в тюрьму.

Явно переоценив собственные силы, император решил задушить революционные идеи в месте их зарождения, возглавив антифранцузскую коалицию. В серии кровопролитных войн Австрия потерпела несколько тяжелых поражений, Габсбурги были вынуждены признать распад Священной Римской империи. В пику Наполеону, объявившему себя императором всех французов, Франц II провозгласил Австрийскую империю. Военные действия продолжались с переменным успехом, дважды Вена открывала свои ворота перед французскими маршалами, а вся территория страны подвергалась оккупации.

Участвуя в пятой войне с Наполеоном, Австрия потерпела сокрушительное поражение при Ваграме (1809 г.) и была вынуждена смириться с ролью вассала Французской империи. Согласно Шенбруннскому миру страна потеряла выход к Средиземному морю, лишилась Галиции, отошедшей к Польше, и присоединилась к континентальной блокаде, направленной против Великобритании. Однако постоянные столкновения с австрийскими войсками измотали армии

Наполеона, потерявшего к тому же чувство реальности и начавшего мечтать о завоевании всего мира.

Ставший в 1809 г. министром иностранных дел Австрии Клеменс Меттерних сделал все для того, чтобы свести к минимуму участие страны в походе «двунадесяти языков» на Россию. После того, как слава Наполеона закатилась в Москве, Габсбурги переметнулись в стан его противников. Австрийские войска участвовали на стороне антифранцузской коалиции в битве под Лейпцигом 16-19 октября 1813 г. Дипломатической победой Меттерниха стал выбор Вены в качестве места проведения международного конгресса, призванного восстановить «старый порядок» на континенте.

От Венского конгресса до революции 1848 г.

Результатом Венского конгресса, первую скрипку в ходе которого играл все тот же Меттерних, стало заметное округление Австрийской империи, ставшей одной из опор новой системы международных отношений. Потерю Бельгии Габсбурги компенсировали приращениями территории в Северной Италии, потерю короны Священной Римской империи — председательством во вновь созданном Германском союзе. Вместе с Россией и Пруссией Австрия образовала «Священный союз монархов и народов», призванный бороться с любыми проявлениями революционного духа на европейском континенте. Возвратив себе статус великой державы, империя на протяжении сорока лет не вела войн, ограничиваясь подавлением национально-освободительного движения как в самой империи, так и за ее рубежами. Вену вполне устраивала раздробленность Германии и Италии, позволявшая австрийским дипломатам дирижировать внутривосточными процессами в этих странах.

Экономическое развитие страны в первой половине XIX века характеризовалось распадом феодальных отношений и началом промышленного переворота. Крестьяне, пользовавшиеся помещичьей землей, получили возможность выкупа своих повинностей, барщина повсеместно заменялась денежным оброком. Улучшение агротехники позволило повысить урожайность зерновых, активно внедрялись новые сельскохозяйственные культуры — картофель, табак, кукуруза. На предприятиях ручной труд заменялся машинным, конкуренцию речному транспорту стали составлять железные дороги. Усилилась неравномерность хозяйственного развития отдельных регионов, на лидирующие позиции выдвинулась Чехия. Напротив, в землях, населенных преимущественно венграми и южными славянами, сохранялось доминирование аграрного сектора и феодальные отношения.

Став канцлером, Меттерних приложил все усилия для насаждения в Австрии полицейского режима, подавления любых проявлений либерализма и свободомыслия. Когда-то превозносимый в качестве «возницы Европы», он получил зловещее прозвище «великого европейского инквизитора». Страну наводнили доносчики и шпионы, любое неосторожное слово могло обернуться потерей свободы и собственности. Либеральные общественные деятели эмигрировали в Германию, чтобы оттуда обращаться к австрийцам с печатным словом. Хождение по рукам запрещенных газет и прокламаций приобрело массовый характер. Несмотря на все усилия властей, в воздухе пахло революционной грозой.

На национальных окраинах Австрийской империи освободительное движение охватывало не только социальные низы, но и верхи, недовольные диктатом венской бюрократии. Меттерниху удавалось натравливать

друг на друга отдельные группировки внутри национальных элит, действуя по методу «разделяй и властвуй». В 40-е годы Вена пошла на ряд уступок движению славян, разрешив ему культурно-просветительскую деятельность и издание собственных газет. Это вызвало недовольство националистических кругов германского населения, которое так и не смогло сформулировать однозначного ответа на вопрос о том, являются ли австрийцы немцами или особым народом.

Главную угрозу целостности государства Меттерних видел в претензиях венгерского дворянства на раздел власти. Напоминая Вене о добровольном вхождении Венгрии в состав империи Габсбургов, оно не желало делиться ни налоговыми поступлениями, ни сословными привилегиями. Левое крыло венгерского национального движения, которое возглавлял Лайош Кошут, разработало программу реформ, способных перевести страну на рельсы буржуазно-демократического развития. В Будапеште начала свою деятельность Академия наук, сформировались политические партии, венгерский язык вытеснил из официальной переписки средневековую латынь.

Император и его канцлер делали все для того, чтобы не допустить превращения венгерских земель в очаг зарождения новой революции, однако она вспыхнула в самом центре государства. Весть о свержении Июльской монархии во Франции стала той каплей, которая переполнила чашу терпения «предмартовского» общества. 1 марта 1848 г. на улицах Вены стали собираться стихийные демонстрации, участники которых требовали отставки Меттерниха, отмены цензуры и провозглашения политических свобод. В них участвовали как представители радикально настроенной интеллигенции, так и жители рабочих предместий.

13 марта возбужденная толпа, собравшаяся перед зданием ландтага (парламента) Нижней Австрии, была разогнана войсками, появились первые жертвы. Революционеры начали вооружаться и строить баррикады, чтобы дать бой ненавистному режиму. Император предпочел пойти на уступки, отправив Меттерниха в отставку и разрешив создание национальной гвардии. Позже он объявил о созыве собрания всех сословий для выработки конституции страны. Проект конституции, разработанный новым правительством, содержал в себе перечень основных политических свобод и предусматривал создание двухпалатного парламента. Избирательных прав лишались прислуга, лица без определенного дохода и собственности. Верховная власть в стране сохранялась за императором.

Хрупкое равновесие не удовлетворяло ни одну из сторон. 15 мая революционные силы вновь вышли на улицы Вены, потребовав от правительства ускорения демократических преобразований. Император и его окружение покинули столицу и нашли прибежище в альпийской земле Тироля. В июле 1848 г. начал свою работу рейхстаг — национальный парламент, в котором преобладали либеральные депутаты. Самым значимым решением рейхстага стала отмена феодальных повинностей крестьян.

В революционный процесс 1848-1849 гг. была вовлечена вся Европа, наследственные властители многих стран были вынуждены идти на уступки, заигрывать с либеральным движением. Революция поставила вопрос о государственном объединении всех немцев. Во Франкфурте-на-Майне заседало общегерманское Национальное собрание, куда вошли и представители Австрии. Оно приняло решение о том, что в составе будущего германского государства не могут находиться земли, населенные негерманским населением. Это

ставило революционные силы Австрии перед нелегким выбором: согласиться с распадом собственной страны или отказаться от перспективы объединения с будущей Германией.

В октябре повстанцы из социальных низов захватили в свои руки власть в Вене, предотвратив попытки властей перебросить воинские части для подавления национальных восстаний из Италии в Венгрию. Однако в их рядах не было единства, город погрузился в пучину анархии, прекратился подвоз продовольствия из провинции. Выступление радикальных элементов испугало даже либералов, которые поспешили покинуть столицу. В это время правительство подтянуло к ней надежные армейские корпуса. 31 октября после нескольких неудачных попыток они ворвались в Вену. Жертвами уличных боев и последующих казней стали около 4 тыс. жителей города.

Франц Иосиф, взойшедший на престол 2 декабря того же года после отречения своего слабовольного дяди Фердинанда, посулами и репрессиями сумел восстановить контроль над ситуацией в немецкой части империи. Весной 1849 г. он «даровал» народу конституцию, восстанавливавшую старые порядки. Рейхстаг был распущен, о демократических свободах уже больше никто не вспоминал. После этого восемнадцатилетний император сосредоточил все силы на подавлении революции в Венгрии, которая фактически превратилась в самостоятельное государство. Но его национальная элита находилась в состоянии внутреннего раскола, не было ясности и в отношении будущего народов, населявших южные и восточные окраины Венгрии. Несмотря на ряд одержанных над австрийцами побед, венгерские вооруженные силы не могли противостоять вызванному на подмогу Вене русским войскам и капитулировали 13 августа 1849 г. Озлобленные

пережитым унижением, австрийцы устроили настоящую резню среди венгерских военных, поддержавших национальное восстание.

Двуединая монархия

Подавление революции привело к утверждению в Австрийской империи неоабсолютизма. В 1851 г. была отменена «дарованная» конституция, перестали собираться представительные учреждения. Символом духовной реакции стало искоренение независимой прессы, возобновление в стране деятельности ордена иезуитов, контролировавшего сферу образования. Конкордат с Ватиканом, подписанный в 1855 г., давал католической церкви особые права, ее деятельность частично финансировалась из государственной казны.

И все же полного возврата к прошлому не произошло. Молодой император отдавал себе отчет в том, насколько хрупок мир на границах и в центре его владений. Обращаясь к опыту своих предшественников, он рассчитывал привлечь на свою сторону подданных блеском двора и монаршей милостью. «Франц Иосиф с большой охотой играл придуманную им для себя роль государя-патриарха, всеобщего отца и покровителя. Этот образ, который активно культивировала вся государственная машина австро-венгерской монархии, тем не менее не может заслонить собой тот факт, что всю жизнь императору не хватало гибкости ума и политического чутья» (Я. Шимов).

В своей внутренней политике Франц Иосиф был вынужден учитывать не только интересы аристократического окружения, но и поднимавшейся буржуазии. Император лично курировал проведение в Вене Всемирной выставки 1873 г., в которой участвовали фирмы из 37 стран. Аграрный сектор экономики дал серьезный толчок промышленному развитию. Венгрия

спорила с Россией за право называться житницей Европы. Выкуп крестьянами своих наделов позволил крупнейшим землевладельцам аккумулировать в своих руках капиталы, достаточные для интенсификации собственного хозяйства или инвестирования в другие отрасли экономики. Настоящий бум на фондовой бирже вызывали акции строящихся железных дорог, протяженность которых к концу 60-х гг. достигла 6 тыс. км (к началу XX века — 18 тыс. км). Железнодорожное сообщение позволило связать между собой отдаленные уголки империи, рядом с узловыми станциями появлялись новые промышленные центры.

Быстрыми темпами росли добыча угля и выплавка стали, вокруг больших городов выросли фабричные поселки, население которых составляли выходцы из деревни. Вена была опоясана кольцом рабочих предместий, где не было даже элементарных бытовых удобств, больниц и школ. Социальные контрасты промышленного капитализма впервые были выставлены на всеобщее обозрение. В эпоху «трюндерства» делались несметные состояния, разбогатевшие буржуа нередко женились на представительницах аристократических семейств, чтобы таким образом войти в высшее общество. В то же время возросшая роль предпринимателей в хозяйственной жизни страны заставляла их искать каналы адекватного политического влияния.

После революции 1848-1849 гг. империя Габсбургов, продемонстрировавшая внутреннюю непрочность, перестала играть роль арбитра на европейской арене. Ее нейтралитет в Крымской войне воспринимался общественным мнением Европы как благодарность Франца Иосифа царю Николаю I за подавление венгерского восстания. В результате Австрия оказалась во внешнеполитической изоляции и не смогла в одиночку препятствовать объединению Италии и Германии. По-

сле поражения в войне с Францией и Сардинским королевством (1859 г.) Габсбурги отказались от суверенитета над жемчужиной своей империи — Ломбардией.

Австрийская дипломатия начисто проиграла борьбу за лидерство в процессе объединения Германии канцлеру Пруссии Отто Бисмарку, который вначале использовал Австрию в качестве союзника в войне с Данией за Шлезвиг-Гольштейн, а затем объявил ей войну (1866 г.). Австрийская армия потерпела поражение в битве под Садовой и была вынуждена отказаться от какого-либо участия в германских делах. Бисмарк сумел реализовать свой план «малогерманского объединения» под прусской гегемонией. Кроме того, Австрия уступала союзнику Пруссии Италии область Венеции. В результате двух поражений империя Габсбургов оказалась отодвинутой на обочину международной политики, но в ее исчезновении с европейской карты не была заинтересована ни одна из великих держав. Пытаясь хоть как-то компенсировать понесенные утраты, Франц Иосиф продолжал наращивать экспансию на Балканах, где Австрия в последней трети XIX века столкнулась с российскими интересами.

Венгерский народ не смирился со своей участью, несмотря на кровавое подавление национальной революции 1848-1849 гг. По всей стране действовали тайные организации, готовившие новое восстание, активизировалась и эмиграция во главе с Кошутом. Он возглавил Национальную директорию, образованную в Париже. Используя связи при венском дворе, высшие венгерские аристократы настаивали на возврате им прав и привилегий, освященных вековыми традициями. Собственные очаги национального сопротивления образовали проживавшие на территории Венгерского королевства румыны, хорваты и украинцы.

После поражения в итальянской войне Франц Иосиф был вынужден отказаться от неонабсолютизма, пойдя на серьезные уступки как в политической сфере, так и в области национального строительства. В мае 1860 г. было объявлено о созыве рейхсрата, призванного вотировать государственный бюджет, в октябре того же года появился проект новой конституции. Этот документ, вошедший в историю как Октябрьский диплом, реанимировал элементы федерализма во внутреннем устройстве империи. Вновь созывались представительные учреждения земель и провинций, были значительно расширены полномочия рейхсрата.

В Венгрии появление проекта конституции вызвало эффект, противоположный ожидаемому. По всей стране прокатились антигабсбургские демонстрации, в ряде провинций дело дошло до открытого противостояния Вене. Государственное собрание Венгрии поддержало эту позицию и 22 августа 1861 г. было распущено. Не были удовлетворены уступками власти и либеральные деятели немецкой Австрии, настаивавшие на создании полноценного парламента. Война с Пруссией, правительство которой установила контакты с венгерской оппозицией, подтолкнула императора к принятию непростых решений.

Мартовская реформа национально-государственного устройства (*Märzausgleich*) и декабрьская конституция 1867 г. означали коренное преобразование империи Габсбургов. Отныне Австро-Венгрия состояла из двух равноправных частей, войдя в историю как двуединая или «лоскутная монархия». Венгры стали ее второй титульной нацией, получив собственное правительство и парламент. Обе части империи имели только три общих министерства — военное, финансов и иностранных дел. Австрия брала на себя 70%, а Венгрия — 30% совместных расходов. Области, населенные румынами и

славянскими народами, не получили ожидаемого самоуправления, что запрограммировало дальнейшее развитие национальных конфликтов.

В то же время мартовская реформа дала важный толчок складыванию особой австрийской нации, хотя этот процесс растянулся на несколько последующих десятилетий. Жители западных областей империи, как писал Ф. Энгельс, «должны теперь, в конце концов, поставить перед собой вопрос о том, кем они хотят быть — немцами или австрийцами?» Согласно переписи 1910 г. в Австро-Венгрии проживал 51 миллион человек, из них титульные нации (12 млн. немцев и 10 млн. венгров) составляли менее половины ее населения.

Собственно Австрия (Цислейтания, подразумевавшая земли к северу и западу от реки Лейты, разделявшей обе части империи) стала конституционной монархией с элементами федерализма. Права двухпалатного парламента (рейхсрата) были весьма ограничены, члены правительства назначались и увольнялись самим императором, он же мог в любой момент распустить парламент, единолично решал вопросы войны и мира. Государственный авторитет держался не на представительных институтах, а на раздутом бюрократическом аппарате, который контролировал все проявления общественной жизни. Современники справедливо подчеркивали «удушающее всесилие» коррумпированного чиновничества на всем пространстве империи.

Вплоть до 1879 г. в австрийской части империи сменяли друг друга либеральные кабинеты, выражавшие интересы крупных предпринимателей. В согласии с императором они проводили реформы, призванные закрепить преобладание немецкого языка в государственном делопроизводстве и покончить с федерализмом, на который опирались в борьбе за свои права

угнетенные национальности. В 1873 г. либералы добились принятия закона о новой избирательной системе, согласно которой выборы в рейхсрат стали прямыми, хотя и проводились по четырем различным куриям.

Консервативно настроенный граф Эдуард Таафе, являвшийся австрийским канцлером вплоть до 1893 г., вернулся к традиционной политике «разделяй и властвуй», предоставив национальным меньшинствам доступ к государственной службе. При нем вновь зазвучала идея о «триединой монархии», в которой славянская и венгерская часть могли бы взаимно уравновесить друг друга. Таафе не удалось стать австрийским Бисмарком. Его проект введения всеобщего избирательного права (граф рассчитывал, что голоса крестьян дадут партии власти достаточно прочную поддержку) был провален в рейхстаге голосами либеральной и клерикальной партий.

В эпоху «грюндерства» все уверенней заявляла о себе новая социально-политическая сила — рабочий класс. От «диких стачек» рабочие переходили к организованному протесту, объединяясь для защиты своих классовых интересов. С 1893 г. начал свою работу общенациональный координационный центр австрийских профсоюзов. Власти приходилось идти на уступки, проводя такие социальные реформы, как обязательное страхование рабочих от несчастных случаев и болезней, законодательное регулирование рабочего дня, ограничение женского и детского труда. Социал-демократическая рабочая партия Австрии была основана в результате слияния ряда социалистических групп на съезде в Хайнфельде на рубеже 1888-1889 гг.

В основе ее идеологии лежал ортодоксальный марксизм, партия выступала за эмансипацию пролетариата и революционный переход к новому общественному строю — социализму. Лидером СДРПА вплоть до своей смерти в 1918 г. оставался Виктор Адлер, вышедший из рядов левых либералов.

В конце XIX века главным центром национально-освободительного движения в австрийской части империи стала Чехия. Разделение ее территории на немецкие и чешские округа, которое предпринял канцлер Таафе, натолкнулось на сопротивление партии младочехов, справедливо посчитавшей такой шаг препятствием на пути национальной консолидации. В противовес движению за самоопределение славянских наций в Вене оформилась партия немецких националистов, требовавшая создания Великой Германии. Противники проводили тактику парламентских obstructio- ний, что превратило рейхстаг в арену непрерывных скандалов, нередко перераставших в рукопашные схватки между депутатами.

Впрочем, современникам рубеж двух веков запомнился не мелкими политическими драмами, а колоссальным подъемом технической мощи человечества. В столице Австро-Венгрии поднялись величественные здания ратуши, оперы, нескольких драматических театров. По улицам стали ездить легковые автомобили, витрины магазинов по вечерам заливались электрическим светом. Венцы, равно как и жители других частей империи Габсбургов, разделяли наивную веру Европы в неудержимость прогресса, которую позже так точно описал австрийский писатель Стефан Цвейг:

«Шире и великолепнее становились улицы, грандиознее — общественные здания, богаче и изящнее — магазины. Уровень жизни возрастал, и это чувствовалось во всем; даже мы, писатели, замечали это по тиражам, которые за десятилетие выросли в три, пять, десять раз. Новые театры, библиотеки, музеи возникали повсюду; такие удобства, как ванна и телефон, бывшие доселе привилегией избранных, проникали в быт мелкой буржуазии, да и пролетариат, с тех пор как рабочий день был сокращен, заявлял о себе, требуя хотя бы малой доли в благах и удобствах жизни. Все шло вперед. Выигрывал тот, кто рисковал. Кто покупал дом, редкую книгу, картину, видел, как они повышаются в цене; чем безрассуднее затевалось предприятие, тем вернее оно окупалось. И оттого на мир сошла упоительная беззаботность, ибо что же могло прервать этот подъем, остановить взлет, черпавший в самом себе все новые силы?»

К началу XX века Австро-Венгрия оставалась одним из крупнейших государств европейского континента, претендовавшим на звание мировой державы. Однако за блестящим фасадом двуединой монархии скрывался огромный клубок национальных и социальных проблем, распутать который Франц Иосиф и его политические соратники оказались не в состоянии.

2. Австро-Венгрия в начале XX века

Колосс на глиняных ногах — Три политических лагеря — Годы Первой мировой войны — Последняя осень империи

Колосс на глиняных ногах

Австро-Венгрия вступила в XX век, уже отпраздновав полувековой юбилей пребывания на троне Франца Иосифа. Мастер лавирования и интриги, он умело стравливал между собой политических и национальных соперников, сохраняя закрытость аристократической элиты. В результате его окружение оказалось неспособно предложить стратегию модернизации Дунайской монархии, все более отстававшей от передовых стран Европы. Император видел в обществе только серую массу верноподданных, не выражая готовности поделиться с ним властью. И в то же время «старый Франц» был популярен в народе, к нему попросту привыкли, над его причудами беззлобно посмеивались и в венских кафе, и в далекой провинции.

Оставшись вне рамок объединительного процесса германской нации, Австрия-Венгрия пыталась компенсировать свою изоляцию от братьев по крови экспансией в юго-восточном направлении. На балканском рубеже она столкнулась с интересами России, взявшей на себя роль защитницы всех славян. Несмотря на всю остроту конфликта двух империй, который в конечном итоге привел к Первой мировой войне, они имели между собой немало общего. Прежде всего бросалась в глаза крайняя неравномерность социально-экономического развития различных регионов, дополнявшаяся национальной пестротой населения. В истории каждой из стран было свое «иго» и своя «реконкиста». Развитие

каждой из них во многом опиралось на нещадную эксплуатацию «внутренних колоний», жители которых находились под двойным гнетом. Как австрийское, так и российское общество не смогло вырваться из скорлупы феодальных отношений, оставаясь заложником придворных интриг и монаршей воли.

Эрнст Ханиш, автор классического труда по новейшей австрийской истории, справедливо говорит о том, что на рубеже веков две эпохи, традиция и современность, сосуществовали бок о бок, с трудом притираясь друг к другу. Настоящее стало размываться между прошлым и будущим, новое перестало считать себя наследником старого, за бурными темпами общественного развития не поспевали ни власть предержащие, ни политическая культура населения. Все это порождало новые и делало неприемлемыми старые контрасты: роскошь дворцов и парков оттеняла нищету рабочих кварталов, традиции абсолютизма сопротивлялись росткам парламентской демократии, мощные заводские корпуса соседствовали с крошечными мастерскими ремесленников, автомобили вытесняли с улиц конные экипажи. Благодаря успехам медицины наблюдался быстрый прирост населения, благодаря железным дорогам оно приобретало невиданную ранее мобильность. Если горожане успешно осваивали блага цивилизации, то сельские жители (они составляли две трети населения страны) продолжали бытие в патриархальном мире. На окраинах империи — в Буковине, Галиции, на Балканах — обычным явлением были нищета и неграмотность. Вена рубежа веков (*fin de siècle Wien*) стала нарицательным понятием, неся в себе как ощущение потери преемственности, так и поиск новых духовных ориентиров.

Несмотря на то, что будущая Австрия была самой развитой частью Дунайской империи, ее хозяйство в

начале XX века несло в себе немало патриархальных черт. На ее территории только 80 предприятий имело более тысячи работающих, да и те были сосредоточены в нескольких крупнейших городах. За исключением горнодобывающей и металлургической промышленности в структуре австрийской экономики преобладали мелкие, зачастую семейные фирмы, работавшие на удовлетворение спроса «приличного общества». По всему миру расходились венские стулья, шляпки, произведения австрийских ювелиров. Значительная доля населения занималась тем, что мы бы сейчас назвали сферой услуг — содержала гостиницы, кафе, питейные заведения. Здесь лидировал Зальцбург и альпийские регионы, уже тогда являвшиеся Меккой для состоятельных туристов.

И все же современные формы капиталистического хозяйства прокладывали себе дорогу. 92% производства стали было сосредоточено в руках шести крупнейших концернов. Если в Австро-Венгрии в 1897 г. было зарегистрировано 40 картелей, регулировавших ценообразование, то в 1912 г. их было уже более двухсот. Около половины всего акционерного капитала принадлежало банкам, крупнейшим из которых был Кредитанштайт. Иностраный, в основном немецкий капитал имел серьезные позиции в банковской сфере, в тяжелой индустрии. Сами венские финансисты вкладывали деньги на Балканах, рассчитывая на дальнейшую экспансию империи в этот регион. Специфической чертой было постоянное вмешательство государственных органов в хозяйственный процесс, которое простиралось от налогового пресса и раздачи многомиллионных подрядов до неформального покровительства отдельных чиновников «родственным» фирмам. Австрийские теоретики марксистской ориентации позже назвали такую систему «организованным

капитализмом» (Р. Гильфердинг), делая акцент на появление в ней самой ростков нового общественного строя.

Три политических лагеря

Начало XX века в Австро-Венгрии стало временем заката либерализма. Выполнение политической программы либералов привело не к всеобщему благоденствию, а к дальнейшему обострению социальных конфликтов. Уверенность в безальтернативности общественного прогресса сослужила им плохую службу. Либералы не смогли заручиться поддержкой городских средних слоев, не добились нейтрализации политического клерикализма. Их движение выступало в роли кузницы кадров для возникавших в те годы массовых партий, само распадаясь при этом на мелкие группы. На последнем этапе существования империи либералы сблизилась с партией националистов (Deutschnationalen), выступавшей за воссоединение всех немцев в одном государстве, фактически за присоединение Цислейтании к Германии.

Австрийским социал-демократам в эти годы пришлось столкнуться с необходимостью разрешения национального вопроса еще до победы пролетарской революции. В 1898 г. СДРПА была перестроена по федеративному принципу, шесть национальных секций посылали своих представителей в Центральную исполнительную комиссию. Через год в Брюннской программе партии было сформулировано требование «культурной автономии» для всех народов, населяющих империю. Оно открывало перспективу борьбы против национального угнетения в духовной сфере, и в то же время обходило вопрос о политическом самоопределении славянских народов.

В отличие от либералов консервативно-клерикальным силам удалось сформировать массовую

партию, сделав ставку на мелкобуржуазные слои города и деревни, которые демонстрировали верность кайзеру и церкви, боялись капиталистического прогресса. Христианско-социальное движение несло в себе противоречия, присущие самоощущению этих слоев. Так, в его рядах процветали антисемитские настроения, позволявшие лидерам направлять массовый протест как против финансовых воротил, так и против лидеров рабочего движения. В то же время оно пыталось противостоять разорению ремесленников и крестьян в условиях рыночной экономики, поддерживая кооперативы и призывая к христианской солидарности. Одним из самых ярких представителей первого поколения социал-христиан являлся Карл Люегер, бургомистр Вены в 1897-1910 гг. Его политическому стилю были присущи популизм и демагогия, его практическая деятельность оставила заметный след в архитектуре и социальном облике австрийской столицы.

Под давлением демократического движения и под влиянием русской революции правящие круги Австро-Венгрии в 1907 г. осуществили реформу избирательной системы. Вместо выборов по куриям вводились всеобщие и прямые парламентские выборы для мужчин с 24 лет (хотя из-за неравномерной нарезки избирательных округов у немецких регионов сохранялось значительное преимущество). Выборы 1907 г. обернулись катастрофой для либералов и принесли крупный успех новым партиям. СДРПА завоевала 86 мандатов из 516, став на короткое время самой крупной парламентской фракцией. Лишь объединение сторонников Люегера, получивших 65 мандатов, с клерикалами из консервативного лагеря в Имперскую христианско-социальную партию позволило им отобрать пальму первенства у социалистов. Из-за обструкции депутатов, представлявших национальные меньшинства, рейхстаг

так и не стал центром власти, противостоящим императорскому двору. Он погряз в разбирательстве процедурных вопросов и в начале 1914 г. был распущен.

К этому моменту в стране завершилось формирование трех партийно-идеологических лагерей: национал-либерального, социалистического и христианско-социального (А. Вандружка). Каждый из них формировал собственные правила игры, корпоративную дисциплину и неформальную иерархию. Принадлежность к тому или иному лагерю определялась социальной и конфессиональной самоидентификацией, а порой даже передавалась по наследству. Люди становились в их ряды «от люльки и до гроба», как мрачно шутили венцы. Представители разных лагерей практически не пересекались друг с другом в обыденной жизни, читали разные газеты, отмечали разные праздники, даже одевались иначе. Австрийские историки подчеркивают, что такая структура политического ландшафта напоминала сословный характер феодального общества, что лишало имперские партии внутренней динамики и способности к компромиссу.

Годы Первой мировой войны

Дряхление «лоскутной империи», которое находило свое выражение как в росте национально-освободительного движения на ее окраинах, так и в бесконтрольности разросшегося бюрократического аппарата в центре, заставляло правящие круги искать выход из кризиса на внешнеполитической арене. Австро-Венгрия активизировала свою экспансию на Балканах, давно уже превратившихся в «пороховую бочку Европы». В 1908 г. была аннексирована Босния и Герцеговина, оккупированная австрийскими войсками еще в 1878 г. Это вызвало волну протестов в со-

седней Сербии, общественное мнение России тоже призывало царя к защите славянских братьев.

Последний успех габсбургской дипломатии только усилил зависимость Австро-Венгрии от Германии, с которой та была связана союзническими отношениями. Монархия Гогенцоллернов, находившаяся на подъеме, подталкивала Франца Иосифа к дальнейшей экспансии, рассчитывая таким образом не только ослабить Россию, но и еще прочнее привязать к себе Австро-Венгрию. В Берлине принимали в расчет и перспективу большой европейской войны, но упрямо верили в то, что она окажется очередным «блицкригом». Трагическая цепь случайностей не смогла бы раздуть мировой пожар без горючего материала, в изобилии западного властителями великих держав.

Дети «старого Франца» не могли возложить на себя бремя императорской власти — кто-то из них погиб, кто-то отрекся от престола. Его официальным наследником считался племянник Франц Фердинанд, демонстрировавший недюжинные политические способности, но терпеливо дожидавшийся своей очереди. Идея превращения Австро-Венгрии в триалистическую монархию, которую он собирался претворить в жизнь, открывала пусть небольшой, но все же шанс ее обновления. При этом следует помнить, что «эрцгерцог был консерватором, и та федерация центральноевропейских народов, о которой он мечтал, очевидно, стала бы собранием равных между собой автономных образований, объединенных общей и весьма сильной властью габсбургского монарха» (Я. Шимов).

В 1913 г. Франц Фердинанд был назначен генеральным инспектором вооруженных сил империи. Он уделял серьезное внимание повышению их боеготовности, но не разделял антирусской линии Гогенцоллернов. В отличие от Берлина, сделавшего

ставку на господство немцев над Центральной Европой, наследник рассчитывал на постепенный возврат к «союзу трех императоров» — германского, австрийского и русского. Приход к власти Франца Фердинанда мог бы принести с собой немало политических сюрпризов, однако судьба распорядилась иначе. 28 июня 1914 г. в Сараево он и его супруга были убиты сербскими националистами. Австро-Венгрия объявила Сербии ультиматум, невыполнение которого открывало состояние войны между двумя государствами. За каждым из них стояли влиятельные силы, рассчитывавшие извлечь собственную выгоду из очередного международного конфликта.

Ровно через месяц после выстрелов в Сараево Вена объявила войну Белграду. Началась Первая мировая война, которой будет суждено похоронить Дунайскую империю. Габсбургские дипломаты в венских коридорах власти уступили первенство «партии войны», требовавшей раз и навсегда покончить с Сербией — этим «балканским Пьемонтом». Сказывалось и давление из Берлина, который не хотел упускать представившегося шанса отодвинуть соседей от «места под солнцем». Но последнее решение — принять или отвергнуть сербский ответ на австрийский ультиматум, начать или не допустить войну — должен был принять Франц Иосиф. «Он не хотел и боялся ее, но остановить события не мог: логика престижа, ставшая для Австро-Венгрии логикой выживания, толкала старого монарха и его государство на поле брани» (Я. Шимов).

Хотя в ряде исторических исследований, посвященных кануну мировой войны, империя Габсбургов выглядит едва ли не статистом в ансамбле великих держав, эта точка зрения противоречит известным фактам. В развернувшейся драме европейского масштаба «был некто, кто поднес спичку к взрывоопасной смеси наци-

онального престижа, империалистических целей и мечтаний, фрустрации и готовности идти на все. И этим некто оказалась Австрия» (М. Раухенштайнер).

На первых порах оправдались расчеты на то, что объявление войны окажется «очистительной грозой», способной отодвинуть на второй план внутриполитические конфликты. Волна шовинизма захлестнула даже рабочую прессу — «Arbeiterzeitung» клялась в верности немецкой нации и призывала «освободить славян от ига московитов». В отличие от германских социал-демократов их австрийским соратникам не пришлось голосовать за военные кредиты, однако их отказ от пацифистской позиции, предусматривавшей единство действий социалистического Интернационала против угрозы мировой войны, несомненен. Левое крыло СДРПА, находившееся в явном меньшинстве, рассматривало такую политику как предательство интересов рабочего класса. И все же солидарность социалистов не исчезла, она проявлялась в малом. Так, Ленин и его ближайшие соратники, находившиеся к началу войны на территории Австро-Венгрии, не были интернированы, а благодаря помощи польских и австрийских социал-демократов смогли выехать в Швейцарию.

Война не стала для армии Франца Иосифа победной прогулкой на Балканы. Осенью 1914 г. войска завязли на подступах к Белграду, потерпели ряд ощутимых поражений в Галиции. Только помощь немецких частей позволила выровнять положение на Восточном фронте и в следующем году отвоевать большую часть потерянной территории. В Берлине перестали рассматривать Австро-Венгрию как равноправного союзника, наряду с Болгарией и Турцией она превратилась в сателлита монархии Гогенцоллернов.

Положение Четверного союза значительно ухудшилось, когда 23 мая 1915 г. о своем вступлении в войну на

стороне Антанты объявила Италия. Это вызвало настоящий шок в Вене. Речь шла не только о предательстве бывшего союзника, но и о покушении на «коронные земли» Габсбургов: Италия не скрывала своих претензий на Южный Тироль. Положение на фронте в предгорьях Альп надолго стало главной темой для разговоров в венских кафе. На этот фронт перебрасывались славянские части, которые отказывались воевать с «русскими братьями» и добровольно сдавались в плен. Из них в России были сформированы польская дивизия и чехословацкий корпус, последний сыграл значительную роль в ходе гражданской войны на территории нашей страны.

Вступление в войну Италии позволило Антанте замкнуть кольцо морской блокады противника. Промышленность Австрии и Германии начала давать сбои из-за отсутствия импортного сырья — хлопка, нитратов. Кампании помощи военной промышленности вплоть до добровольного пожертвования бронзовых дверных ручек приносили мало пользы — общественные настроения в Дунайской монархии были уже не те, что в августе 1914 г. Эхо боевых действий все отчетливее доносилось и до внешне мирных австрийских городов. На улицах было заметно все больше траурных платьев, нищих и инвалидов, беженцев из фронтовой полосы. Рационирование основных продуктов питания не могло устранить их нехватки. В деревне из-за мобилизации и нехватки рабочих рук произошло значительное сокращение посевных площадей, к сельскохозяйственным работам приходилось привлекать военнопленных. Крестьяне саботировали обязательные поставки продовольствия, предпочитая продавать их на «черном рынке».

Финансирование войны за счет внутренних кредитов привело к скачку инфляции, цены выросли в несколько раз, зарплата за ними не поспевала. Чтобы не

допустить взрыва недовольства в городах, власти пошли на замораживание квартирной платы. На военных заводах рабочие объявлялись мобилизованными, только в Вене их число превышало 100 тыс. человек. Рабочая неделя доходила до ста часов, но и это не могло удовлетворить потребности фронта. Военно-бюрократический контроль над экономикой оказался неэффективным. В прессу просачивались данные о коррупции при распределении и оплате военных заказов, о гигантском росте прибылей крупнейших монополий. По стране поползли слухи о предательстве в ближайшем окружении Франца Иосифа, о вассальном подчинении интересам берлинского генштаба и вывозе в Германию продовольствия. Народ не хотел больше терпеть лишения войны, отказывался от иллюзий национального согласия перед лицом внешнего врага (Burgfrieden).

Прорыв русской армии под командованием генерала А.А. Брусилова в Галиции в июле 1916 г. обернулся настоящей катастрофой для австро-венгерской армии. Отступая вглубь страны, она недосчиталась без малого полумиллиона погибших, раненых и взятых в плен. Чтобы уладить возникший в результате поражения конфликт между немецкими и австрийскими военачальниками, было принято решение о создании Высшего военного штаба под эгидой германского императора. Признаки близкой катастрофы множились и в тылу. 21 октября 1916 сын лидера австрийских социалистов Фридрих Адлер убил канцлера Карла Штюргга. Ровно через месяц смерть Франца Иосифа подвела черту под целой эпохой в истории страны, которая оказалась совершенно неготовой к тотальной войне.

Вступивший на престол 29-летний Карл Первый отдавал себе отчет в том, что его первой задачей должен стать вывод страны из затянувшейся войны. В

первые недели своего правления он провел амнистию, пообещал созвать рейхсрат и предложить план политических реформ. Однако в последующем и он не мог вырваться из паутины придворных интриг, где тон задавала военная партия. Попытки Карла через своих бургонских родственников наладить контакт с французским президентом Р. Пуанкарэ обернулись громким международным скандалом. 30 мая 1917 г. после трехлетнего перерыва возобновил свою работу рейхсрат, но и он не стал опорой либерального монарха. 21 июля того же года Карл подписал закон о предоставлении кабинету министров чрезвычайных полномочий для преодоления продовольственного кризиса, устранившись от оперативного вмешательства во внутреннюю политику.

Четвертый год войны не принес решающих изменений в ситуации на фронтах. 24 октября 1917 г. австро-германские войска перешли в наступление на итальянском фронте и добились неожиданного успеха. В битве при Капоретто сопротивление противника было сломлено, и перед наступавшими открылась дорога на Венецию. В плен попало около 300 тыс. итальянских солдат. Только переброска в Италию 12 английских и французских дивизий позволила стабилизировать фронт на реке Пиава. Однако частные успехи не могли изменить безнадежного положения Четверного союза. В апреле в войну вступила Америка с ее богатыми людскими и материальными ресурсами (хотя США объявили войну Австро-Венгрии только в декабре 1917 г.). Программа послевоенного урегулирования, предложенная американским президентом В. Вильсоном, не оставляла сомнений в том, что реализация права наций на самоопределение поставит крест на империи Габсбургов.

Новым фактором мирового значения стала революция, начавшаяся в России в феврале 1917 г. Свержение царского самодержавия и завоевание политических свобод нашли самый живой отклик как в немецкой Австрии, так и среди славянских народов. На Восточном фронте проходили стихийные братания, после прихода к власти большевиков между державами Четверного союза и Советской Россией было подписано перемирие.

Доведенные до отчаяния австрийские рабочие стали переходить от слов к делу. Поводом для их выступлений стал срыв мирных переговоров в Брест-Литовске и очередное урезание хлебного рациона. Забастовка, начавшаяся на автомобильной фабрике Даймлера в городе Винер Нейштадт, вскоре охватила всю страну. На пике движения, 19 января, по всей стране не вышло на работу около 750 тыс. человек. Бастовавшие требовали скорейшего заключения мира, отмены цензуры, введения восьмичасового рабочего дня. На многих заводах стихийно происходили выборы в рабочие советы. В воздухе запахло революционной грозой. При посредничестве лидеров СДРПА удалось достичь компромисса с правительством, хотя оно отложило выполнение своих обещаний до окончания войны.

Эстафету рабочих подхватили солдаты. 1 февраля началось восстание матросов военного флота на базе в Каттаро, мятежи в ряде фронтовых частей. Власти прибегли к жестоким репрессиям, предав военно-полевому суду около 3000 мятежников, 87 из них были расстреляны. Подписание Брестского мира с Советской Россией позволило Австро-Венгрии закрыть Восточный фронт и перебросить на границу с Италией наиболее боеспособные части. Однако надежды Берлина и Вены на «хлебный мир» не оправдались, население оккупированных областей Украины саботировало поставки продовольствия, вело партизанскую борьбу против захватчиков.

Последняя осень империи

В июне 1918 г. австро-венгерская армия попыталась повторить успех осенней кампании, форсировав Пиаву, но натолкнулась на ожесточенное сопротивление итальянцев. Это была последняя наступательная операция Дунайской монархии, которая давно уже лишилась каких-либо ресурсов для продолжения тотальной войны. На фронте ощущался недостаток не только снарядов, но и продовольствия, после жидкой похлебки и мамалыги солдаты отказывались воевать. Дезертирство приобрело массовый размах, беглецы уже не скрывались от властей даже в столице. После того, как 29 сентября из войны вышла Болгария, перед войсками Антанты открылась дорога в самое сердце империи. Понимая безнадежность ситуации, 4 октября правительства Германии и Австро-Венгрии направили союзникам ноту с просьбой о перемирии. Хотя переговоры о его условиях продолжались еще целый месяц, солдаты отказывались верить призывам потерпеть еще немного. Целые части самовольно снимались с фронта и штурмовали поезда, уходящие в тыл. За ними по пятам следовали итальянские войска, трубя о «победоносном наступлении».

Положение в тылу выглядело не менее удручающим. В крупных городах царил голод, отдельные земли объявляли о закрытии своих границ, чтобы не допустить вывоза продовольствия. Национальные регионы фактически выпали из имперских рамок, так как Антанта уже летом 1918 г. пообещала чехам и южным славянам образование самостоятельных государств. Идеи федерации были восприняты правящей элитой и австрийскими партиями слишком поздно, когда стал разваливаться не только фронт, но и государственные устои.

3 октября 1918 г. СДРПА выразила готовность признать право всех народов империи на самоопределение и вступить с ними в переговоры об образовании Дунайской федерации. Через две недели Карл подписал Манифест о преобразовании империи в союз государств (Staatenbund). Каждая из ее составных частей могла отныне иметь собственные законодательные учреждения. Еще несколько лет такие требования не решалась озвучить даже оппозиция, однако на исходе войны это выглядело жестом отчаяния, запоздавшей попыткой имперской власти провести революцию сверху.

24 октября заявила о своей независимости Венгрия, 28 октября в Праге было провозглашено создание Чехословацкой республики. «Национальные революции стали провозвестником революции социальной» (О.Бауэр). То, что пришло время для решительных действий, почувствовали не только народные массы, но и их парламентские представители. Еще 21 октября 232 немецкоязычных депутата рейхсрата провозгласили себя Временным национальным собранием, которое избрало исполнительную власть переходного периода — Государственный совет в составе 22 человек. Во главе совета встал умеренный социал-демократ Карл Реннер, которого даже его биографы называют «последним монархистом».

Сосуществование старых и новых институтов власти растянулось на несколько недель. 27 октября последним канцлером империи стал пацифист Генрих Ламмаш, хотя его правительство уже не обладало реальной властью. Члены Госсовета не имели четких полномочий, им даже не было ясно, на какую часть бывшей империи будет распространяться верховная власть Вены. Впрочем, особых усилий от них и не требовалось — институты «старого режима» разваливались

сами собой. Парламентарии сосредоточились на дебатах о форме будущего государства — социал-демократы и националисты выступили за республиканское правление, но Реннер медлил, выжидая дальнейшего развития событий. Карл, уединившись в своей резиденции, также не проявлял никакой инициативы.

30 октября в Вене состоялась массовая рабочая демонстрация. Манифестанты окружили здание, где работало Национальное собрание, и потребовали провозгласить Австрию республикой. После успокоительных речей Реннера и представителя социал-христиан Леопольда Куншака дело ограничилось снятием со здания парламента штандарта Габсбургов. Проект временной конституции, принятый в тот день Национальным собранием, оставлял вопрос о форме будущего государства открытым. Не было сказано ни слова и о правительстве Ламмаша, которое формально продолжало управлять страной. Все передавалось на усмотрение Учредительного собрания, избрать которое предстояло как можно скорее.

Открытым оставался и вопрос о наследстве империи. Виктор Адлер, ставший статс-секретарем по иностранным делам, уже на первом заседании Национального собрания ребром поставил вопрос об альтернативе Дунайской федерации: «В случае, если другие народы отвергнут подобное сообщество, то предоставленное само себе германско-австрийское государство, не имеющее с экономической точки зрения никакой перспективы, будет вынуждено на правах союзного субъекта войти в состав Германского рейха». В первом варианте временной конституции это государство было названо Юго-восточной Германией. Мало кто в те дни всерьез размышлял о перспективе самостоятельного развития «малой Австрии».

3. Первая республика

Первые дни республики —
Сен-Жерменский мир и проблема аншлюса —
Становление республиканского правления —
Социальные проблемы послевоенных лет —
«Красная Вена» — Советско-австрийские
отношения — Эскалация насилия

Первые дни республики

Перемирие на итальянском фронте, подписанное 3 ноября 1918 г., означало для Австро-Венгрии окончание Первой мировой войны. Впрочем, к тому моменту об Австро-Венгрии можно было говорить только в прошедшем времени — после откола национальных образований, ставших самостоятельными государствами, от пятидесятимиллионной империи остался «кровотокающий обрубок» (Ж. Ханнак) с населением в 6 млн. человек. Треть из них проживала в столице, превратившейся в начале ноября в живое воплощение библейского столпотворения.

Тысячелетняя империя доживала последние дни, уже не пытаясь демонстрировать силу и величие. Карл и его свита не решались показываться в общественных местах, на зданиях государственных учреждений безнаказанно срывали кайзеровские штандарты. Разделенные несколькими кварталами, в Вене заседали два правительства, причем каждое из них считало себя олицетворением «правильной власти». Грозные предписания и декларации не могли накормить население столицы, которое перестало получать продукты даже по продовольственным карточкам. Фабрики венских предместий, работавшие на войну, закрывались, их

персонал пополнял ряды тех, кто остался без средств к существованию и без каких-либо перспектив на будущее.

Вокзалы были забиты толпами солдат, самовольно возвращавшихся с фронта. Многие из них имели при себе винтовки, с которыми они срослись за годы жизни в окопах. Стоило показаться на улице офицеру, и он тут же становился жертвой насмешек, с него запросто могли сорвать фуражку и погоны. Чешские и венгерские части по пути следования с итальянского фронта на свою родину нередко вымещали на немецком населении накопившуюся злобу.

Обыватель, когда-то преуспевающий буржуа, чиновник, адвокат, проводил те дни в страхе не только перед грабежами и взбунтовавшейся чернью, но и перед тем, что воинские части Антанты вот-вот оккупируют всю страну (такую возможность предусматривал четвертый пункт соглашения о перемирии). Настоящую панику вызвало сообщение, что пленные итальянцы, находившиеся в лагере неподалеку от столицы, завладели оружием и отправились в поход на Вену. И все же молодежь неудержимо влекло на улицу, толпы любопытных слонялись по центру города, ежечасно ожидая чего-то совершенно невероятного — то ли публичного покаяния кайзера, то ли явления святых заступников.

То там, то тут на улицах предместий возникали стихийные митинги, ораторы призывали рабочих не упустить представившийся шанс и взять судьбу в свои руки. Любая информация о назревавшей революции в соседней Германии вызывала живейший интерес, «примерялась» к австрийским условиям. Второе место в рейтинге венских слухов прочно занимали события в Советской России. Сенсации бульварных газет о тотальной национализации средств производства вплоть

до швейных машинок уже не вызывали взрыва эмоций. Австрийские рабочие приветствовали победы Красной Армии на фронтах гражданской войны, пытались проникнуть в суть системы Советов, привыкали выговаривать иностранное слово «большевик».

3 ноября группа левых радикалов, недовольных умеренностью политики СДПА, объявила о создании Коммунистической партии Австрии. Декларация о намерениях КПА, появившаяся через несколько дней в первом номере партийной газеты, ставила на повестку дня лозунг «Вся власть Советам», призывая повторить пример русских революционеров. Почувствовав, что инициатива может ускользнуть из рук, активизировались и лидеры социал-демократии. Освобожденный из тюрьмы Фридрих Адлер на некоторое время возглавил ее левое крыло. Социалисты приняли непосредственное участие в формировании органов самоуправления — советов на фабриках и в казармах. Чтобы накормить городское население, их делегации были вынуждены проводить реквизиции в селах. Это не добавляло им симпатий в глазах крестьян, у которых сформировалась стойкая неприязнь к «красным».

В конце октября в Австрии началось формирование частей «народной армии» — фольксвера, которым занимался государственный секретарь по военным делам социал-демократ Юлиус Дейч. В нее вливались не только возвращавшиеся с фронта солдаты, но и кадровые рабочие. Явно выдавая желаемое за действительное, Отто Бауэр писал: «Фактическое распоряжение вооруженными силами перешло не только от императора к народу, но вместе с тем в среде самого народа оно вскоре перешло от имущих классов к пролетариату». Для эпохи крушения старого режима характерны иллюзии легкой победы. Фольксвер так и не стал армией демократической и социальной революции.

Ставший де-факто руководителем исполнительной власти Карл Реннер неустанно призывал к «сохранению спокойствия и порядка, чтобы в стране не наступил хаос», подразумевая под последним обстановку гражданской войны. Это оставалось благим пожеланием. События первой половины ноября обгоняли самые смелые политические фантазии. Каждый день на узловых станциях и в крупных городах проходили солдатские демонстрации, ораторы требовали наказать виновных в развязывании войны и бесславном поражении. Крупные фабрики и заводы бездействовали, рабочие видели в этом саботаж предпринимателей и выражали готовность взять контроль над производством в собственные руки.

Министры кайзеровского правительства занимались сдачей дел и уничтожением секретных бумаг, не вмешиваясь в ход событий. Премьер-министр Ламмаш изо дня в день убеждал кайзера объявить о своем отречении. В конце концов член кабинета прелат Игнац Зейпель предложил формулировку, которая побудила Карла взяться за перо. Ключевая фраза кайзеровского манифеста, подписанного 11 ноября, гласила: «Представители народа взяли в свои руки бразды правления. Я отказываюсь от всякого участия в государственных делах». Такая формулировка не означала полного отречения, оставляя императору или его наследникам призрачные шансы возвращения на трон. Одновременно кайзер объявлял распущенным свое последнее правительство. Центром власти в Немецкой Австрии стало Национальное собрание.

Во второй половине 12 ноября толпы людей стекались к зданию парламента. Оглашенная от его имени декларация известила собравшихся о появлении Австрийской демократической республики и отмене всех политических привилегий, доставшихся в наследство

от империи Габсбургов. Под влиянием радикально настроенных солдат, называвших себя красноармейцами, митинг перед зданием Национального собрания вышел из-под контроля. Прорвавшись на крышу здания парламента, кто-то из них выдрал из национального флага, водруженного около 4 часов пополудни, белую полосу. На несколько часов над Веной взвился алый стяг мировой революции.

Часть солдат попыталась прорваться внутрь здания, прокладывая себе путь прикладами и штыками. Вспыхнула перестрелка, в толпе поползли слухи, что из парламента стреляют пулеметы, это еще больше накалило страсти. Однако здание охраняли не полицейские, а социал-демократические рабочие. Повторить в Вене штурм Зимнего дворца не удалось. Итогом беспорядков стали двое убитых и несколько десятков раненых. Отступив от парламента, бунтари отправились к ратуше, потребовав и там заменить австрийский флаг на красный. Чтобы успокоить солдат, бургомистр распорядился вывесить оба флага. Уже вечером красноармейцы оккупировали редакцию газеты «Neue Freie Presse», но были выбиты и оттуда.

Неудавшаяся попытка захвата власти была, пожалуй, единственным эпизодом, тянувшим на звание «революционного». Произшедшая смена власти воспринималась населением скорее как неизбежность, все ждали ее последствий для себя лично — кто-то со страхом, а кто-то с надеждой. Реннер не испытывал особых восторгов по поводу провозглашения республики, считая, что «произшедшее было в известном смысле предательством по отношению к прежде действовавшим государственным учреждениям». Его правительство продолжало заниматься решением насущных проблем, оставив дискуссии о деталях государственного устройства будущему конституционному конвенту. В январе

1919 г. Реннер даже посетил низложенного императора, чтобы уговорить его отречься от своих прав на трон либо покинуть Австрию. Впрочем, Карл отказался принять «предателя».

В наибольшей степени от событий октября-ноября 1918 г. выиграла австрийская социал-демократия. Она перешла из оппозиции в правительство, распад империи избавил ее лидеров от «проклятого» национального вопроса. Партия значительно увеличила свое влияние, объединяя к концу 1919 г. в своих рядах более 300 тыс. человек. Ее представители имели большинство не только в рабочих и солдатских Советах, но и в местных органах самоуправления по всей стране. Лидеры СДПА утверждали, что республика является законным детищем австрийского пролетариата.

Мирный характер смены власти и постепенность внедрения нового в политическую жизнь социал-демократы относили на собственный счет, объясняя свою осторожность консервативным окружением «революционной Вены». Действительно, жители альпийских деревень находились под влиянием католического клира и верили любым, даже самым фантастическим слухам о событиях в столице. «Газеты и проповеди говорили крестьянину о том, что его скот и дрова реквизируются для того, чтобы находящиеся на иждивении государства сотни тысяч безработных могли оставаться праздными, и что угнетавшая крестьян система военного управления поддерживается союзом еврейских капиталистов с рабочими вождями, укрепившимися в центральных учреждениях и правительстве, и что революция хочет национализировать его имущество и уничтожить его церковь». Именно сопротивлением сельского населения объяснял Отто Бауэр, которому принадлежит эта цитата, отказ социалистов провозгласить диктатуру Советов — подобная попытка означала

бы самоубийство Австрийской республики. «Борьба с контрреволюционными аграрными областями сделала бы неизбежной гражданскую войну... Диктатура пролетариата закончилась бы диктатурой чужеземных оккупационных властей».

Естественно, компромиссная позиция СДПА вызвала ненависть радикальных социалистов, стоявших на позиции «все или ничего». И Реннера, и Бауэра обвиняли в предательстве интересов рабочего класса, в сознательном торможении неизбежных исторических процессов. Это обстоятельство на много лет вперед запрограммировало непримиримый конфликт между социал-демократами и коммунистами. Вслед за последними советская историография говорила об австрийской революции, потерпевшей поражение. Более того, социал-демократическое правительство оказывалось наилучшим из возможных вариантов: «внутренняя и внешняя политика кабинета Реннера была поставлена на службу австрийской и международной реакции для борьбы за сохранение в Австрии основ капиталистического строя и за превращение страны в опорный пункт антисоветских планов империалистических держав в Юго-Восточной Европе» (В.М. Турок).

Австрийские историки либо вообще избегают вести речь о революции 1918 г. в своей стране, либо снабжают ее такими эпитетами, которые выхолащивают содержание этого понятия. Так, Людвиг Рейхольд говорит о призрачной революции, которой на самом деле не было, но в наличии которой были уверены и ее враги, и сторонники. Эрнст Брукмиллер предлагает не менее дипломатичный ответ: «итак, это была революция — и в то же время ее не было». Он считает, что в основе переворота лежали внешние факторы, а потому изменения не пошли вглубь, затронув лишь внешнее оформление политических институтов, но не реальные

отношения собственности и власти. Слово «революция» применительно к Австрии берет в кавычки и Герхард Ботц, объясняя это тем, что «базисно-революционное движение добилось значительных (хотя и не окончательных) социально-политических успехов почти без применения насилия». В то же время жесткое подавление властями «спонтанно-путчистских акций» не оставляло левым радикалам шансов на установление собственной диктатуры.

Можно говорить об исследовательском консенсусе и при анализе причин, избавивших Австрию от потрясений, в разной степени охвативших ее соседей — Россию, Германию и Венгрию. Это прежде всего традиции политического компромисса, заложенные в предшествовавшей имперской истории, а также доверие населения к институтам представительной демократии. Тотальная дискредитация старого режима в результате военного поражения заблокировала оформление политического полюса, противостоящего республиканским силам. Наконец, развязыванию гражданской войны противодействовало доминирование одной партии в социалистическом рабочем движении, а также негативное истолкование большевистского опыта в Советской России.

Если в Берлине ноябрьские события 1918 г. создали новую форму правления в уже существующей стране, то в Вене было провозглашено новое государство. Выступая формально правопреемницей монархии Габсбургов, Немецкая Австрия отличалась от нее так же, как эта монархия — от Священной Римской империи. Непосильный груз блестящего прошлого давил на австрийцев не меньше, чем на немцев — унижение проигранной войны. Но если рецептом от Версальского синдрома для немецкого общественного мнения выступало волшебное слово реванш, то подо-

брать лекарство, способное компенсировать утерянное величие Австро-Венгерской империи, было далеко не так просто.

Сен-Жерменский мир и проблема аншлюса

Пункт второй декларации, принятой Национальным собранием 12 ноября 1918 г., гласил: «Немецкая Австрия является составной частью Германской республики». Казалось, сбылась вековая мечта либералов — «малогерманскому» варианту национального объединения, реализованному Бисмарком в империи Гогенцоллернов, было противопоставлено добровольное объединение всех немцев. Под Немецкой Австрией подразумевались родовые владения дома Габсбургов, протянувшиеся полосой от Боденского озера до Дуная. На следующий день государственный секретарь по иностранным делам Австрии Отто Бауэр сообщил об этом Совету народных уполномоченных — правительству новой Германии. На этом закончилась эйфория национального воссоединения — в Берлине сочли за лучшее не реагировать на просьбу об аншлюсе, так как понимали, что это приведет к ужесточению позиции победителей на переговорах о заключении мира.

СДПА традиционно выступала за объединение земель с преимущественно немецким населением, считая его выполнением заветов революции 1848 г. Центральную роль в ее агитации 1918-1919 гг. играли ссылки на нежизнеспособность Австрии, изолированной от новых стран Юго-Восточной Европы, а также расчеты на материальную помощь из Германии. Объединение двух партий, занимавших ключевые позиции в правительствах своих стран, давало им дополнительные преимущества в борьбе за реализацию социал-демократической программы.

За присоединение к Германии, хотя и с противоположной мотивировкой, выступала австрийская партия националистов (Deutschnationalen). Сторонникам аншлюса оппонировали социал-христиане, оказавшиеся в центре политического спектра Первой республики. Их лидеры, мечтавшие о воссоздании империи в виде «Дунайской федерации», считали такую перспективу предательством по отношению к великому прошлому. Кроме того, присоединение к Германии поставило бы крест на шансах Габсбургов вернуться на престол.

В начале 1919 г. Бауэр неоднократно посещал Берлин, чтобы поставить Антанту перед свершившимся фактом, однако не нашел понимания германских социал-демократов. 22 апреля Парижская конференция держав-победительниц заявила о недопустимости присоединения Австрии к Германии. Бауэр в знак протеста покинул свой пост в правительстве Реннера. Последнее, отстаивая идею аншлюса, опиралось на программу послевоенного устройства мира, которую выдвинул президент США В. Вильсон. Эта программа провозглашала право каждой нации на самоопределение. Но на практике это право действовало только там, где это было выгодно победителям.

Так, области проживания немцев в Богемии и Моравии решением Антанты были включены в состав Чехословакии и оккупированы чешскими войсками. Едва появившись на свет, новые государства Восточной Европы начали явочным порядком захватывать лакомые куски погибшей империи. В Южной Каринтии австрийские отряды самообороны вели бои с армией только что возникшего государства южных славян. 5 июня 1919 г. югославы захватили город Клагенфурт, но после окрика из Парижа приостановили свое наступление.

На Западе Австрии, в Альпах право наций на самоопределение получило сепаратистское истолкование. Земля Тироль объявила себя независимым государством 21 ноября 1918 г. в надежде сохранить южную часть своей территории, обещанную Антантой Италии. Среди альпийских крестьян пользовались популярностью и идеи присоединения к Швейцарской конфедерации. За это в ходе референдума, состоявшегося в мае 1919 г., высказалось 80% жителей земли Форарльберг. Но осторожный Берн не решился принять в состав конфедерации новый кантон, не получив на это согласия Вены. В результате ряда дипломатических демаршей только княжество Лихтенштейн поменяло прописку, выйдя из таможенного союза с Австрией и заключив его со Швейцарией.

3 июня 1919 г. в парижском предместье Сен-Жермен начались переговоры держав-победительниц с Австрией. К тому моменту запрет аншлюса уже получил свое правовое выражение в 80-й статье договора с Германией, поскольку он означал бы для нее компенсацию территориальных потерь на Западе и Востоке. Лидеры стран Антанты воспринимали Австрию как прямую наследницу империи Габсбургов. Французскому премьеру Ж. Клемансо приписывали фразу, сказанную при нарезке границ в Центральной Европе: «Австрия — это то, что осталось».

Карл Реннер выстроил следующую линию защиты австрийских интересов в Сен-Жермене: «После распада монархии восемь наций остались без государства, и каждая из них начала создавать собственный парламент, собственное правительство и собственные войска, короче говоря, собственную государственность. Наша молодая республика в такой же степени, как и другие государства, не является наследницей монархии. И в этом заключается

фундаментальное противоречие, жертвами которого мы оказались и которое требует немедленного разрешения».

Такой подход, равно как попытки противодействовать «балканизации всей Центральной Европы», не нашел понимания победителей, которые обращались с австрийской делегацией точно так же, как и с немецкой. Реннеру было разрешено в письменной форме дать свои контрпредложения к проекту мирного договора, но их просто положили в стол. 10 сентября 1919 г. состоялось подписание Сен-Жерменского мира. 17 октября он был ратифицирован австрийским парламентом, хотя представители всех партий сочли его неприемлемым для страны. В тот же день Реннер подал в отставку, но новый кабинет министров через несколько дней собрался практически в том же составе. 21 октября 1919 г. Национальное собрание вычеркнуло статью об аншлюсе из австрийской конституции, государство Германская Австрия было переименовано в Австрийскую республику.

Согласно Сен-Жерменскому договору Италия получила Южный Тироль, отныне ее граница с Австрией стала проходить по Бреннерскому перевалу. Судетская область, где проживало более 3 млн. немцев, отошла Чехословакии. В южной части Штирии и Каринтии предстояло провести референдум о самоопределении местного населения. Накладывались ограничения на размер будущей австрийской армии, запрещались экономические и политические связи с Венгрией до урегулирования отношений последней с Антантой. В договоре говорилось о необходимости возмещения ущерба соседям, однако конкретные цифры репараций не назывались (в результате Австрия их так и не платила).

Несмотря на тон невинной жертвы, который избрала венская пресса, условия договора оказались «жесткие, но выполнимые» (Ф. Фельнер). 10 октября 1920 г. в

спорных областях Каринтии состоялся референдум, давший минимальный перевес голосов в пользу Австрии. Около 10 тыс. словенцев, проголосовавших за это, руководствовались прежде всего экономическими соображениями. Часть Штирии с городом Марибором все же отошла к югославам без проведения референдума. По Сен-Жерменскому миру Австрия получила землю Бургенланд с немецким населением, прежде входившую в состав Венгрии (позже отряды добровольцев из Будапешта захватили округ Эденбург, который был отторгнут от Австрии).

Австрийская республика сохранила относительную свободу рук в определении своих внешнеполитических приоритетов, хотя и не имела возможности претендовать на интеграцию в военно-политические союзы держав-победительниц. Созданная 1 сентября 1920 г. под эгидой Франции так называемая Малая Антанта (Югославия, Чехословакия, Румыния) вызвала негативную реакцию в Вене, вновь почувствовавшей себя окруженной. Лидеры большой Антанты решили компенсировать свою активность в регионе принятием Австрии 20 декабря того же года в Лигу наций. Отчасти стущая краски, публицист Илья Эренбург так описывал место этой страны в европейском раскладе сил: «Вена — только крупная карта на зеленом сукне, где блефуют, проигрывают или выигрывают матерые игроки — итальянцы, немцы, французы, чехи».

Официальные лица Австрии называли Сен-Жерменский мир Государственным договором (Staatsvertrag), подчеркивая тем самым, что подписавшая его республика не являлась участником первой мировой войны. Его условия казались лишним подтверждением тезиса о нежизнеспособности нового государства. Были разорваны традиционные хозяйственные связи, в республику перестало поступать топливо из Чехии,

продовольствие из Венгрии и Словении. Английский историк Эрик Хобсбаум писал в своих мемуарах о венских впечатлениях тех лет: «Австрия не только была государством, которое отказывалось самостоятельно существовать. Она являла собой недоразумение, которое не должно было продолжаться долго».

В самой идее объединения Германии и Австрии не содержалось ничего противоестественного, и можно предположить, что ее реализация выбила бы почву из-под ног правых радикалов. Однако лидеры Антанты не были готовы к столь щедрому подарку проигравшим войну. После запрещения аншлюса националистические и реваншистские круги в каждой из этих стран получили дополнительный аргумент для разоблачения «диктата победителей». Под их давлением Вена и Берлин в 20-е гг. проводили политику ассимиляции (*Angleichung*), демонстрируя миру общее культурное и языковое пространство разделенного немецкого народа. И все же время постепенно брало свое, граждане Австрии начинали чувствовать себя австрийцами. «Об аншлюсе все говорили, но никто всерьез о нем не думал», — признавала очевидное венская пресса.

Становление республиканского правления

Распад империи и провозглашение республики в известной степени упростили расстановку сил на венской политической сцене. Ее покинула придворная камарилья, обладавшая до того первостепенным влиянием на принятие кадровых и административных решений. Главными оппонентами в борьбе за власть и влияние оказались партии, а центром приложения их сил — парламентская трибуна.

Наряду с партиями революционные потрясения достаточно безболезненно пережила и такая особенность австрийской политической истории, как раскол страны

на три мировоззренческих лагеря. Выборы 16 февраля 1919 г. вполне отчетливо отразили тот факт, что австрийцы сохранили приверженность традиционным предпочтениям. Социал-демократы получили 41% голосов и 72 места в Национальном собрании, христианско-социальная партия — 36% и 69, правые партии (националисты и либералы) — около 18% и 29 мандатов. Карл Реннер сохранил свой пост, вице-канцлером стал один из лидеров ХСП Йодок Финк, представлявший в партии крестьянскую фракцию.

«Противоестественная коалиция» (Л. Рейхольд) символизировала временное сплочение всех трех лагерей перед лицом анархии, понимаемой как «красная опасность». Но как только стала очевидной призрачность последней, партия порядка распалась на традиционные составляющие, которым пришлось конкурировать уже в открытой политической борьбе. Первоначальную готовность к компромиссу стимулировала и внутренняя слабость в каждом из лагерей. Умеренному Реннеру, выступавшему против кардинальных реформ (вначале надо выбраться из нужды и «научить народ демократии») противостояли австромарксисты, считавшие что надо использовать общественный кризис для скорейшего продвижения к социализму. В ХСП Финку противостоял стремительно набиравший влияние прелат Зейпель, использовавший недовольство буржуазии «рабочим правительством».

Публичные политики находили благодатную почву для своих далеко идущих проектов в искаленном общественном сознании. Потеряв какие-либо опоры в быстро менявшемся мире, оно жило мифами о великом прошлом и светлом будущем. На горечь поражения накладывалась фантомная боль утраченной империи — многие австрийцы чувствовали себя аристократами после революционного «уплотнения». Они были

выдворены из огромной квартиры, где еще недавно чувствовали себя хозяевами, в одну-единственную комнату, но и ее обстановка ежечасно напоминала о былом величии.

Консервативные слои общества видели единственный выход из полосы несчастий в реставрации монархии. Кайзер с семьей отбыл в Швейцарию только в конце марта, так и не подписав формального отречения от трона. В ответ на это Национальное собрание 3 апреля 1919 г. приняло закон об уничтожении символов монархии и недопустимости возвращения кайзера в страну (Landesverweis).

Мифом с противоположным идеологическим зарядом оставалась идея советской республики. Делегаты местных советов рабочих и крестьян 1 марта 1919 г. провели национальную конференцию, заявив о себе как о новой политической силе. Во главе избранного на конференции Исполкома встал популярный Фридрих Адлер, сохранивший влияние и на руководителей австрийской социал-демократии. Для него советы являлись скорее орудием давления на существующую власть, нежели альтернативной государственной формой. Ее авторитет был прямо пропорционален успехам советских республик в Баварии и Венгрии. Если бы они отстаивали свое право на существование, Австрия могла бы оказаться чрезвычайно важным мостом между ними и даже включиться в полосу «очагов мировой революции».

21 июля 1919 г. по решению Венского совета рабочих депутатов прошла забастовка солидарности с Советской Россией, к которой присоединилась значительная часть промышленных предприятий по всей Австрии. Хотя работа советов и в центре, и на местах все больше утопала в бесконечных дискуссиях, для зна-

чительного числа выходцев из социальных низов они явились реальной школой демократии.

Левое крыло СДПА, австромарксисты во главе с Бауэром в лучшем случае воспринимали советское движение как неизбежное зло. Признавая необходимость социальной революции, они говорили «нет» методам партийной диктатуры. Получалось, что рабочий класс сможет приступить к строительству социализма только после завоевания парламентского большинства. При всей непоследовательности своей позиции левые социалисты проявляли критическую солидарность по отношению к диктатуре большевиков. Однако конструктивного диалога так и не получилось. Редкие попытки выработать общую платформу, как это было на встрече трех рабочих Интернационалов в апреле 1922 г., разбивались об идеологические догматы и публицистические перехлесты. Больше других доставалось Отто Бауэру: лидерам большевизма было «ясно, что этот лучший из социал-предателей — в лучшем случае ученый дурак, который совершенно безнадежен» (В.И. Ленин).

На австрийской политической сцене конкуренцию австромарксизму пытались составить коммунисты, но они так и не смогли обеспечить за своей партией массового влияния. Даже на выборах в советы представители КПА получали всего несколько процентов голосов. Первый съезд компартии прошел 9 февраля 1919 г. и высказался за бойкот Национального собрания. Ее лидеры были настолько уверены в близости мировой революции, что считали своей задачей обеспечить искру для пролетарского взрыва.

Весной 1919 г. в воздухе действительно пахло грозой. 17 апреля 1919 г. (это был четверг пасхальной недели) мирная демонстрация, организованная венским комитетом безработных, едва не закончилась штурмом

парламента. КПА, на которую правящие круги возложили ответственность за столкновения, повлекшие за собой несколько десятков убитых и раненых, не принимала решения о захвате власти. Однако несколько ее представителей выступали в тот день перед толпой с зажигательными речами.

Руководство австрийских коммунистов, усиленное эмиссарами из советской Венгрии, более тщательно подготовилось к массовой акции, назначенной на 15 июня. В непосредственной близости от парламента планировалось проведение демонстрации против разоружения фольксвера. Однако накануне полиция произвела массовые аресты, под стражу были взяты 130 функционеров КПА. Демонстрация все-таки состоялась, хотя на нее не были пропущены радикально настроенные отряды красноармейцев. Столкновения с полицией в тесных венских переулках повлекли за собой немалые жертвы: 17 погибших и 84 раненых. Власти вновь заявили о предотвращенной попытке коммунистического путча.

Не принесли успеха и попытки леворадикальных активистов разбудить энергию масс путем серии террористических актов, в том числе взрыва моста через Дунай. Коминтерн, находившийся в Москве генеральный штаб мировой революции, никогда не относил австрийских коммунистов к ее авангарду. КПА продолжала свое существование, постепенно прощаясь с иллюзией, «будто, объявив себя коммунистами, группа может стать силой без борьбы за влияние среди масс» (В.И. Ленин).

Постепенное затухание политической активности масс к лету 1920 г. перешло в фазу стабилизации республиканского режима (К. Прибрам), символом которой стал распад всепартийной коалиции. В ходе заседания парламента 10 июня 1920 г. при обсуждении

вопроса о принципах построения будущей армии, разрешенной Сен-Жерменским миром, социал-христиане заявили о невозможности продолжения сотрудничества с СДПА.

Тем не менее, в ряде принципиальных вопросов две крупнейшие австрийские партии голосовали солидарно. Так было при утверждении 1 октября 1920 г. конституции Австрийской республики, разработанной либеральным правоведом Гансом Кельзенем. Федеративное устройство государства, состоящего из девяти земель, наделенных широкими полномочиями, выглядело как явная уступка социал-демократов своим недавним соратникам по коалиции. В то же время конституционное устройство покончило с местным сепаратизмом, который в момент формирования республики представлял собой серьезную угрозу национальному единству.

Двухпалатный парламент, избравшийся всеми гражданами, достигшими 21 года, включая и женщин, состоял из Национального совета и бундесрата. В последнем каждая из земель была представлена равным количеством голосов, что давало сельскому населению явное преимущество перед горожанами. В случае вето бундесрата на решения нижней палаты конституция предусматривала включение механизма референдума. Президент республики избирался парламентом и в отличие от канцлера имел в основном репрезентативные функции.

Конституция содержала обширный перечень политических прав и свобод, но обходила вниманием социальные гарантии государства своим гражданам. Вопрос о принципах школьного образования был также вынесен за скобки из-за сопротивления церковных иерархов, не желавших расставаться с мощным рычагом духовного воздействия на подрастающее поколение. В

духе политического компромисса была выдержана и символика нового государства — орел с герба Габсбургов лишился одной головы, в его лапах, разрывающих цепи, оказались заимствованные из России символы власти рабочих и крестьян — серп и молот.

На выборах в парламент, состоявшихся 17 октября 1920 г., социал-демократы уступили пальму первенства ХСП. Социал-христианам до абсолютного большинства не хватило всего шести мандатов. За них голосовали мелкие хозяева в городе и деревне, значительное большинство женщин. ХСП сумела подать себя в качестве защитницы традиционных устоев, что вполне импонировало общественному мнению, уставшему от неразберихи прошедшего двухлетия. Победа этой партии была равнозначна реваншу политического католицизма: «союзу трона и алтаря в монархии наследовал союз буржуазии и церкви в республике» (Г.Штегер). Священники провозглашали с амвона анафему тем, кто отдаст свои голоса безбожникам, а сами активно вмешивались в политику, отстаивая особое место церкви в общественной жизни страны.

Прелат Игнац Зейпель, возглавлявший социал-христиан с 1921 по 1930 г., олицетворял собой тип непоколебимого аскета, и в то же время «имел в своем распоряжении двухтысячелетнее искусство католической интриги» (Э. Ханиш). Для политика в сутане демократия была порождением вселенского зла, с которым приходилось временно мириться. Реннер отмечал, что в Зейпеле «прекрасные человеческие качества и достоинство священника соединялось с догматическим умом и даром злопамятной, не способной к примирению ненависти».

Правительство, сформированное по итогам октябрьских выборов 1920 г., формально было коалиционным, так как включало в себя трех представителей

националистов. Однако все ключевые посты в нем принадлежали выходцам из ХСП. Сам Зейпель отказался от канцлерского поста, справедливо рассчитывая, что его время не за горами. Вопрос о коалиции с СДПА уже не стоял — для поднявшей голову буржуазии эта партия являлась олицетворением революционных потрясений предшествующих лет.

Верный сын католической церкви, Зейпель видел в социалистах ее смертельного врага, хотя и признавал их некоторые требования совместимыми с принципами христианской этики. В истории Первой республики началась полоса противостояния «красных» и «черных», со временем все более выходившая за рамки парламентских дебатов и дискуссий в прессе. Каждый из лагерей не только предлагал альтернативное решение насущных проблем послевоенной эпохи, но и формировал собственные правила политической борьбы.

Социальные проблемы послевоенных лет

Хозяйственная разруха, ставшая самым зримым результатом проигранной войны, не обещала Австрийской республике светлого будущего. Из-за нехватки сырья, прежде всего угля, большинство предприятий работало вполсилы. Исчезли и военные заказы, дававшие ранее предпринимателям невиданную прибыль, а трудящимся — стабильную зарплату. Банкиры и промышленники любыми путями стремились переправить свои капиталы за границу, чтобы переждать беспокойные времена.

В Австрию с фронтов Первой мировой войны вернулось около полумиллиона солдат, требовавших уж если не ветеранских пособий, то хотя бы достойной работы. Серьезной нагрузкой на бюджет государства являлись его собственные служащие. Они составляли около 10% самодеятельного населения, и среди них

было немало лиц, получивших когда-то «теплые местечки» по протекции, в том числе и партийной. Социальную напряженность, особенно в столице, усиливали толпы чиновников, стекавшихся туда со всех окраин бывшей империи в расчете на государственную пенсию.

Система продовольственного снабжения, и так трещавшая по всем швам в последний год войны, окончательно развалилась. Горожане жили скудными запасами, отправляли жен и детей к родственникам в деревню. Обычным делом стало мародерство, особенно «экспроприации» угля при его транспортировке. Для того, чтобы запастись дровами, население вырубало знаменитый Венский лес. Буржуйки появились даже в самых дорогих отелях. Для ослабленных людей обычный грипп становился тяжелой болезнью. Смертность выросла более чем в полтора раза по сравнению с довоенным периодом.

В то же время на территории Австрии был сосредоточен солидный экономический потенциал — треть промышленного производства империи и львиная доля ее финансового капитала. Речь шла о том, какими путями его удастся пустить в ход. Несмотря на социалистическую риторику, правительство Реннера отказалось от национализации ключевых средств производства. В то же время буржуазия, напуганная революционной перспективой, безропотно приняла пакет социальных законов.

Уже в ноябре 1918 г. было объявлено о пособиях для безработных, запрещено использование детского труда. 19 декабря был введен 8-часовой рабочий день, хотя этот закон касался только крупных предприятий. Правительство Реннера подтвердило мораторий на рост квартплаты, введенный в годы войны, издало декрет о запрете на увольнение. Позже появился закон

об обязательном отпуске для рабочих, составлявший, правда, всего одну неделю в году.

15 мая 1919 г. Национальное собрание утвердило закон о фабрично-заводских комитетах — органах производственного самоуправления (*Wirtschaftsdemokratie*). Фабзавкомы получили право участвовать не только в решении социальных вопросов, но и в налаживании производства в мирных условиях (снабжение топливом и сырьем, поддержание дисциплины). Это привело к значительному росту влияния профсоюзов, заставивших предпринимателей считаться с интересами трудящихся.

После бегства за границу последнего императора была проведена конфискация имущества дома Габсбургов, которое было передано в фонд помощи жертвам войны. Определенное облегчение принесла и отмена всех привилегий дворянства, многие из которых ранее оплачивались из госбюджета. Однако эти полумеры не решали вопроса об аккумуляровании достаточных средств для перевода экономики на мирный лад. Попытки Реннера получить кредиты в странах Антанты разбивались об их отношение к Австрии как побежденной стране, которая должна быть наказана.

Зима 1919-1920 г. оказалась самой тяжелой для Первой республики. Сельские районы саботировали снабжение крупных городов, паек в них не превышал 1500 калорий. Нехватка продуктов привела к настоящему голоду в рабочих предместьях, многие дети из-за истощения не могли посещать школу. Правительство буржуазной коалиции пошло на раскручивание инфляционной спирали, рассчитывая таким образом залатать дыры в бюджете и дать стимул промышленности, работавшей на экспорт. В 1921 г. более половины государственных расходов

компенсировались за счет печатного станка. В Вене ежедневно печаталось по три миллиарда крон.

Инфляционная политика лишь на время затушевала экономическое банкротство страны. Экспортная выручка оседала в иностранных банках, финансовые воротилы, игравшие на разнице курсов валют, за несколько месяцев нажили огромные состояния. Вена и Зальцбург вновь стали раем для иностранцев — на сей раз из-за своей дешевизны. Для тех, кто не имел иностранной валюты, происходившее напоминало скорее ад. Каждый месяц цены увеличивались вдвое. Социальные выплаты превращались в насмешку, падала реальная заработная плата. Хотя правительство дотировало цены на основные продукты питания, их еще нужно было «достать». За самым необходимым выстраивались колоссальные очереди, вновь расцвел «черный рынок».

Узнав 1 декабря 1921 г. об удвоении цен на хлеб, жители Вены устроили настоящий голодный бунт. Рабочие уходили с фабрик и двигались в центр города, громя по пути роскошные отели, «буржуйские кафе» и продуктовые лавки. Полиции только к ночи удалось остановить бесчинства толпы, несколько десятков зачинщиков было предано суду. Однако без нормализации финансовой жизни в стране повторения подобных выступлений можно было ждать в любой момент. Уже не рассчитывая на собственные силы, правительство обратилось к Лиге наций.

Международный банковский капитал не спешил на помощь, извлекая максимум возможного из распродажи национальных ресурсов Австрии. Переговоры о предоставлении ей международных кредитов закончились подписанием Женевского протокола только 4 октября 1922 г. Австрия получила 650 млн. золотых крон под гарантии Великобритании, Франции, Италии и Чехословакии и смогла стабилизировать валюту на от-

метке 1 доллар за 80 тыс. крон. Страна оказалась под жестким финансовым контролем специального комиссара Лиги наций. Он единолично распоряжался доходами от пошлин и акцизов, являвшихся обеспечением международного займа.

Социал-демократическая оппозиция на словах выступила против Женевских протоколов, справедливо считая, что их проведение в жизнь будет означать стабилизацию капиталистического хозяйства. Отто Бауэр даже объявил Зейпеля предателем национальных интересов страны, однако его партия не предприняла никаких действий, направленных против режима финансовой санации, так как не могла предложить ему реальной альтернативы. Фракция СДПА голосовала за ратификацию протоколов в тех пунктах, где они вторгались в сферу конституционного права и требовали большинства в две трети парламентских мандатов.

В рамках режима санации правительство пошло на увольнение 100 тыс. чиновников всех рангов и резкое сокращение социальных программ, которые буржуазная пресса называла рудиментом революционной эпохи. Резко выросло налоговое бремя, в том числе и на трудящихся. Падение производства в отраслях промышленности, ориентированных на экспорт, привело к очередному скачку безработицы. В начале 1923 г. на австрийских биржах труда было зарегистрировано 200 тыс. человек, не имевших постоянной работы. В 1924 г. начали лопаться липовые банки, наживавшиеся в предыдущие годы на инфляции и финансовых аферах. Их вкладчики пережили очередную экспроприацию своих сбережений.

Режим санации имел не только свою экономическую, но и политическую цену. Недовольные распределением налоговых тягот лидеры земельных правительств от ХСП устроили переворот в собственной

партии, заставив Зейделя подать в отставку. И все же новая австрийская валюта (в декабре 1924 г. крону сменил шиллинг) обрела стабильность и даже стала называться «альпийским долларом». Успех санации поставил крест на воздыханиях о нежизнеспособности австрийской экономики.

Вторая половина 20-х гг. стала периодом постепенного подъема и модернизации австрийской экономики. Усилилось проникновение в нее иностранного капитала, в основном английского и американского. Государство инвестировало в крупные проекты, такие как строительство гидроэлектростанций и перевод железнодорожного транспорта на электрическую тягу. С 1927 г. правительство взяло курс на автаркию, резко увеличив пошлины на импорт. Несмотря на то, что плоды стабилизации чувствовал на себе каждый австриец, пресса справедливо писала о черепаших темпах экономического роста и балансировании над пропастью новых кризисов. К 1929 г. валовой внутренний продукт Австрии достиг только 105% от довоенного уровня.

«Красная Вена».

Согласно республиканской конституции 1920 г. австрийская столица имела статус федеральной земли, что давало ей известную финансовую самостоятельность, позволяло вводить специальные налоги. Уже мае 1919 г. бургомистром Вены стал социал-демократ Яков Рейман, и в последующее десятилетие его партия имела абсолютное большинство в столичном магистрате, реализуя на коммунальном уровне свои представления о будущем общественном строе. Эксперимент, вошедший в историю под названием «красная Вена», вызвал огромный интерес и породил немало подражателей в западном мире. Главным полем эксперимента стали

строительные площадки. Довоенная Вена была городом социальных контрастов, великолепные дворцы имперской знати соседствовали с бедными кварталами, где господствовали скученность и нищета. Туберкулез на рубеже веков нередко называли «венской болезнью». Эти авгиевы конюшни индустриализации и принялись расчищать новые власти австрийской столицы.

В рамках жилищной программы, разработанной в 1923 г., было построено более 60 тыс. квартир. Горожане охотно переселялись в коммунальное жилье, поскольку оно было не только дешевым (после войны сохранялось действие закона 1917 г. о замораживании квартплаты (Mieterschutz), в среднем она составляла 3 % заработка квалифицированного рабочего), но и привлекательным. Архитектурный облик городских окраин стали определять современные многоэтажные дома, прилегающая к ним территория была разбита на скверы, в самих зданиях помещались детские сады, общественные кухни и прачечные. Самое известное из таких сооружений — «Карл-Маркс-Хоф» — протянулось на несколько сотен метров вдоль Дуная и справедливо было названо «архитектурной метафорой классовой борьбы» (Э. Ханиш).

«Красная Вена» добилась искоренения туберкулеза, за одно десятилетие почти в два раза снизилась детская смертность. Строились специальные общежития для молодых рабочих, было введено бесплатное питание детей в школах, большое внимание уделялось организации досуга подрастающего поколения. Один из работников магистрата заметил: «Средства, которые мы вкладываем в клубы для молодежи, позволят нам сэкономить на тюрьмах».

Школьная реформа, начатая в первые годы существования республики на федеральном уровне, последовательно проводилась в жизнь только в Вене. Ее

движущей силой был педагог и политик Отто Глекель, выступавший за активное участие самого ребенка в обучении, отказ от зубрежки и приближение учебного процесса к реальной жизни. Максимальное число учащихся в классе было ограничено тридцатью, учебники были дополнены рабочими тетрадями, и те и другие раздавались бесплатно, значительную роль в жизни школ стали играть родительские советы. Многие из этих нововведений представляются теперь само собой разумеющимися, но в 20-е годы они выглядели достаточно революционно.

Серьезное сопротивление реформе образования оказывала католическая церковь. Глекелю так и не удалось добиться введения принципа добровольности в изучении закона божьего в школе. Церковь отказывалась признавать государственную регистрацию брака, которая подразумевала возможность цивилизованного развода. Ее оппонентам приходилось искать обходные пути. Социал-демократические политики земельного уровня своими декретами объявляли тот или иной брак распавшимся, что позволяло бывшим супругам создавать новые семьи. Протесты вызвало даже строительство в Вене первого крематория — столичный епископ официально объявил, что души сожженных никогда не попадут на небеса.

И все же позитивные результаты «Красной Вены» не могли игнорировать даже реакционные политические силы. К концу 20-х гг. уже около 10% венцев проживали в домах, принадлежавших магистрату. Рабочие, выбравшиеся из казарм и углов, стали самой надежной опорой социал-демократов и были готовы защищать свой новый социальный статус. В 1932 г. из 640 тыс. членов СДПА 400 тыс. являлись жителями австрийской столицы. Для них была создана сеть общедоступных

библиотек, а в 1926 г. появился рабочий университет, куда принимали без гимназического образования.

Цель подобных муниципальных экспериментов не в последнюю роль заключалась в том, чтобы лишить почвы буржуазную пропаганду, представлявшую новый общественный строй одной большой казармой. Впрочем, и идеологи социал-демократии выдавали желаемое за действительное. Так, Карл Каутский писал о том, что Венская Коммуна продолжает дело Парижской Коммуны в новых исторических условиях. Будущее показало, сколь непрочен был социализм в границах одного города.

Советско-австрийские отношения

После подписания Брестского мира Австро-Венгрия де-факто признала Советскую Россию, однако до обмена дипломатическими представительствами дела так и не дошло. Между двумя государствами, разделенными фронтами мировой и гражданских войн, больше не было общей границы. В августе 1918 г. в Вене появилась миссия большевика Я.А. Бермана, которой было поручено заниматься репатриацией военнопленных (с 1914 г. в австро-венгерский плен попало 900 тысяч российских солдат и офицеров). Члены миссии находились под постоянным контролем венской полиции, так как считались «разносчиками коммунистического влияния».

Вопреки надеждам большевиков, австрийские социалисты, традиционно считавшиеся одной из самых «левых» партий рабочего Интернационала, не попали под это влияние. Отдавая должное мужеству большевиков, их лидеры не видели смысла в повторении опыта русской революции в Австрии. В октябре 1917 г. Отто Бауэр, только что вернувшийся из русского плена, выпустил брошюру «Русская революция и европейский

пролетариат». В ней он признал банкротство демократического эксперимента в крестьянской стране и неспособность думских партий удержать власть в своих руках. Считая большевистский переворот вполне возможным вариантом развития революции в России, он все же отказывал ему в социалистическом характере. Фридрих Адлер во время своего нахождения в тюрьме был даже избран почетным членом Всероссийского Исполкома советов. Однако после того, как он отказался от раскола собственной партии, устами большевистской прессы Адлер был превращен в «блудного сына, вернувшегося в лоно социал-предателей».

После поражения Тройственного союза Советская Россия денонсировала Брестский мир. В Москве 5 ноября 1918 г. был создан совет австро-венгерских солдатских и рабочих депутатов, который вел коммунистическую пропаганду и в то же время координировал процесс отправки на родину австрийских военнопленных (к моменту окончания войны в России их оставалось более 200 тысяч). Многие из «распропагандированных» солдат и офицеров позже оказались в числе ведущих функционеров коммунистических партий стран Центральной Европы. Бела Кун стал одним из лидеров Советской республики в Венгрии, Карл Томан являлся главным редактором газеты «Weltrevolution», издававшейся на немецком языке в Москве. Вена стала одним из важнейших центров деятельности эмиссаров Коминтерна, здесь располагалось Юго-Восточное бюро этой организации, координировавшее связи с балканскими компартиями.

Откат революционной волны и нормализация отношений новой России с окружающим миром открыли новую главу и в советско-австрийских контактах. Договор между двумя странами, подписанный 7 декабря 1921 г. подразумевал обмен дипломатическими мис-

сиями, отказ от враждебной пропаганды и поощрение торговых связей. Стороны были едины во мнении, что они не являются правопреемниками погибших империй и потому не несут ответственности по их обязательствам. «Нулевое решение» в вопросе о взаимных претензиях позволило урегулировать имущественные споры, связанные с национализацией австрийской собственности в России. После долгих проволочек советские представители вернулись в историческое здание российского посольства на Рейснерштрассе, неподалеку от дворца Бельведер.

Отношения двух стран нередко переживали периоды «войны нот» — австрийцы жаловались на подрывную деятельность агентов Коминтерна под прикрытием дипломатического иммунитета работников советского посольства, в свою очередь Наркоминдел обращал внимание на «очернительские репортажи» корреспондентов венских газет, аккредитованных в России. Случались и казусы, достойные исторических анекдотов. Так, провозглашение Советским Союзом в середине 20-х гг. своей зоны интересов в Арктике вызвало настоящий переполох в Вене — в эту зону попали и острова Франца Иосифа, открытые австро-венгерской экспедицией за полвека до этого. Впрочем, до письменных протестов дела не дошло — страна, потерявшая выход к морю, могла только тихо оплакивать потерянное могущество.

Тяжелое экономическое положение Австрии заставляло правящие круги обращать внимание на новые рынки сбыта. 3 июля 1923 было образовано советско-австрийское торговое общество РУСАВСТОРГ. Объем торговли между двумя странами в 20-е гг. достигал 20 млн. золотых рублей в год. В советском экспорте доминировали продукты сельского хозяйства, в австрийском — машины и промышленное оборудование.

21 октября 1927 г. свой вклад в развитие экономических отношений с СССР внес «красный» магистрат Вены, предоставив под свои гарантии кредитную линию в 100 млн. шиллингов. К началу 1929 г. было освоено около двух третей выделенных средств, но после начала мирового экономического кризиса предоставление кредитов было заморожено.

Австрийскими концессиями в нэповской России были трикотажная фабрика в Косино, пуговичная в Москве и завод эмалированной посуды «Жесть-вестен» в Ростове-на Дону. После начала «великого перелома» в СССР все они были закрыты, в австрийской прессе стала преобладать негативная информация о ситуации в нашей стране. Отчет наркомата иностранных дел отмечал в 1929 г.: «В связи с решительным наступлением нашей партии на частнохозяйственный сектор отношение, так называемых, общественных кругов Австрии изменилось к нам в неблагоприятном смысле».

Были и робкие попытки наладить сотрудничество «снизу», на стыке идеологических симпатий и хозяйственного расчета. В 1925 г. в Киргизию прибыло около 200 сельскохозяйственных рабочих из Австрии. Им должны были предоставить для освоения пустующие земли, но вместо этого приписали к существующей коммуне. Большинство австрийцев уехало обратно, так и не найдя в стране строящегося социализма лучшей доли для себя лично. Спорадический характер имели и культурные контакты двух стран. Так, в 1928 г. в СССР на празднование юбилея Л.Н. Толстого приезжал Стефан Цвейг, а в Зальцбурге на моцартовских торжествах выступал оперный ансамбль Ленинградской консерватории.

Посланником Австрийской республики в Москве в 20-е гг. был Отто Поль — единственный из левых социалистов, кому удалось пробиться в консервативную

дипломатическую элиту. Поль поддерживал личные отношения с Г.В. Чичериным и А.В. Дуначарским, несколько раз встречался с Лениным. Среди западных дипломатов он слыл большим оригиналом — не признавал фраков, на костюмированный бал дипломатического корпуса явился однажды в образе Купидона с голым торсом. В австрийском посольстве часто бывали Маяковский и Есенин, режиссер Сергей Эйзенштейн и музыкант Отто Клемперер.

Отставка Поля с дипломатической службы в декабре 1927 г. состоялась под нажимом правых партий и церкви — в Наркоминделе это было воспринято как отзвук июльских событий в Вене, о которых речь пойдет в следующем разделе. Поль остался в России, до 1934 г. издавал газету «Moskauer Rundschau». Лишенный пенсии у себя на родине, он перебрался во Францию, после оккупации которой гитлеровскими войсками покончил жизнь самоубийством.

Попытки Поля и ряда деятелей австрийской культуры пробудить в общественном мнении своей страны симпатии к Советскому Союзу разбивались о стереотипы, которые насаждала бульварная пресса. Речь неизменно шла о коварных большевиках, поработивших собственный народ и насаждающих по всему миру собственную диктатуру. Хватало стереотипов и по другую сторону идеологической баррикады. Советские газеты показывали Австрию в роли марионетки западных держав, а ее простых жителей — как жертв воинствующих католиков и социал-предателей. Илья Эренбург, считавшийся специалистом по этой стране, после очередного возвращения из зарубежной командировки рисовал в газете «Известия» сцену из венской жизни 1928 г.: «Возле нарядного фонтана падал на землю подкошенный голодом безработный».

Эскалация насилия

Несмотря на демократическое конституционное устройство, политический режим Первой республики сохранял немало авторитарных черт, связывавших его с ушедшей в небытие империей. «Политическая система Австрии в целом была пронизана архаичными структурами. Она продолжала основываться на покровительстве, вмешательстве сверху и интригах, обеспечивая партиям и группам интересов социальную интеграцию их клиентуры, в ней всепроникающая коррупция не только принималась в расчет, но и выступала в качестве само собой разумеющегося явления» (Д.А. Биндер).

Перегруппировав свои силы, в политическую жизнь вернулась католическая церковь. Попытки СДПА освободить от ее влияния систему образования и ввести политехническую школу не увенчались успехом. Атеистическое движение (Freidenker) осталось экзотическим эпизодом в истории Первой республики. Напротив, ХСП не скрывала особых отношений с католическим клиром, объявляя левых безбожниками, а себя — спасительницей христианской морали.

Как и в Германии, значительную роль в политической жизни Австрии играли ветеранские союзы и воензированные формирования (Heimwehr). Наследие военных лет проявлялось в готовности к силовым решениям, стремлению внести в партийно-политический спектр порядок армейской казармы. Агитация хаймвера учитывала массовое недовольство парламентской демократией, выражавшей эгоистические интересы закулисных сил, чуждых простому народу. Социальной базой воензированных формирований была крестьянская молодежь, люмпенизированные в результате послевоенных кризисов средние городские слои. Корпус функционеров формировали отставные офицеры и «интеллектуальный пролетариат», среди последнего

были и носители звучных аристократических фамилий. Хаймвер вербовал в свои ряды и консервативно настроенных рабочих, которые отказывались вступать в профсоюз и потому выдавливались с предприятий.

Политическая элита страны считала хаймвер прибежищем для социальных аутсайдеров, эхом прошедшей войны. Его приверженцы, облаченные в военную униформу, еще могли произвести впечатление на деревенских девушек, но не пользовались авторитетом в крупных городах. Над ними посмеивались, детвора дразнила хаймверовцев «петушиными хвостами» за перья, которые они носили на своих фуражках. Взрослые называли их «пятишиллинговиками» — такую мзду они получали за участие в демонстрациях и парадах.

И все же это была потенциальная армия гражданской войны, примыкавшая к консервативно-клерикальному крылу ХСП. По разным оценкам в нее входило от 60 до 100 тыс. австрийцев. Они брали за образец организацию фашистского движения в соседней Италии, требовали по примеру Муссолини совершить «марш на красную Вену». В распоряжении хаймвера оказались военные запасы, укрытые от контроля Лиги наций — несколько десятков тысяч винтовок, пулеметы, тяжелое вооружение. Явным преувеличением советской историографии было утверждение, что эта организация выступала в роли «вооруженной гвардии финансового капитала» (В.М. Турок). Однако многие австрийские промышленники субсидировали хаймвер в расчете на политические дивиденды, значительные средства поступали и из-за границы — от Венгрии и Италии.

Пытаясь использовать в своих целях военную атрибутику, социал-демократы в 1923 г. образовали собственную партийную гвардию (Schutzbund), численность которой также доходила до 100 тыс. человек. В венском арсенале были замурованы значительные запасы оружия,

о котором знали лидеры СДПА. Попытки полиции найти эти склады ни к чему не приводили. В отличие от военизированных формирований правого толка шутцбундовцы заявляли о готовности защищать конституционные устои Первой республики. В то же время СДПА сохраняла приверженность лозунгу диктатуры пролетариата, о которой шла речь в Линцской программе партии 1926 г. Хотя эта диктатура рассматривалась скорее как неизбежное зло, крайнее средство защиты интересов рабочих от контрнаступления буржуазии, радикальная пропаганда делала свое дело. И сторонники социализма, и их оппоненты исподволь готовились к «последнему и решительному бою».

Страницы австрийских газет даже в самые спокойные годы были заполнены репортажами о парадах, учениях и маневрах политических армий. Они все более походили на танцы вокруг бочки с порохом, в то время как редкие призывы к взаимному разоружению оставались гласом вопиющего в пустыне. Акцент постепенно переносился на наступательные действия, срыв мероприятий противника. Если в начале 20-х гг. «право на улицу» безраздельно принадлежало левым силам, то в середине десятилетия инициатива перешла к их оппонентам. Не проходило и года без громких покушений на известных политических и общественных деятелей. Правые радикалы лидировали в провинциальных центрах, эксплуатируя неприязнь их жителей к «красной Вене». Открытое столкновение двух противостоящих друг другу лагерей было только вопросом времени.

30 января 1927 г. в небольшом городке Шаттендорф на востоке страны в ходе вооруженного нападения местного союза ветеранов на демонстрацию шутцбундовцев погибли инвалид и ребенок. Узнав об очередном преступлении реакции, венские рабочие объявили спонтанную забастовку. Их настроения вер-

нулись в мирное русло только тогда, когда было объявлено, что стрелявшие схвачены полицией и вскоре предстанут перед судом. Однако правосудия не свершилось — 14 июля того же года убийцы из Шаттендорфа были оправданы судом присяжных.

Возмущение социал-демократических рабочих было легко предсказуемо, хотя их лидеры до последнего момента надеялись, что массы удастся удержать под контролем. Утром следующего дня огромная толпа окружила и подожгла дворец юстиции. По данным полиции в волнениях участвовало до 200 тыс. человек. Для Карла Реннера произошедшее оказалось «неожиданным извержением вулкана». Попытки пожарных и штурцбундовцев сдержать толпу не привели к успеху, не произвела на нее впечатления и речь бургомистра Вены Карла Зейца.

Правительство увидело в происходящем очередную попытку коммунистического путча и не преминуло воспользоваться представившимся шансом для того, чтобы продемонстрировать собственную силу. После консультаций с канцлером начальник полиции Йоганн Шобер раздал полицейским винтовки. Когда они прибыли к дворцу юстиции, спасать уже было нечего — над мостовой кружились листы из судебных дел, тысячи любопытных наблюдали за разгоравшимся пожаром. Тем не менее отряды полиции начали стрелять в толпу. Итогом дня стало 89 погибших (из них только четверо полицейских) и более тысячи раненых.

Власть наглядно показала жителям венских предместий, на чьей стороне находятся закон и его служители в мантиях и мундирах. Буржуазные круги имели все основания для злорадного торжества — «миф о силе рабочего класса был развеян» (Э. Ханиш).

Социал-демократическая партия объявила однодневную стачку протеста и бессрочную забастовку

транспортников, но не решилась призвать отряды шутцбунда к активному сопротивлению произволу власти. Коммунисты, на некоторое время оказавшиеся в первых рядах ее противников, получили из Москвы директиву начать формирование рабочих советов и готовить массы к вооруженному восстанию. Курс на «Венский Октябрь» отражал боевой настрой лидеров Коминтерна, но никак не реальное соотношение классовых сил в Австрии.

Большинство наблюдателей сходилось во мнении, что после 15 июля 1927 г. ситуация в стране стала необратимой — «противостояние, до того разрешавшееся в основном парламентскими методами, превратилось в бескомпромиссную вражду двух военных лагерей» (К.Реннер). Повсеместно шел приток новобранцев в военизированные формирования всех мастей. Хаймвер, напрямую не участвовавший в июльских событиях, извлек из них наибольшие дивиденды. Его отряды выступали в роли штрейкбрехеров, ускорив окончание забастовки транспортников. Лидеры хаймвера усилили давление на власть, заявляя, что без их боевиков последней не удержать в узде «красную анархию». Зейпель был склонен с этим согласиться.

Рабочие, напротив, настаивали на необходимости самозащиты, если государство не в состоянии позаботиться об их интересах. Съезд СДПА в октябре 1927 г. стал свидетелем столкновения Реннера и Бауэра, первый из которых выступал за компромисс, а второй — за конфронтацию с лагерем буржуазных партий. Председателю партии Зейцу удалось провести резолюцию, которая высказывалась за коалицию с ХСП ради предотвращения гражданской войны, и в то же время призывала рабочих быть готовыми к тому, чтобы дать отпор наступлению реакции на их права.

В эскалации насилия были виноваты оба лагеря, которые упорно отказывались искать пути навстречу друг другу. Сумев погасить революционную волну, из которой появилась республика на рубеже 20-х гг., ее правящие круги рано успокоились. В австрийском обществе сохранялся конфликтный потенциал, «униженные и оскорбленные» как на правом, так и на левом краю политического спектра жаждали реванша.

«Осознавая собственную слабость, антисистемная оппозиция прибегала к наступательному насилию и тем самым оказывалась в глазах социальных групп, контролировавших государственную власть, серьезной угрозой и провоцировала растущее применение репрессий» (Г. Ботц). Правящие круги не почувствовали, что события июля 1927 г. вышли за рамки этой схемы. Зейпель вполне заслужил прозвище «немилосердного прелата», отдав борьбу с проявлениями насилия и экстремизма на откуп полиции и правосудия. Именно некомпетентные и в известной мере провокационные действия последних разбудили неконтролируемую энергию масс.

Поджог дворца юстиции, несмотря на внешние параллели с поджогом германского рейхстага, не стал зримым символом конца демократического правления в Австрии. Вместе с тем он наглядно показал, что это правление не имеет прочной опоры среди трудящихся масс. Безнаказанность насилия со стороны правых радикалов, его поддержка старорежимной бюрократической элитой вызывали не просто чувство протеста и озлобление, но и вполне осознанное стремление использовать те же методы достижения политических целей. В конце 20-х гг. австрийская республика оказалась у опасной черты, за которой началось медленное сползание к гражданской войне.

4. Авторитарная эпоха

**Конституционная реформа — Последствия
экономического кризиса — Экспансия правых
сил — Восстание и путч — Дискуссии
об «австрофашизме» — Внешнеполитическая
изоляция**

Конституционная реформа

Одним из самых ярких проявлений нестабильности Первой республики была правительственная чехарда. За первые пятнадцать лет ее существования сменилось 23 кабинета и двенадцать премьер-министров. В пасхальную неделю 1929 г. объявил о своей отставке канцлер Зейпель. Это стало неожиданностью даже для его ближайших соратников, которые гадали, какой политический маневр задумал «немилосердный прелат». Похоже, Зейпель на время решил уйти в тень, чтобы уже в качестве партийного деятеля более свободно выражать свое отношение к ситуации в стране. Он стал знаменем для тех, кто мечтал о возврате к имперским традициям, хотя сам и не разделял подобную точку зрения. Вот выдержка из его выступления в Тюбингене 16 июля того же года: «У нас в Австрии имеется сильное народное движение, которое хочет освободить демократию от господства партий.носителем этого народного движения является хаймвер».

Одной из составляющих плана по выведению парламента за скобки политической жизни стала конституционная реформа, проведенная правительством Шобера. В заявлении его кабинета, сформированного 26 сентября 1929 г., говорилось: «Нельзя оставлять без внимания то, что именно гипертрофия парламентаризма уничтожила у широких кругов населения инте-

рес к демократии». Шобер, ответственный за кровопролитие 15 июля 1927 г., воспринимался с тех пор общественным мнением страны как ставленник консервативного крыла ХСП. Его назначение вызвало бурю восторга среди лидеров хаймвера, но последние просчитались. Шобер отказался от прямого сотрудничества с ними, выстраивая свой авторитарный курс с опорой не на вольницу правых радикалов, а на силовые структуры государственного аппарата. Это несколько стабилизировало накал политических страстей. Советское полпредство в Вене сообщало осенью 1929 г. в Москву, что «фашистская акция против парламентаризма становится менее активной», и в случае, если хаймверовцы решатся на государственный переворот, рабочий класс выйдет на улицу.

Шобер сумел договориться с лидерами СДПА об изменениях конституции, которые были приняты 7 декабря 1929 г. Речь шла о превращении Австрии в президентскую республику. Ее правящие круги пытались таким образом подкорректировать огрехи парламентской демократии. Конституция предусматривала прямые и всеобщие выборы президента, последний получал право распускать парламент и отправлять правительство в отставку. Новый политический режим испытывал на себе явное воздействие Веймарской Германии. Вместе с тем в нем появились и элементы корпоративного строя, частью верхней палаты парламента стал Совет сословий (Ständerat).

Социал-демократы, одоббившие новый вариант конституции (они голосовали только против нескольких пунктов вроде лишения Вены прав федеральной земли), рассчитывали на то, что их уступчивость будет вознаграждена. Символом смягчения конфликта двух лагерей стало избрание Реннера президентом парламента 29 апреля 1931 г. Еще до этого Зейпель попытался привлечь

социал-демократов в «правительство концентрации», чтобы разделить с ними ответственность за последствия экономического кризиса.

Большинство австрийских историков считает, что реализация такого плана давала стране шанс избежать дальнейшей конфронтации, и в то же время подчеркивают, что этот шанс был весьма призрачным. Рейхольд винит в неудаче переговоров лидеров СДПА — их партия якобы «не была готова перепрыгнуть через тень своей социалистической идеологии». Вряд ли речь шла о стратегии, скорее о прагматике — одному из участников переговоров от СДПА Зейцу приписывается фраза, сказанная тогда: не бывает крыс, которые хотели бы запрыгнуть на тонущий корабль. Уверенность социал-демократов в том, что капиталистический строй достиг дна своего падения, сослужила им плохую службу. Буржуазия, которой они предрекали скорый конец, все более склонялась к крайним, авторитарным методам избавления от страха перед революцией. Тем более что перед ее глазами находились примеры соседей Австрии, Италии и Венгрии.

Неудача переговоров о «правительстве концентрации» заставила социал-демократию захлопнуться в собственной скорлупе, отгородиться от судеб Первой республики. Приверженцы этой партии являлись не просто единомышленниками, их формировала специфическая социальная среда пролетарских кварталов, объединял особый образ жизни посвященного рабочего. Место ежевечерних собраний (Parteiheim) являлось для них тем же, чем для верующих являлась церковь.

В 1932 г. СДПА объединяла в своих рядах в два раза больше членов партии, чем в 1919 г., на нее работало более тысячи оплачиваемых функционеров. В отличие от безработных последним было что терять — теплые местечки в парламенте и административных структурах,

налаженный ритм партийной жизни, чувство сопричастности к международному Интернационалу. И тем не менее они не проявили воли к защите демократических завоеваний первых лет республики. «С 1932 по 1934 г. припертая к стене партийная элита сдавала одну позицию за другой» (Ханиш).

Впрочем, твердых позиций в те годы не имела ни одна из партий, представленных в австрийском парламенте. Великогерманские националисты давно уже смирились с ролью доведка к фракции ХСП, теряя голоса избирателей, уходивших к правым радикалам — австрийским сторонникам НСДАП. Мифом оказалась и приверженность социал-христиан ценностям модернизированной в сословном духе демократии. Не прошло и двух лет после принятия поправок к конституции, как они отказались от всеобщих выборов президента страны. В октябре 1931 г. парламент избрал на этот пост представителя ХСП Вильгельма Микласа.

Последствия экономического кризиса

Деградация парламентской системы в Австрии развивалась на фоне экономического кризиса, бушевавшего во всем мире, а потому авторитарный курс правительства воспринимался значительной частью населения как поиск адекватного политического ответа на вызов, брошенный современной эпохой. Масштабы влияния кризиса на австрийскую экономику связаны с тем, что в предшествующие годы она только начала процесс структурной перестройки. В ней еще преобладали мелкие, в том числе семейные предприятия, их продукция отличалась высоким качеством, но носила «штучный» характер, не была ориентирована на массовый спрос. Символом победы индустриального общества в 20-е годы являлась электрификация как промышленности, так и городского хозяйства, но одна она без поддержки

смежных отраслей и внешнеторговой экспансии не могла вывести Австрию из летаргического сна.

На протяжении первого послевоенного десятилетия изменилась структура стоимости произведенных продуктов — в ней значительно выросла доля заработной платы. Благодаря активной деятельности СДПА и профсоюзов рабочие добились значительного улучшения своего положения. Кризис поставил вопрос о том, кому придется принести главные жертвы для его преодоления. В прессе и в кулуарных беседах предприниматели утверждали, что без сокращения затрат на рабочую силу австрийская экономика не сможет встать на ноги. Поскольку демократия казалась им олицетворением господства социальных низов, банковские тузы и короли тяжелой индустрии усилили в начале 30-х гг. лоббирование авторитарных методов управления страной.

Мировой экономический кризис не был полной неожиданностью для посвященных — признаки неблагополучия витали в воздухе задолго до «черной пятницы» на нью-йоркской бирже. Осенью 1929 г. в Австрии началось падение курса акций и национальной валюты, массы вкладчиков стали забирать деньги из банков, чтобы обменять их на стабильную валюту. Объем продаж американских долларов доходил до 2,5 млн. в день. Финансовая нестабильность заставила правящие круги перегруппировать свои силы. «Крупная промышленность и банки потребовали создания правительства «сильной руки» и настояли на Шобере, пользующимся их доверием и авторитетом за границей» — сообщало из Вены советское полпредство 28 сентября 1929 г.

За 1929-1932 гг. объем промышленного производства упал в Австрии на 40%, более чем вдвое сократился экспорт. Закрытие крупных фабрик и заводов, разорение мелких предпринимателей привели к настоящей катастрофе на рынке труда. В 1931 г. в стране было за-

регистрировано 360 тыс. безработных, в 1933 их число достигло 600 тыс., что составляло около четверти всех работавших по найму. Только половина из них, как правило, рабочие со стажем, получала пособие, но и оно не превышало 10-20% от последнего заработка. Излишне говорить о том, что кассы муниципалитетов большинства городов давно уже были пусты, помощь нуждающимся вновь взяли в свои руки благотворительные организации католической окраски.

В мае 1931 г. рухнула банковская система Австрии — о своей неплатежеспособности объявил крупнейший банк Кредитанштальт, который находился в руках банкирского дома Ротшильдов. Кредитанштальт обладал разветвленной сетью филиалов по всей стране, и последствия его краха почувствовали на себе миллионы австрийцев. Выяснилось, что руководство банка много лет подряд приукрашивало платежный баланс. Чтобы не допустить общественных беспорядков, правительство приняло на себя ответственность по долгам банка в размере 500 млн. шиллингов при том, что годовой государственный бюджет едва дотягивал до 2 миллиардов.

Памятуя об инфляции начала 20-х гг., австрийское правительство в борьбе с кризисом сделало ставку на сохранение стабильной денежной системы. Проводилось сокращение государственных расходов и социальных выплат, была заморожена зарплата, росли таможенные тарифы. Из страны запретили вывозить иностранную валюту, ввели принудительный курс шиллинга, что только подстегнуло дельцов «черного рынка». Фискальный пресс на мелких лавочников и ремесленников достиг таких масштабов, что они предпочитали объявлять о своем банкротстве и работать на дому, возвращаясь к патриархальным формам ведения хозяйства.

Подобные меры могли сдержать падение, но не могли вывести страну из финансового штопора. Австрии вновь пришлось обращаться к Лиге наций с просьбой о новом займе. Лозаннский протокол о предоставлении кредита в размере 300 млн. шиллингов был утвержден Советом Лиги 15 июля 1932 г. Одним из условий соглашения был отказ Австрии от аншлюса с Германией в любой форме, в том числе и путем заключения таможенного союза. Очередное унижение страны (в Австрии вновь появился финансовый комиссар Лиги наций с чрезвычайными полномочиями) оппозиция использовала для новых нападков на правительство курс, и без того не отличавшийся популярностью. В конце концов Лозаннский протокол был одобрен парламентом большинством всего в один голос.

Экономический кризис начала 30-х гг. не обошел стороной и сельское хозяйство Австрии. Падение спроса на его продукты привело к росту задолженности крестьянства, земля и инвентарь продавались с молотка за бесценок. Показателем возврата к натуральному хозяйству было вытеснение пшеницы с посевных площадей картофелем. Несмотря на резкое падение закупочных цен, перекупщики удерживали розничные цены на докризисном уровне, что являлось дополнительным источником недовольства горожан. Последние считали, что ХСП любыми средствами стремится сохранить свое влияние в деревне. Действительно, правительство ввело протекционистские меры для защиты сельскохозяйственного производства, в начале 1932 г. объявило о трехмесячном моратории на принудительное взимание недоимок. Энергичные действия в этой сфере вскоре вывели на венскую политическую авансцену министра сельского хозяйства Энгельберта Дольфуса.

С 1933 г. кризис в Австрии, как и в большинстве других государств Европы, перешел в фазу стагнации. Используя кейнсианскую логику, правительство стало щедрее выдавать кредиты на реализацию масштабных проектов, таких как строительство высокогорных автодорог (Grossglockner-Hochalpenstrasse) и гидроэлектростанций. Жесткий контроль за экспортно-импортными операциями позволил свести к минимуму дефицит внешней торговли, был восстановлен золотой стандарт национальной валюты (килограмм золота приравнивали к 6000 шиллингов). В 1936 г. финансовый комиссар Лиги наций в Австрии голландец Рост ван Тонинген сложил с себя свои полномочия. Во второй половине 30-х гг. оживлению экономической конъюнктуры способствовал рост военных заказов из Германии, приток туристов и горнолыжников в австрийские Альпы. Тем не менее докризисный уровень производства к 1938 г. так и не был достигнут, сохранялась хроническая безработица. Показателем общественного неблагополучия являлся нулевой рост населения в межвоенные годы, связанный не в последнюю очередь и с массовой эмиграцией из страны.

Экспансия правых сил

Парламентские выборы 9 ноября 1930 г. показали, что экономический кризис пошел на пользу радикальным силам. Значительный прирост голосов получили коммунисты и австрийские приверженцы НСДАП, хаймвер, впервые выступивший в качестве самостоятельной партии (Heimatblock), собрал 6% голосов. Несмотря на отсутствие внутренней сплоченности (на юге страны, в Каринтии и Штирии, лидерство принадлежало радикалам, на Севере и Западе преобладали умеренные элементы), его руководители наращивали свое влияние на власть, которая металась в поисках социальной

опоры. Социал-христиане то заигрывали с хаймвером, то затевали создание собственных военизированных отрядов (*Ostmärkische Sturmsharen*). При формировании последних впервые заявил о себе как самостоятельный политик последний канцлер Первой республики Курт Шушниг.

Австрийский хаймвер входил в черный интернационал праворадикальных организаций Европы, все больше ориентируясь на итальянских фашистов. Его программные заявления выдвигали в качестве главной задачи борьбу с парламентской демократией и социалистическим рабочим движением. В Корнейбургской присяге, принятой лидерами хаймвера 18 мая 1930 г., говорилось буквально следующее: «Мы отрицаем западный демократический парламентаризм и государство партий. Мы признаем принципы фашизма... Мы боремся против деградации нашего народа под воздействием классовой борьбы и либерально-капиталистического хозяйства». В ответ на присягу правых шутцбунд заявил о готовности защищать республику любыми средствами. Вынуждено было отреагировать на провокационные заявления и правительство Шобера. Оно провело через парламент закон, ограничивающий право на обладание оружием. Тогда хаймверовцы, которых в сентябре того же года возглавил популярный в стране граф Рюдигер Штаремберг, решили, что придут к власти и без согласия своих вчерашних покровителей в правительстве.

13 сентября 1931 г. один из лидеров хаймвера в Каринтии Вальтер Пфриммер объявил себя главой государства и начал по примеру Муссолини «поход на Вену». Хотя локальная попытка путча была подавлена без особых усилий, оправдание сторонников Пфриммера судом присяжных убеждало хаймверовцев в своей безнаказанности, они запасались оружием и ждали удоб-

ного часа, чтобы выступить по всей стране. В январе 1933 г. вся австрийская пресса писала о «хиртенбергской афере». Около 50 тыс. винтовок, произведенных в этом городе для венгерской армии, были впоследствии задекларированы как металлолом для того, чтобы остаться в распоряжении хаймвера. Скандал принял международные масштабы, и был урегулирован лишь после того, как Муссолини выразил готовность выкупить оказавшееся «ничейным» оружие.

Руководство ХСП также совершало дрейф вправо, на рубеже 30-х гг. лидеры партии открыто заявляли о назревшей необходимости отказаться от «красного наследства». В противовес идеям социализма они видели будущее страны в формировании корпоративного государства (Ständestaat). Его теория, опирающаяся на идеи политического католицизма, была развита в работах венского политэконома и социолога Отмара Шпана, самой известной из которых была книга «Подлинное государство». Сторонники Шпана критиковали «продажную демократию» и в противовес ей превозносили доиндустриальные формы политической жизни. На место открытого конфликта и борьбы должна была прийти гармония всех частей общественного организма, существующих как закрытые и автономные сословия-корпорации.

Подобные идеи находили благодатную почву в обстановке экономической и политической нестабильности. Правящие круги давно уже испытывали острый дефицит свежих идей и решительных лидеров, способных восстановить утраченный авторитет власти. Потеряв националистов в качестве союзников, ХСП формировала кабинеты министров в коалиции с Союзом сельских хозяев (Landbund). 20 мая 1932 г. очередное правительство возглавил представитель Союза Дольфус, до того ведавший в нем

аграрными вопросами. Уже осенью 1932 г. он ввел в свой кабинет двух руководителей хаймвера.

Дольфус не был публичным политиком. За малый рост острые на язык австрийцы прозвали своего нового канцлера Миллиметернихом. «Малютка с большими амбициями» — писала о нем венская пресса. В его фигуре было немало привлекательного, это был «решительный, целеустремленный, ничем не скомпрометированный молодой человек», чье мировоззрение сформировала война (К. Реннер). Илья Эренбург, рисуя в 1933 г. портрет австрийского канцлера, напротив, смешивал черты самых мрачных фигур российской и мировой истории: «карлик, ростом и кровожадностью напоминающий Тьера, а богомольностью и семейственностью Муравьева-Вешателя».

Выходец из крестьянской среды, Дольфус воспринимал австрийское общество как большую патриархальную семью, где «хозяин после рабочего дня сидит со своими батраками за одним столом и ест с ними суп из той же миски». Следовало лишь вернуться к издавна заведенному порядку вещей, убедив социальные низы в том, что Богом каждому предназначен свой путь. Быстрый политический взлет не позволил Дольфусу обратиться нужными связями, и он делал ставку на своих старых друзей со студенческих времен. Фронтное прошлое и комплекс неполноценности подталкивали нового канцлера к радикальным методам достижения своих политических целей.

Его Аустерлиц пришелся на март 1933 г, когда в стране началась забастовка железнодорожников, требовавших от правительства сохранить выплату пенсий в полном объеме. Дольфус использовал кайзеровский указ кануна Первой мировой войны, запрещавший какие бы то ни было забастовки на транспорте, и приказал арестовать ее зачинщиков. Социал-демократическая

партия потребовала срочного созыва парламента для рассмотрения неслыханных методов разрешения трудового конфликта в «народной республике».

Парламент собрался 4 марта 1933 г., и это заседание оказалось для него последним. Голосование дало минимальный перевес в пользу постановления, осуждающего действия правительства, но ХСП потребовала нового подсчета голосов. Воспользовавшись возникшими в зале заседаний беспорядками, Реннер объявил о своем уходе с поста председателя, который не позволял ему голосовать вместе с собственной партией. Вслед за ним о своей отставке заявили оба вице-председателя парламента, в результате чего депутаты разошлись без принятия каких-либо решений.

Дольфус тут же воспользовался сложившейся ситуацией и объявил, что парламента самораспустился, а значит — отказался от участия в управлении страной. Отныне канцлер мог опираться на кайзеровский указ от 24 июля 1917 г., дававший кабинету министров право применять чрезвычайное законодательство (Notverordnung). В последующие дни был издан пакет распоряжений, предвещающих введение «корпоративного строя». Когда 15 марта депутаты вновь пришли к зданию парламента, оно уже было оцеплено полицией.

Переход Дольфуса к единоличному правлению был поддержан социал-христианской партией и президентом страны. Социал-демократы, ссылаясь на угрозы со стороны Германии, где только что пришел к власти Гитлер, отказались от призыва к всеобщей стачке или вооруженному сопротивлению. Действительно, государственный переворот в Австрии оказался в тени германских событий и практически не был замечен Европой. Судя по откликам венской прессы, многие с удовлетворением восприняли разгон «парламентской говорильни», не отдавая себе отчета в том, что «4 марта

был пущен в ход часовой механизм бомбы, заложенной под австрийскую демократию» (М. Кинц).

Развивая мартовский успех, в мае 1933 г. Дольфус создал надпартийное движение — Отечественный фронт, фактически отстранив от власти социал-христиан. Канцлер не скрывал, что его идеалом политического деятеля является итальянский дуче, последний с удовольствием стал играть роль покровителя нового режима в Австрии. В письме от 1 июля Муссолини советовал своему протеже „провести кардинальные внутренние реформы в фашистском духе“ и „нанести удар по социал-демократии в ее неприступной крепости — Вене“. Выполнение подобных советов было только вопросом времени.

В ходе массового митинга Отечественного фронта 11 сентября 1933 на венском ипподроме Дольфус заявил: «Время господства партий прошло!» Католическая церковь поддержала его курс на уничтожение парламентской демократии, рассчитывая вернуть себе утраченные привилегии в общественной жизни. Папа Пий XI благословил «христианскую диктатуру» в Австрии. Подобные расчеты оправдались лишь отчасти. Заключение конкордата с Ватиканом позволило Дольфусу вывести церковных иерархов из большой политики, взяв на вооружение их программу. Идеи канцлера опирались на папскую энциклику *Quadragesimo Anno*, которая признавала социальную ответственность современного государства, но требовала от прихожан беспрекословного подчинения «власти от Бога».

Второй идеологической опорой нового режима стали патриотические лозунги (*Rot-Weiss-Rot bis in den Tod*). Это был далеко не бесспорный фактор в условиях, когда значительная часть населения страны считала себя частью германской нации. Духом малой родины были пропитаны многочисленные фольклорные

празднества, на которые власть не жалела денег, на обложках иллюстрированных журналов красовались исключительно альпийские вершины и крестьянки в национальных костюмах. Масштабное празднование 250-летия освобождения Вены от турецкой осады должно было напомнить впадшим в депрессию австрийцам об их героическом прошлом. Научно-популярные работы превозносили сопротивление Марии Терезии пруссакам в середине XVIII века. В целом речь шла об особом историческом пути Австрии, которая всегда была «лучшей Германией».

Опираясь на раздутый чиновничий аппарат в центре и на местах, Дольфус добился того, что в Отечественный фронт вошло более миллиона человек. Однако эта организация так и не стала цепным псом нового режима вроде гитлеровских штурмовиков. Верные своему прагматизму, люди вступали в Отечественный фронт, чтобы быть поближе к власти и обеспечить собственную карьеру. В те годы по стране ходил популярный анекдот: в провинциальный город приезжает проверяющий и спрашивает о политических симпатиях населения. Ему отвечают: «половина горожан за красных, половина за нацистов». Естественно, он удивляется: «А кто же тогда состоит в Отечественном фронте?» — «И те и другие!»

Заявляя о борьбе на два фронта — против левых и правых радикалов, Дольфус считал первых наиболее опасными и действовал в соответствии с такой установкой. Уже 31 марта 1933 г. был запрещен штурбунд, вслед за этим — Коммунистическая партия Австрии. 19 июня та же участь постигла НСДАП и ее австрийских сторонников. В стране появились лагеря для интернирования политических противников режима (Anhaltelager), пресса подвергалась жесткой цензуре. Социал-демократическая партия балансировала на грани

легальности. На ее чрезвычайном съезде в октябре 1933 г. левые выступили с резкой критикой пассивности руководства, потребовав выработать четкие критерии, при которых СДПА выскажется за всеобщую забастовку. Начался отток из партии радикально настроенной рабочей молодежи, которая формировала подпольные группы сопротивления, собирала оружие, готовясь к решительной борьбе.

Восстание и путч

Репрессии не прибавляли режиму ни популярности, ни массового влияния. Хаймвер, после долгих дискуссий вошедший в Отечественный фронт, требовал платы за свое соучастие во власти. В сентябре 1933 г. Дольфус назначил одного из лидеров хаймвера Эмиля Фея своим заместителем. Параллельно канцлер искал новых политических союзников. 9 января 1934 он должен был тайно встретиться с лидером австрийских нацистов Теодором Хабихтом. Встречу отменили в последний момент из-за протестов ближайшего окружения, не желавшего делиться влиянием с приверженцами НСДАП. Дольфус сделал несколько примирительных жестов и в адрес СДПА, в Правлении которой группа Реннера выражала готовность к сотрудничеству с властью. Переговоры велись через посредничество социал-демократических депутатов ландтага Нижней Австрии, однако дело так и закончилось взаимным прощупыванием позиций. Сам Реннер 5 января побывал у президента Микласа, но тот заявил, что не может воздействовать на Дольфуса.

Подконтрольная властям пресса требовала «покончить с красными раз и навсегда», вокруг социалистического рабочего движения закручивалась цепь провокаций. Решением канцлера было запрещено празднование дня республики, 23 декабря 1933 г. рас-

пущены фабрично-заводские советы на государственных предприятиях. Лидеры СДПА продолжали требовать от своих сторонников сохранения выдержки. 8 февраля 1934 г. последнее легальное заседание Правления партии приняло решение «дождаться атаки сверху, чтобы возложить на правительство ответственность за произошедшее».

Через день были арестованы командиры шутцбундовских отрядов всех районов Вены, здание Правления партии было занято полицией. Вице-канцлер и министр безопасности Фей заявил об успешном предотвращении антиправительственного заговора социалистов. Это стало сигналом для полицейских репрессий по всей стране. Во время обыска в понедельник, 12 февраля Рабочего дома в Линце находившиеся там шутцбундовцы во главе с Рихардом Бернашекком оказали сопротивление. Перестрелка в Линце вылилась в вооруженные столкновения по всей стране. Рабочие сражались с отчаяньем обреченных. Восстание оказалось стихийным и неподготовленным, даже в столице шутцбундовцы зачастую не могли добраться до тщательно спрятанного оружия. Между отдельными очагами сопротивления, в роли которых выступали массивы жилых домов для рабочих, не было связи. 350 шутцбундовцев мужественно обороняли «Карл-Маркс-Хоф». Только после применения правительственными войсками артиллерии они сложили оружие.

Дольфус объявил чрезвычайное положение и сместил социал-демократического бургомистра Вены. Армия и полиция получили полную свободу рук. Объявленная СДПА всеобщая забастовка провалилась — ввиду огромной безработицы мало кто был готов рисковать своим рабочим местом. Еще меньше нашлось тех, кто был готов отдать свою жизнь во имя идеалов «народной республики». В то время как шутцбундовцы

на улицах Вены занимали позиции с оружием в руках, мимо них, стыдливо отворачиваясь, спешили на работу мастеровые.

Бои в столице утихли только к ночи на 15 февраля. Правительственные силы не жалели ни снарядов, ни мирных жителей. Несколько рабочих было расстреляно на месте из-за патронов, обнаруженных у них в карманах. Повстанцы отходили к Дунаю по сетям ливневых стоков, под покровом ночи бежали к чехословацкой границе. Потери с обеих сторон достигали нескольких сотен убитых. СДПА объявили вне закона, ее лидеры эмигрировали либо были арестованы.

Что же случилось в Австрии в феврале 1934 г.? Историки говорят о вспышке гражданской войны, вызванной провокацией лидеров хаймвера. Неспособность политических сил к нахождению компромисса сделала подобное развитие событий неизбежным. «Гражданская война 1934 г. выступала как столкновение двух партийных лагерей с идеологической окраской: христианского и социалистического. Один был обращен в прошлое, другой в будущее, и никто не хотел брать на себя ответственность за настоящее» (Л. Рейхольд). И все же симпатии как австрийских исследователей, так и современного общественного мнения на стороне «партии будущего», пытавшейся остановить движение страны вспять.

Был ли у тех, кто взял в руки оружие, шанс на победу? Историки считают, что нет, ибо удел восставших — не защита, а нападение, использование всех средств для уничтожения противника. Рабочие Вены вели себя слишком по-джентльменски, оказавшись «вегетарианцами в роли бомбометателей». «Многие социал-демократы проявили в февральские дни подлинное мужество. Они не боялись смерти. Но победы они боялись...» (И. Эренбург).

Впрочем, и сам Дольфус одержал Пиррову победу. Февраль перечеркнул его надежды на то, что рабочее движение удастся интегрировать в структуру корпоративного государства. Третьим радующимся оказался Гитлер, которому стабильная и независимая Австрия не давала покоя. Жестокое подавление восстания привело к потере режимом Дольфуса остатков международного авторитета. Общественное мнение западных стран, равно как и советская пресса рисовали его в образе фашистского палача, жалкого пособника Муссолини. Это обрекло Австрию на внешнеполитическую изоляцию, и вскоре она оказалась один на один с экспансией германского нацизма.

Эмигрантское правление социал-демократической партии во главе с Ю. Дейчем и О. Бауэром обосновалось в Брно, сосредоточив свое внимание на разоблачении режима Дольфуса. Отколовшееся от партии левое крыло — «революционные социалисты» — пошло на контакт с коммунистами, продолжая подпольную борьбу в рамках единого фронта. Около тысячи шутцбундовцев и членов их семей добрались до Москвы, где им был оказан восторженный прием. Так в нашей стране появилась достаточно крупная колония политэмигрантов из Австрии, разделившая трагическую судьбу советского общества во второй половине 30-х — первой половине 40-х гг. Австрийские историки проследили жизненный путь почти каждого из прибывших в СССР шутцбундовцев. 160 из них отправились добровольцами на гражданскую войну в Испанию, еще около двухсот вернулись в Австрию после ее присоединения к Германии в 1938 г. Наконец, свыше трехсот бывших участников венского восстания вместе с членами их семей попали в застенки НКВД, стали жертвами сталинского террора.

После отмены чрезвычайного положения Дольфус аннулировал все парламентские мандаты СДПА, социал-демократические профсоюзы были насильственно интегрированы в «корпорацию трудящихся». С левой опасностью было покончено, но разгром социалистов только подстегнул австрийских сторонников НСДАП. Весной 1934 г. по стране прокатилась волна террористических актов: нацисты пускали под откос поезда, убивали политических противников, а затем скрывались в соседней Баварии. Оттуда же шла финансовая подпитка первой из «пяток колонн» Гитлера. Правительство ввело смертную казнь за хранение взрывчатых веществ, провело серию превентивных арестов, но это только разжигало страсти.

25 июля 1934 г. нацисты предприняли попытку захвата власти в стране. Боевики, преимущественно из бывших военных, захватили радиостанцию и объявили об отставке правительства. Другая группа из 150 человек, переодевшись в армейскую униформу, взяла штурмом здание, где обычно заседал кабинет министров. Но Дольфус, которому донесли о готовящемся выступлении нацистов, прервал его работу раньше времени, и члены правительства разъехались по своим министерствам. Сам канцлер, остававшийся в здании, был тяжело ранен при штурме и вскоре скончался.

Путчистам не удалось завладеть рычагами государственной машины. После пятичасовой осады они покинули здание правительства, получив обещание личной неприкосновенности. Расчеты на выступление «австрийского легиона» НСДАП, базировавшегося в Баварии, не оправдались. Гитлер был вынужден официально отмежеваться от своих сторонников в Австрии. Столкновения с силами полиции и армии в сельских районах Каринтии и Штирии продолжались несколько дней, после чего путчисты отступили в

Югославию. Итогом нацистского выступления стало 269 убитых, 73 путчиста были приговорены к смертной казни, в отношении двенадцати приговор был приведен в исполнение.

«Год гражданской войны ослабил конфликтный потенциал в обществе» (Г. Ботц) и расчистил почву для дальнейшего утверждения авторитарного режима. Государственный механизм Австрии еще раз доказал свою эффективность при наведении порядка и проведении репрессий. Отряды хайвера не понадобились, а значит, не оправдались расчеты графа Штаремберга на то, что он займет место убитого канцлера. Уже 25 июля президент Миклос назначил на этот Шушнига, ранее занимавшего пост министра юстиции — такова была последняя воля Дольфуса. Это был „честный, но недальновидный бюрократ“ (Э.Б. Бьюкей), скорее по инерции, нежели по собственной воле продолживший построение корпоративного государства.

Дискуссии об «австрофашизме»

Незадолго до гибели Дольфусу удалось нанести решающий удар по ненавистному государству партий — 1 мая 1934 г. вступила в силу конституция «христианского корпоративного государства». Вся власть сосредотачивалась в руках правительства, вместо представительных учреждений создавались Федеральный совет и советы земель, носившие консультативный характер. Пост главы государства сохранялся, но президент не имел возможности вмешиваться в управление страной. Австрийским гербом вновь стал двуглавый орел, слово республика исчезло из политического лексикона. Разными проявлениями общественной жизни — культурой, образованием и т.д. — должны были заниматься соответствующие бюрократические учреждения. Субъекты хозяйственной жизни

были разделены на три сословия: промышленность, ремесло и торговля, финансы, кредит и страхование, каждое из которых посылало своих представителей в Экономический совет.

Отечественный фронт был провозглашен единственным выразителем воли австрийского народа, любая иная политическая деятельность преследовалась. 27 сентября 1934 г. ХСП объявила о своем самороспуске. Хаймвер был низведен до роли вспомогательной полиции. Новая конституция ставила крест на свободе прессы, резко ограничивала право трудящихся на забастовку. Обязанность граждан служить отечеству (*allgemeine Bundesdienstpflicht*) 1 апреля 1936 г. была трансформирована в воинскую повинность. Новая армия вооружалась за счет итальянских поставок, следуя советам инструкторов, присланных Муссолини. Подражание сильным мира сего было лейтмотивом действий и Дольфуса, и сменившего его Шушнига. Оно проявлялось даже в деталях — восьмиконечный крест как символ Отечественного фронта был очень похож на нацистскую свастику. Австрийцы дали ему меткое название „крест на костылях“. В 1936 г. в стране была создана благотворительная организация «Новая жизнь», копировавшая германскую «Силу через радость».

Новая конституция Австрии вызвала одобрение Ватикана, увидевшего в ней возврат к абсолютистской практике «единства трона и алтаря». Склонные к соглашательству австрийцы были готовы перетерпеть и догмы корпоративного государства, и авторитарные замашки власти, если они открывали перед страной шанс преодоления социально-экономического и политического кризиса. Чтение газет в венских кафе заменило пересказывание слухов и анекдотов, для этого был даже придуман особый термин — „устное вещание“ (*Mundfunk*). Авторитарному режиму не удалось подчи-

нить себе культурную жизнь страны, которую на протяжении 30-х гг. отличало открытое неприятие политики. Художники уходили в сферу «чистого искусства», демонстрируя аристократичные манеры, тоску по доброму старому времени, утраченному навсегда. Один из литературных критиков назвал этот феномен «танцующей контрреволюцией».

Сразу же после февральских событий 1934 г. Отто Бауэр ввел в публицистический оборот термин «австрофашизм», подразумевая под ним клерикальную диктатуру, сторонников которой объединяла не позитивная цель, а противодействие красной и коричневой угрозе. Ромен Роллан во введении к книге «Австрия — очаг европейского пожара», увидевшей свет чуть позже, давал волю художественным эмоциям: «Папский Рим с первых дней пестовал контрреволюцию в лице Дольфуса, Фейя и Штаремберга: из отложенных им яиц вылупились эти премилые птенчики. В Австрии Тартноф стал местоблюстителем святого Петра. В день страшного суда сам Петр воздаст ему за это по заслугам».

Постепенно тезис о победе клерикал-фашизма в Австрии переместился из публицистики в научную литературу, стал незыблемым постулатом советской историографии. Последняя вписывала его в более широкий европейский контекст: «Поражение австрийского пролетариата в феврале 1934 г. привело к установлению фашистской диктатуры, которая довольно быстро подчинила страну военным целям германского империализма» (В.М. Турок). При всех перехлестах в таком подходе содержалось рациональное зерно — он указывал на явную тенденцию политического развития Австрии. Современные исследования показывают, что эта тенденция так и не развернулась в сложившийся фашистский режим.

Немецкий историк К.Д. Брахер считает, что правление Дольфуса-Шушнига было консервативно-авторитарным и мало чем отличалось от современных ему режимов стран Центральной Европы от Прибалтики и до Балкан. Их отличия от демократии очевидны, но очевидны и отличия от диктатур: эти режимы боролись против тоталитарных идеологий и движений, пытались достичь национальной интеграции общества, опирались на аристократически-консервативную традицию, а не отрицали ее. Гитлер и Муссолини отодвинули на второй план сословную и политическую элиту, привлекая ее настолько, насколько это было необходимо для реализации их собственных целей (прежде всего в дипломатической и военной сфере). В Австрии эта элита сумела сохранить в своих руках рычаги власти, но ей так и не удалось выделить из своей среды харизматического вождя, а ценности клерикальной олигархии выступали слабой заменой последнего.

Точно так же, как и к австрийской революции 1918-1919 гг., к австрийскому фашизму прилагаются как минимум кавычки. «По сути дела речь идет об авторитарном режиме в фашистском облачении, об имитации фашизма, в лучшем случае об авторитарной полуфашистской диктатуре» — утверждает Эрнст Ханиш. Конкретно-исторические исследования показывают ее внутреннюю динамику. Герхард Ботц говорит о «нараставшей фашизации» режима вплоть до октября 1935 г., когда радикальные лидеры хаймвера были окончательно отодвинуты на второй план. Эрика Вайнцирль, имея в виду подготовку в 1937 г. новой конституции, также считает, что тенденции демократизации корпоративного государства набирали силу, но им помешал аншлюс Австрии.

Давая общую оценку режиму Дольфуса-Шушнига, следует помнить о том, что он вел борьбу с нацистским

движением, которое считало своим лидером Адольфа Гитлера. В результате расширительного толкования фашизма левые силы в стране более ожесточенно боролись против его австрийского подобия, нежели против германского оригинала. Сам Дольфус, имея перед собой пример гитлеровского захвата власти, рассчитывал тем не менее «перехватить» коричневую волну. И эта попытка оказалась обреченной на неудачу. Подобно прививке, позволяющей организму противостоять настоящей инфекции, использование методов противника в политике нередко приводит к успеху. Однако правящие круги Австрии явно переборщили с заимствованиями извне, расколов общество на партии гражданской войны накануне самых драматических событий ее новейшей истории.

Внешнеполитическая изоляция

Внешняя политика Австрии в начале 30-х гг. определялась реалиями мирового экономического кризиса. Австрийским дипломатам удалось добиться от Лиги наций официального отказа от репараций по итогам Первой мировой войны, однако это принесло республике лишь моральное удовлетворение, так как репараций она не платила и ранее. Перспективу выхода экономики на новые рынки открывал таможенный союз с Германией, заключенный 19 марта 1931 г. Его лоббировали националисты и сам Шобер, оставшийся к моменту подписания союза министром иностранных дел Австрии. Экономический союз двух соседних стран вызвал недовольство в европейских столицах, где он воспринимался как завуалированный аншлюс. Лига наций передала вопрос на разрешение Международного суда в Гааге. 8 голосами против 7 судьи решили, что таможенный союз Германии и Австрии противоречит положениям Версаля и Сен-Жермена.

Стремясь закрепить свое влияние в регионе, в следующем году Франция выступила с идеей таможенного союза пяти придунайских государств — Австрии, Венгрии, Чехословакии, Югославии и Румынии. Вероятно, в спокойное время этот план мог бы сработать, но в условиях кризиса каждый предпочитал спастись в одиночку. Сказалось и сопротивление усилившейся Италии, которая рассматривала Юго-Восточную Европу как сферу собственного влияния. Большинство австрийцев продолжало видеть в Италии кровного врага, сохраняя надежду на великогерманское объединение. Ориентация Дольфуса на Муссолини выглядела в этих условиях едва ли не как предательство национальных интересов, что еще более подтачивало внутриполитическую базу режима.

Ситуацию окончательно запутал приход Гитлера к власти, никакого не оставивший равнодушным в соседней Австрии. СДПА сняла из своей программы требование аншлюса, сохранив его как стратегическую перспективу. 26 февраля 1933 г. партийный печатный орган заявлял: «Мы, немецко-австрийские социал-демократы, не являемся партикуляристами наподобие Христианско-социальной партии. Мы не намерены противопоставлять великой общности судьбы и культуры германского народа отечественную разновидность некоего австрийского человека». Лидеры ХСП заняли негативно-выжидательную позицию по отношению к третьему рейху и его геополитическим амбициям, партия националистов вообще исчезла с венской политической сцены, ее место заняли австрийские нацисты.

Уже 23 марта 1933 г. советский нарком иностранных дел М.М. Литвинов в беседе с польским послом подчеркнул, что аннексия Австрии будет одной из стратегических целей правительства Гитлера. Последний умело маневрировал, понимая, что время решительных действий еще не пришло. Влияние нацистов было особенно заметным в соседних с Германией альпийских землях, население которых справедливо полагало, что открытие границы приведет к росту туризма и появлению новых рынков сбыта. Эффективным рычагом давления на Австрию оказалось введение Германией залога в 1000 марок, который должен был заплатить каждый немец, отправлявшийся в соседнюю страну (Tausendmarksperrе). Однако эта мера не привела к «краху правительства Дольфуса, новым выборам и внутренней унификации Австрии», перспективу которых рисовал Гитлер на заседании своего правительства 26 мая 1933 г.

Напряженность в отношениях с Германией заставила Дольфуса еще более активизировать контакты с Муссолини. Визит канцлера в Италию в августе 1933 г. был обставлен со всей помпезностью, дуче принимал своего австрийского друга в непринужденной домашней обстановке. 17 марта следующего года в Риме было подписано соглашение Италии, Австрии и Венгрии, предусматривавшее согласование внешнеполитических акций, экономическое сотрудничество и взаимопомощь.

Муссолини сумел навязать сторонам австро-германского конфликта свою роль посредника. 14 июня 1934 г. он встретился с Гитлером в Венеции, где уклонился от обязательств поддержать своего тогда еще «младшего брата». Гитлеру не оставалось ничего другого, как пустить в ход свою «пятую колонну». Однако неудача путча 25 июля 1934 г. быстро его отрезвила.

Немалую роль сыграло и то, что Муссолини подвел три дивизии к австрийской границе. Из Берлина прозвучал сигнал отбоя. В результате большинство австрийских боевиков так и осталось в Баварии, позже Германия была вынуждена выдать бежавших из Вены путчистов.

Развивая достигнутый успех, Муссолини предложил ввести итальянские войска на территорию Австрии. Шушнигу удалось отговориться от столь коварного подарка, хотя он прекрасно понимал, насколько слабы его внешнеполитические позиции. Ему принадлежало горькое признание: «Австрию можно назвать суверенной, но нельзя назвать независимой». 11 ноября 1934 г. было подписано секретное соглашение о военном сотрудничестве между Италией, Австрией и Венгрией, направленное против Югославии, 23 марта 1936 г. создан консультативный совет трех стран. С началом войны в Эфиопии Италия потеряла интерес к своей призрачной гегемонии в дунайском регионе. «Абиссинская авантюра выдала Австрию Гитлеру» (Г. Бенедикт). Действительно, страна оказалась перед трагическим выбором: согласиться с ролью вассала Германии или жить в полной внешнеполитической изоляции.

Политика коллективной безопасности, о которой так много говорилось в середине 30-х гг., так и осталась красивым проектом — каждое из европейских государств рассчитывало на то, что ему удастся извлечь свою выгоду из распада Версальской системы. Шанс обуздания нацистской агрессии на одном из первых рубежей открывало совместное заявление глав правительств Великобритании, Франции и Италии (подписанное 14 апреля 1935 г. в итальянском городе Стрезе), где специально оговаривалась недопустимость покушения на суверенитет Австрии. Все еще рассчитывая на итальянское покровительство, она отказалась участ-

водить в санкциях Лиги наций против Муссолини, что свело к нулю ее международный авторитет. Пресса Англии и Франции называла Австрию не иначе как марионеткой в руках дуче, советские газеты писали о «клепикально-фашистском режиме» в этой стране. Шушнигу не приходилось ждать поддержки ни с Запада, ни с Востока. На его долю выпал мучительный путь в нацистскую Каноссу.

11 июля 1936 г. при активном участии бывшего канцлера Веймарской Германии, а ныне посланника третьего рейха в Вене Франца Папена Австрия подписала договор с Германией. Она получила от Гитлера гарантии невмешательства в свои внутренние дела, отказавшись в ответ от внешнеполитической самостоятельности. Не опубликованное в печати «джентльменское соглашение» из десяти пунктов имело гораздо большее значение, чем сам договор. Оно подразумевало расширение культурного обмена между двумя странами, отказ от взаимных нападок в прессе, снятие экономического бойкота.

Специальный пункт соглашения оговаривал «привлечение к политическому соучастию представителей национальной оппозиции» в Австрии. В результате многие из участников нацистского путча 1934 г. были амнистированы и вновь заняли государственные посты. Австрийская ветвь НСДАП расцвела под влиянием финансовой помощи из третьего рейха. В страну потекли германские капиталы, которые вкладывались преимущественно в отрасли, способные работать на войну. Внешне выступая в роли пакта о невмешательстве, австро-германский договор 1936 г. стал «троянским конем» (Д. Биндер) для альпийской республики.

Гитлер не собирался отказываться от своих планов в отношении этой страны, предельно ясно выраженных еще в книге «Майн кампф»: «Немецкая Австрия должна вернуться в лоно великой германской родины, и совсем не по соображениям экономической целесообразности. Нет, нет: если с хозяйственной точки зрения это объединение не принесет выгоды и даже окажется вредным, оно должно произойти. Единство крови приведет к единому рейху». Последнее препятствие было устранено в сентябре 1937 г. во время визита Муссолини в Берлин. Гитлер почувствовал, что согласие увязшего в абиссинской авантюре дуче на аншлюс Австрии у него в кармане. К пятой годовщине захвата власти в Германии фюрер был готов к силовому решению австрийского вопроса. В ходе встречи с руководством вермахта 5 ноября 1937 г. он назвал «целью номер один одновременный разгром Чехии и Австрии».

5. Австрия в составе третьего рейха

Вторжение — Унификация — Война — Освобождение

Вторжение

Перейдя от фазы накапливания сил к открытой экспансии, Гитлер лишь выжидал удобного момента, чтобы включить Австрию в орбиту третьего рейха. Австриец по рождению, он терпеть не мог свою родину, считая ее насквозь прогнившей, а Вену, где он провел молодые годы — рассадником еврейского образа жизни. Однако им руководила не жажда мести, а вполне прагматичные расчеты. Промышленный и человеческий потенциал Австрии был необходим Гитлеру для того, чтобы подготовиться к масштабной войне за мировое господство.

Он нацеливал вермахт прежде всего на чехословацкую мишень, но австрийская мышь сама прибежала в мышеловку. 12 февраля 1938 канцлер Шушниг отправился к Гитлеру в его баварскую резиденцию Берхтесгаден, чтобы заявить протест о недопустимой активности нацистов в Австрии. За две недели до этого при обыске в их штаб-квартире полиция нашла документ, озаглавленный «Программа действий на 1938 г.». По сути дела это был план государственного переворота, в ходе которого нацисты, переодевшись в форму австрийских солдат, должны были убить германского посла. Лео Тавс, в кабинете которого нашли документ, был арестован, в окружении канцлера усилились позиции тех, кто требовал положить конец безнаказанности нацистов. Накануне отъезда Шушниг имел несколько личных встреч с германским послом, и Папен сумел убедить канцлера в готовности Берлина к компромиссу на основе июльских договоренностей 1936 г.

В резиденции Гитлера перед австрийским лидером был разыгран настоящий спектакль. Фюрер дошел до абсолютного иступления, кричал и топал ногами, обвиняя Австрию в предательстве германских интересов и грозя немедленно ввести вермахт на ее территорию: «Вы что, хотите превратить Австрию во вторую Испанию?» Приступы гнева сменялись проявлением почти отеческих чувств. «Я даю Вам уникальную возможность, господин Шушниг, вписать свое имя в плеяду великих немцев», — заявлял Гитлер. Для нагнетания обстановки в Берхтесгаден были вызваны высшие военачальники третьего рейха.

Монолог фюрера завершился длинным перечнем требований, выдержанных в форме ультиматума. Отныне Австрия должна была координировать свою внешнюю политику с Германией, провести всеобщую амнистию для национал-социалистов и назначить их лидера Артура Зейсс-Инкварта министром внутренних дел, уволить начальника генерального штаба австрийской армии Альфреда Янзу. Шушниг согласился с этим диктатом, фактически капитулировав. Позже в своих мемуарах он пытался оправдаться, заявляя, что стал жертвой массивного шантажа. «Встреча с Берхтесгадене не имела ничего общего с принятыми дипломатическими нормами и правилами. Вновь восторжествовало самое примитивное бряцанье оружием...»

Получив известие об итогах переговоров 12 февраля, итальянский министр иностранных дел справедливо заметил, что «австрийская курочка попала в немецкий суп». На международной арене Австрия давно находилась в международной изоляции, выступая в роли разменной монеты при «умиротворении» агрессора. И Италия, и Венгрия давно уже согласились с ролью младших союзников третьего рейха. Попытки Шушнига предло-

жить свою страну на ту же роль провалились. Гитлер не был склонен торговаться со своими жертвами.

После переговоров в Берхтесгадене в Австрии была провозглашена всеобщая амнистия для политических заключенных. Нацистское движение приравнивали к Отечественному фронту, Зейсс-Инкварт стал министром внутренних дел. 20 февраля австрийское радио впервые транслировало речь «великого фюрера немецкого народа Адольфа Гитлера». Развивая успех, его сторонники потребовали организовать референдум о присоединении Австрии к третьему рейху. Это требование отдавало демагогией, так как общественным мнением в условиях ограниченной свободы слова можно было легко манипулировать. Сам Шушниг давал такую оценку настроениям своих соотечественников: «четверть австрийцев за меня и четверть за Гитлера, а остальные будут голосовать так, как ветер дует».

И все же он пошел ва-банк, приняв 8 марта решение о проведении референдума о будущем страны и назначив его уже на 13 марта. Такая спешка открывала шанс опередить внутренних и внешних противников. Участники референдума должны были высказать свое отношение к следующему тезису, сформулированному в бюллетене: «За немецкую, независимую, христианско-социальную, единую Австрию». Зейсс-Инкварт заявил, что его приверженцы не примут участия в референдуме, так как решение о нем было принято за спиной кабинета министров. Впрочем, австрийского правительства как такового давно уже не существовало. Оставшись в одиночестве, канцлер развил удивительную активность, ежедневно выступая на митингах, украшенных национальной символикой. Его ближайшее окружение установило тайные контакты с лидерами СДПА и профсоюзов, которые обещали призвать своих сторонников проголосовать в поддержку правительства.

«Назначив референдум, Шушниг дал нацистам желанный предлог, который избавил их от инсценировки австрийского пожара рейхстага» (О.Бауэр). Действительно, Гитлер имел все основания сомневаться в благоприятном исходе голосования и решил опередить события. 11 марта утром через своих соратников он передал Шушнигу требование перенести референдум на более поздний срок и тут же получил согласие Вены. Геринг убедил фюрера, что нужно идти дальше. По его совету Гитлер тут же выдвинул следующий ультиматум, потребовав назначить Зейсс-Инкварта канцлером Австрии.

Шествия нацистов по улицам крупнейших городов страны стали весьма наглядным доказательством их решимости взять власть в свои руки. В ряде мест они взяли под свой контроль вокзалы и административные здания. В Вене беспорядки достигли невиданного размаха — был остановлен общественный транспорт, штурмовики громили еврейские магазины при полном попустительстве полиции. Свидетель событий того дня, драматург Карл Цукмайер писал о «всплеске зависти, злорадства, ожесточения и слепой жажды мести, которое заставило замолчать все остальные голоса».

11 марта в 19.25 Шушниг в последний раз обратился к народу по радио. Он объявил о своей отставке, мотивировав это тем, что не желает «проливать германскую кровь». Австрийская армия получила приказ покинуть пограничные с Германией рубежи и «отходить на восток, не открывая стрельбы». Историки и публицисты спорят о том, мог ли канцлер отдать приказ о вооруженном сопротивлении, чтобы остановить агрессию нацизма в Центральной Европе на самом первом рубеже. Похоже, для него самого этот вопрос не существовал. Шушниг пополнил собой плеяду политиков, вопреки очевидным фактам веривших в то,

что с Гитлером можно договориться. Последующее пребывание в концлагере заставило его пересмотреть свои взгляды. Осознавая свою ответственность за поглощение собственной страны, Шушниг после освобождения не вернулся в Австрию, эмигрировав в США.

Около девяти вечера 11 марта Гитлер отдал распоряжение о переходе частями вермахта герmano-австрийской границы. По радио было передано сообщение, что об этом попросил Зейс-Инкварт, занявший пост канцлера Австрии. Несколько часов такое сообщение являлось заведомой ложью: президент Миклос подписал указ о его назначении лишь около полуночи. Вторжение на территорию Австрии группировки, включавшей в себя более 100 тыс. солдат и офицеров вермахта, выглядело достаточно мирно. Шоферы заправляли бронетехнику, аккуратно расплачиваясь на бензоколонках местной валютой, офицеры вежливо справлялись у местных жителей, куда им двигаться. Не было зафиксировано ни одной попытки задержать продвижение германских войск.

Жители придорожных деревень и городов поголовно выходили на улицы, любопытство на их лицах превалировало над всеми остальными чувствами. Сказалась одна из особенностей австрийского отношения к превратностям судьбы: если события нельзя изменить, то стоит извлечь из них выгоду. В первых рядах приспособленцев оказались многие католические священники, украсившие церкви флагами с нацистской символикой и встречавшие части вермахта колокольным звоном. Геббельсовская пропаганда тут же заговорила о «марше цветов», хотя большинство спонтанных митингов «братьев по крови» несло на себе следы откровенной инсценировки.

С еще большей помпой был обставлен приезд в Австрию Гитлера. Вечером 12 марта он на автомобиле

прибыл в Линц, на свою родину. Дальнейшее продвижение фюрера в направлении Вены постоянно прерывалось эмоциональными встречами. Кульминацией спектакля стало выступление фюрера на площади Героев, состоявшееся 15 марта и собравшее более 200 тыс. зрителей. Митинг сменил военный парад, в ходе которого вместе маршировали части австрийской армии и вермахта. Для наглядного подтверждения мощи третьего рейха в небе появилось около полутысячи военных самолетов. Венцы познакомились с новым для них жанром тоталитарной пропаганды, впрочем, отдаленно напомиавшим церемониал императорского двора.

Гитлер эффектно закончил свою речь на митинге перед дворцом Хофбург: «Как вождь и канцлер немецкой нации, я свидетельствую перед историей о вступлении моей родины в германский рейх!» Это импонировало самолюбию большинства австрийцев, уставших от того, что их страна довольствовалась ролью разменной монеты в дипломатическом торге великих держав. Лишь одиночки отдавали себе отчет в том, во что выльется подобное «свидетельство». Немногим из них в самый последний момент удалось покинуть пределы страны, так как сразу же после вторжения были перекрыты ее границы и прекращена выдача паспортов. Уже к вечеру 12 марта в Вену прилетел Генрих Гиммлер с высокопоставленными чинами СС. Захватив в первую голову архивы полицейского управления, его подручные начали широкомасштабную акцию политических чисток. Аресту подвергались не только активисты левых партий, но и их оппоненты из буржуазного лагеря, если они являлись сторонниками независимости Австрии.

13 марта президент Миклос передал свои полномочия Зейс-Инкварту, тот сразу же подписал конституци-

онный закон об аншлюсе. «Австрия является землей Германского рейха» — так звучала его ключевая фраза. Вена отказывалась от федеративного устройства, австрийская армия включалась в состав вермахта. 17 марта в Берлин был переправлен золотой запас страны (более 90 тонн золота). Чтобы придать исчезновению Австрии с политической карты мира легитимную форму, на 10 апреля на всей территории третьего рейха был назначен референдум о ее дальнейшей судьбе.

Нацистское руководство не жалело усилий и средств для того, чтобы достойно подготовить «семейный праздник». В Вену каждый день прибывали поезда с продовольствием из Германии, австрийских детей отправляли в лучшие немецкие санатории. В кратчайшие сроки на всю территорию страны было налажено радиовещание из Берлина, оттуда же прибыло 20 тыс. приемников для организации коллективного прослушивания радиопередач. 26 марта Геринг провозгласил масштабную программу экономической помощи Австрии. Замаскированной частью этой помощи стал обмен валюты: получив за три шиллинга две немецких марки, австрийцы явно остались не в накладе.

В агитацию за аншлюс включились даже бывшие противники нацистского режима, и среди них первый канцлер республики социал-демократ Карл Реннер, а также епископат католической церкви. Ведомство Геббельса издало особую инструкцию о проведении референдума: с раннего утра население следовало будоражить выступлениями оркестров и уличными маршами, чиновники обязывались проголосовать одними из первых (Frühwahl), предусматривалась раздача специальных значков для людей, вышедших с избирательных участков. Наконец, «с трех часов пополудни следует делать устные предупреждения всем не голосовавшим должны делаться с интервалом в полчаса».

99,6% голосов, поданных за присоединение Австрии к третьему рейху, мало кого удивили как в нем самом, так и за его пределами. «Эти цифры убедили остальной мир в том, что речь идет исключительно об урегулировании семейного спора и вмешательство в него было бы неуместным» (Э. Вейнцирль).

Гитлер направил специального представителя в Рим, но Муссолини уже проглотил горькую пилюлю. Ему пришлось довольствоваться заверениями фюрера, что вопрос о судьбе Южного Тироля не возникнет на повестке дня. «Аншлюс знаменовал собой серьезное поражение итальянской дипломатии и негативно сказался в дальнейшем на роли Италии в Европе» (Э. ди Нольфо). Дуче уже не сопротивлялся вовлечению в военный союз с Германией, понимая, что ему уготована роль младшего партнера. Западные демократии, гаранты Версальской системы, фактически бросили Австрию на произвол судьбы. Лондон и Париж направили германскому МИДу ноты протеста, которые были решительно отвергнуты.

Читатели «Правды» 12 марта не без труда могли найти заметку о «вторжении германских войск в Австрию», так как львиную долю газетной площади занимала стенограмма последнего показательного процесса. Через два дня в газете появился развернутый комментарий произошедшего как «еще одной демонстрации существа и характера политики безудержной фашистской агрессии, проводимой гитлеровской диктатурой». Как советская, так и зарубежная пресса указывала на то, что ее следующей жертвой окажется Чехословакия. Вопрос об аннексии Австрии обсуждался в Лиге наций, но и этот дипломатический шаг не имел сколько-нибудь заметных последствий.

Присоединение Австрии имело чрезвычайно важные геополитические последствия для третьего рей-

ха — ему удалось прорваться в дунайский регион, получить общую границу с Италией и завершить окружение Чехословакии. Аннексия последней во многом повторяла сценарий аншлюса — вновь Гитлеру удалось утвердить приоритет принципа «крови и почвы» перед государственным суверенитетом и историческими традициями. Можно согласиться с мнением ряда историков, что события марта 1938 г., первый выход вермахта за границы Германии, сделали развязывание новой мировой войны необратимым процессом. „Посредством аншлюса Гитлер вытацил краеугольный камень из системы европейских государств“ (Л. Рейхольд). Альпийская республика на одно мгновение вновь оказалась в центре мировой истории.

Похоже, что сами австрийцы не почувствовали этого. Позже они предпочитали выставлять себя в роли жертв нацистской пропаганды, но весной 1938 г. подавляющее большинство из них вполне искренне радовалось обретению долгожданной «исторической родины». Их слишком долго убеждали в том, что Австрия нежизнеспособна и сама не в состоянии обрести достойное место в современном мире. Что толкало австрийцев в объятия Гитлера? Вряд ли это были реваншистские настроения и надежды на восстановление старой доброй империи. Их привлекал экономический подъем и преодоление безработицы в новой Германии, динамизм ее внешней политики, подъем национальной культуры и красота пропагандистского оформления.

Прагматикам до мозга костей, перепробовавшим на себе почти все из известных политических режимов, жителям Австрии было все равно, какого цвета окажется новая диктатура. Она открывала перспективу выхода из стагнации и радикальных изменений, давала шанс расправиться с подлинными и мнимыми врагами. Неизжитый антисемитизм, страх перед «заговором красных»,

чувство превосходства над славянскими соседями — все это делало австрийского обывателя весьма ценным приобретением для нацистского режима.

Унификация

После аншлюса Австрия превратилась в полигон для претворения в жизнь тех элементов нацистской программы, реализация которых на всей территории Германии представлялась Гитлеру и его окружению нецелесообразной или преждевременной. Этому было несколько причин. Прежде всего, необходимо было в скорейшие сроки сломить сопротивление национальной элиты в политике, бизнесе и силовых структурах. Приверженность последней авторитарным традициям отнюдь не гарантировала ее безболезненной интеграции в нацистское руководство. Ряд австрийских политических деятелей, особенно выходцев из феодальной аристократии, были уверены в том, что новые власти обратятся к ним за помощью и поддержкой. Они жестоко просчитались — Гитлеру не нужны были союзники, его режим требовал абсолютного подчинения.

Наряду со сторонниками корпоративного государства в Австрии сохраняли достаточно сильные позиции и принципиальные противники фашизма — как итальянского, так и германского. В их число входили активисты рабочего движения, находившиеся на полуправильном положении, лидеры профсоюзов, либеральные публицисты. Сюда же можно отнести и часть католического клира, готовую бороться за сохранение самостоятельности церкви даже в условиях тоталитарной диктатуры. Сценарии аншлюса, подготовленные в Берлине, свидетельствовали о страхе их творцов перед массовым политическим протестом и ориентировали ведомство Гимmlера на скорейшее проведение превентивных репрессий. Значительная роль евреев в эконо-

мической жизни и средствах массовой информации Австрии являлась еще одним фактором, породившим особые меры в процессе унификации этой страны. К стремлению поскорее завладеть рычагами общественного контроля примешивалось желание использовать еврейскую собственность для вознаграждения «старых борцов» и активных сторонников нового режима.

Для скорейшего включения австрийских предприятий в экономику Германии были необходимы как унификация правовой базы их деятельности, так и пересмотр директивных показателей нацистской четырехлетки. Страна была втиснута в рамки «вынужденной модернизации полуколониального типа» (Ф. Вебер), ориентированной на войну. Не считаясь с затратами, новые хозяева экономики бросили все силы на разработку полезных ископаемых, которых так не хватало самой Германии. Были заложены заводы по производству стали и алюминия, резко выросла нефтедобыча, началось проектирование ряда мощных гидроэлектростанций в Альпах. В то же время сворачивались традиционные отрасли промышленности, которые экспортировали бытовую технику и предметы потребления в соседние страны Восточной Европы.

Достаточно радикальный характер носила и перестройка административного аппарата. В Австрии были опробованы методы управления и контроля, которые применялись на присоединенных территориях в ходе следующего этапа гитлеровской агрессии. В то же время нацистское руководство пыталось сохранить за Венной и Зальцбургом приоритет центров «арийской культуры», не жалея для этого средств и усилий даже в годы мировой войны. Австрийские Альпы вновь превратились в Мекку для организованных туристов из Германии, начался отбор произведений изобразительного

искусства для гигантского музея в Линце, находившегося под личным патронажем самого Гитлера.

Преобразования, растянувшиеся в третьем рейхе на несколько лет, в Австрии были проведены за несколько месяцев. Уже осенью 1938 г. в связи с присоединением судетских земель были изменены ее границы. Вскоре из политического словаря вообще исчезло понятие «Австрия» — 14 апреля 1939 г. вместо нее появилась Восточная провинция (Ostmark). Во главе провинции стоял имперский наместник (Reichsstatthalter) с огромными полномочиями. В 1942 г. на месте бывшей Австрии появилось семь административных округов (Alpen- und Donau-Reichsgaue).

Почувствовав запах теплых местечек, весной 1938 г. в Вену потянулись функционеры среднего звена из Германии. Вскоре там развернулась настоящая «битва за кормушку» (Г. Ягшиц). Присланный из Берлина и подчиненный лично Гитлеру рейхскомиссар Йозеф Бюркель сумел оттеснить лидера местных нацистов Зейсс-Инкварта на второй план. Пришельцы не скрывали своих планов и настроений. Официальный орган СС в марте 1938 г. выражался еще достаточно осторожно: «Вскоре за спиной каждого действующего и бездействующего австрийца окажется пруссак, который не поспежит на жесткие упреки, если работа не заладится».

В венских кафе недовольно зашептали о нашествии варягов, об окончательной победе чужеземцев над наследниками Марии Терезии. Позже, в годы войны австрийцы утверждали, что их считают пушечным мясом и специально бросают на самые опасные участки фронта. Новейшие исследования свидетельствуют о том, что подобные утверждения являлись ложью во спасение. Режим опирался на местные кадры. Только в Вене насчитывалось около 100 тыс. партийных активи-

стов и функционеров разного ранга, всего за 1938-1945 гг. более 700 тыс. австрийцев (каждый десятый!) вступили в ряды НСДАП. Этот факт подтверждают и итоги микроисследований. Так, в венском гестапо в 1938 г. работало 95% австрийцев, к концу войны этот показатель сократился до 80%.

Именно они, прекрасно знакомые с местной спецификой, а отнюдь не пришельцы стали проводниками массовых репрессий в своей стране. В течение марта было арестовано около 70 тыс. подлинных и мнимых противников нового режима, 1 апреля из Вены направился первый транспорт с узниками в баварский концлагерь Дахау. Среди них преобладали высокопоставленные деятели австрийского государства, канувшего в небытие. Вскоре неподалеку от Линца в Верхней Австрии появился концентрационный лагерь Маутхаузен, через который прошло около 200 тыс. человек — деятелей оппозиции, участников сопротивления, военнопленных. Более половины из них погибло от голода и непосильной работы, было замучено эсесовцами или отравлено в газовых камерах. К 1945 г. на территории Австрии существовало 49 концлагерей.

Если по политическим противникам гестапо наносило точечные удары, то в отношении евреев правящий режим искал тотальное решение. Антисемитская пропаганда попадала в Австрии на благодатную почву. Как и в Германии, на счет евреев относили и поражение в первой мировой войне, и неурядицы республиканского правления, и всеобщее падение нравов. Свой вклад в разжигание вражды вносили и проповеди католического клира, требовавшего «административными и законодательными мерами возвести плотину против духовного сора и аморальной нечисти, которыми преимущественно евреи грозят затопить весь мир» (епископ Иоганн Гфельнер в 1933 г.). Хотя

доля евреев в Вене не превышала 10%, в их руках была сосредоточена практически вся адвокатская практика, издание газет и банковское дело. Еврейская община поддерживала корпоративное государство Дольфуса и финансировала Отечественный фронт, что не добавляло ей популярности в массах.

Венские обыватели весной 1938 г. наслаждались унижением евреев, которым вручали щетки и заставляли скрести городские мостовые. Евреи были лишены права участвовать в референдуме 10 апреля 1938 г., изгнаны со своих постов в государственных и образовательных учреждениях, в армии и полиции. Только в Вене они покинули 70 тыс. квартир. Активисты нового режима спешили использовать представившийся им шанс обогащения. В рамках «ариизации хозяйственной жизни» было закрыто и продано за бесценок 7 тыс. еврейских предприятий. Внешне это выглядело вполне революционно — близкие нацистам представители персонала изгоняли хозяина и брали управление в свои руки. Собственность еврейской общины в Австрии, оценивавшаяся в 10 млрд. рейхсмарок, полностью поменяла своих владельцев.

В ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. по всей территории третьего рейха прошла волна погромов. Только в Вене сгорели 42 синагоги, были разграблены оставшиеся еврейские магазины, около 4 тыс. евреев арестовано и отправлено в Дахау. Именно в австрийской столице началась деятельность печально известного ведомства Адольфа Эйхмана «по организации еврейской эмиграции». На самом деле оно занималось изгнанием и экспроприацией. Богатые должны были оплачивать расходы по выезду за рубеж бедных евреев. Бесхозные вещи оценивались в смешные суммы и тут же попадали к родственникам партийных бонз.

К моменту аншлюса в Австрии проживало около 200 тыс. евреев, две трети из них, в основном состоятельные люди, смогли эмигрировать за границу. После 1941 г. 67 тыс. оставшихся евреев были депортированы в Польшу и Прибалтику, из них дожило до конца войны не более двух тысяч человек. Следует помнить, что наряду с евреями под прицел нацистского режима попадали и другие социальные и этнические группы. Погибло более половины из 11 тыс. австрийских цыган. С 1940 г. началась реализация программы эвтаназии, жертвой которой на территории Австрии стало не менее 5 тыс. неизлечимых больных. Позже десятки тысяч военнопленных, тысячи насильственно угнанных рабочих из стран Восточной Европы также нашли свою смерть на австрийской земле.

Новые власти не решались проводить политику сплошных репрессий по отношению к католической церкви, отдавая себе отчет в том, какое влияние она имеет на своих прихожан, особенно в сельской местности. Церковным иерархам пришлось поделиться собственностью, они перестали получать свою долю налогов, в школах было прекращено преподавание закона божьего. Австрийцы получили разрешение на повторный брак, что также нанесло удар по католическим канонам. Около 800 священников, пытавшихся сопротивляться нововведениям, были отправлены в концлагеря. Но в целом церковь продолжала рассматривать себя как опору режима, благословив, в частности, войну на Востоке как «крестовый поход против большевизма».

Большинство австрийцев не догадывалось ни о репрессиях, ни о стратегических целях гитлеровского режима. Их объединяло чувство сопричастности к большому делу, вполне устраивала ускоренная модернизация страны. Экономический подъем (рост валового внутреннего продукта в 1938-1939 гг. достигал 13%)

привел к осязаемому росту уровня жизни городского населения, хроническую безработицу сменила нехватка рабочей силы. Вновь стали расти темпы жилищного строительства. Власти всячески превозносили преимущества немецкой системы социального страхования, демонстрировали отеческую заботу о трудящихся. Свою долю общественных благ получили и австрийские крестьяне, ставшие частью «имперского продовольственного сословия».

Труднее всего было завоевывать симпатии художественной интеллигенции, предпочитавшей сохранять дистанцию по отношению к нацистскому режиму. Мало помогали даже такие проверенные приемы, как литературные премии, певческие фестивали, организация художественных мастерских. Бальдур фон Ширах, ставший в 1941 г. заместителем Восточной провинции, в начальный период своего правления пытался выступать в роли покровителя муз, но не снискал себе симпатий венской богемы. Во многом это было связано с общностью культурно-политических установок «австрофашистов» и нацистов — «и те и другие боролись против духовного большевизма и асфальтового искусства модернистов, противопоставляя ему искусство народное, направленное против элит и их авангардизма» (Э. Ханиш).

Война

Внешнеполитические успехи Гитлера 1938-1939 гг. заставляли большинство жителей «третьего рейха» поверить в его непогрешимость и особую историческую миссию. Однако 1 сентября 1939 г. уже не вызвало такого взрыва патриотических настроений, как 1 августа 1914 г. Слишком свежи были в народной памяти картины военных лишений и последствий поражения. Стынув зубы, венцы и жители других австрийских го-

родов слушали по радио речь Гитлера. Не они выбрали эту судьбу, но они успели с ней смириться.

Введение карточной системы на главные продукты питания, сверхурочные на военных заводах, мобилизация, затронувшая прежде всего сельских жителей — все это вело к падению «национальной ответственности» австрийцев. Однако уже к рождеству кривая общественных настроений вновь поползла вверх. Рационирование было вполне достаточным для потребления среднестатистической семьи, военных действий практически не велось, а геббельсовская пропаганда убеждала население, что Гитлер думает только о достижении скорейшего мира.

Перестройка австрийской экономики на военный лад не привела к сколько-нибудь серьезному падению уровня производства. Продолжалось строительство автобанов и гидроэлектростанций, в марте 1941 г. в Линце с большой помпой был пущен в ход металлургический комбинат, ставший составной частью концерна Германа Геринга. Чтобы хоть частично компенсировать зависимость германской армии от поставок румынской нефти, началась разработка нефтяных месторождений в Цистерсдорфе. Благодаря тому, что Австрия долгое время была недостижима для авиации союзников (только в августе 1943 г. начались бомбардировки с итальянских аэродромов), сюда переносили производство самых важных вооружений. В пригороде Вены Винер Нейштадт было выпущено 30% всех истребителей Мессершмидт-109 — основной боевой машины люфтваффе. Нарастание государственного сектора в хозяйстве Восточной провинции сопровождалось экспансией германского капитала: Если в 1938 г. его доля в австрийской экономике составляла 9%, то к 1945 г. она достигла 57%. Ведущий австрийский банк Кредитанштальт стал филиалом Дойче банка.

К марту 1941 г. на территории бывшей Австрии было зарегистрировано только 3000 безработных. Власти били тревогу по другому поводу — многие квалифицированные рабочие в погоне за более высокими заработками отправлялись в Баварию и Пруссию, крестьянские дети также стремились переселиться в города. Чтобы компенсировать отток населения, в альпийские провинции направлялся основной поток переселенцев из Южного Тироля, остававшегося в составе Италии. К концу войны затыкать дыры в экономике приходилось любыми способами. Треть занятых в общественном производстве в 1945 г. составляли военнопленные и рабочие, угнанные из других стран (их число достигло 700 тыс. человек).

В то время как молодежь видела в приспособлении к нацистскому режиму шанс найти достойное место во взрослой жизни, люди старшего поколения твердо держались за свои обычаи и традиции. В сельской местности главным событием оставались не нацистские, а церковные праздники. Крестьян из альпийских деревень раздражал тотальный учет произведенной продукции и необходимость сдавать ее по твердым ценам государству. За сокрытие продовольствия и его продажу на «черном рынке» грозили суровые наказания вплоть до смертной казни.

Перелом в настроениях большинства австрийцев был связан с сокрушительным поражением вермахта под Сталинградом. Многие отцы и дети погибли или попали в плен, выполняя бессмысленный приказ Гитлера держаться в окружении любой ценой. Шок от поражения до сих пор считавшегося непобедимым вермахта дополнили американские бомбардировки, сокращение продовольственных пайков. Вновь заработала кухня слухов, утверждавшая, что берлинская бюрократия считает австрийцев людьми второго сорта,

специально держит их на голодном пайке. Из уст в уста передавалась новость, что попавшие в плен под Сталинградом австрийцы попадают в особые лагеря, условия жизни в которых гораздо лучше, чем в лагерях для немцев.

Неудовольствие и протест проявлялись самым неожиданным образом. Любая шутка в адрес пруссаков в венских кабаре вызывала взрыв восторга. Встречи венских и берлинских футбольных команд неоднократно превращались в массовые побоища болельщиков. Чтобы поднять боевой дух соотечественников, в апреле 1943 г. Гитлер выступил на митинге в своем родном городе Линце. Символично, что это было одно из его последних публичных выступлений.

В вермахт было призвано около 1,2 млн. жителей Австрии, которые отнюдь не считались плохими вояками. 240 австрийцев в годы войны служили генералами в вермахте, СС и полиции. Австрийские формирования СС были брошены на борьбу с югославскими партизанами, и они отличались не меньшей жестокостью, чем элитные части Гимmlера. Впрочем, число активистов и противников режима было едва различимо на фоне серой массы приспособленцев. Не разделяя целей войны и даже потеряв право называться австрийцами, подавляющее большинство жителей Восточной провинции покорно отдало свою жизнь на откуп нацизму.

Освобождение

Избавление Австрии от нацизма легло на плечи союзников по антигитлеровской коалиции. В их лагере разрабатывались различные, в том числе и весьма экзотичные планы будущего этой страны. Они были подчинены главной цели — ослабить Германию и сделать невозможным повторение ее агрессии. Черчилль

размышлял о восстановлении монархии Габсбургов, на Тегеранской конференции говорил о необходимости создать Дунайскую конфедерацию, но не нашел поддержки Сталина, высказавшегося за «малую» Австрию.

Московская декларация, принятая державами антигитлеровской коалиции 1 ноября 1943 г., признала Австрию «первой жертвой нацистской агрессии» и поставила задачу восстановления ее свободы и независимости. По предложению заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского в документ была включена фраза о том, что эта страна несет свою долю ответственности за участие в войне на стороне нацистской Германии. Декларация в миллионах листовок разбрасывалась над территорией Австрии, и ее жители охотно соглашались с тем, что в условиях приближающегося окончания войны быть жертвой гораздо лучше. Расчеты союзников на то, что это подтолкнет австрийцев на национальное восстание против гитлеровской диктатуры, не оправдались.

На заключительном этапе войны в Австрии активизировалось сопротивление, объединившее в своих рядах бывших политических противников от левых социалистов до клерикалов. Их представители, успевшие покинуть страну накануне аншлюса, так и не смогли организовать координационный центр, не говоря уже об эмигрантском правительстве, поэтому действия групп сопротивления были разрозненными и не нанесли заметного ущерба нацистскому режиму. И все же эти люди, многие из которых отдали свои жизни, стали символом «иной Австрии», и память о них является стержневой частью демократической культуры современной альпийской республики. Герберт Штайнер, опубликовавший предсмертные письма борцов австрийского сопротивления, справедливо подчеркивал, что это была «лишь небольшая часть нашего народа,

люди, оставшиеся верными своим моральным принципам и убеждениям даже тогда, когда удобнее и выгоднее было вовсе не иметь никаких убеждений».

Главный удар гестапо пришелся на долю коммунистов — они являлись самой деятельной частью сопротивления и составили 44% всех репрессированных. Активисты КПГ создавали нелегальные ячейки на заводах, устанавливали контакты с военнопленными, проводили акты диверсий и саботажа. Советские спецслужбы забрасывали на территорию Австрии парашютистов, которые должны были не только передавать информацию разведывательного характера, но и координировать пропагандистскую деятельность коммунистических групп. В Каринтии действовали партизанские отряды, костяк которых составляли словенцы, а также бежавшие из лагерей военнопленные. 3000 австрийцев сражались в британской армии и 4000 — во французской. По последним данным, в борьбе с нацизмом отдали свои жизни 35 тыс. австрийцев.

С приближением к границам Австрии армий антигитлеровской коалиции участники сопротивления поставляли им информацию о военном положении, выражали готовность освободить от нацистов свои родные города и деревни. 12 декабря 1944 г. в Вене был учрежден Временный национальный комитет, призванный координировать деятельность различных антифашистских групп. 30 марта 1945 г. на территорию Австрии вступили части Третьего Украинского фронта. Его командующий маршал Ф.И. Толбухин в обращении к населению заявил, что Красная Армия ведет боевые действия не с целью завоевания Австрии, а для ее освобождения от нацистского владычества.

Из-за предательства планы сдачи Вены без боя, которые передали советским военным деятели сопротивления, так и не были реализованы. 9 апреля над

австрийской столицей взвился красный флаг, хотя бои в городе продолжались еще несколько дней. Участвовавшие в них солдаты и офицеры были награждены медалью «За освобождение Вены» (а не за взятие, как в случае Кенигсберга или Берлина). 13 апреля Москва салютовала им 24 залпами из 324 орудий. Несмотря на то, что дни третьего рейха были сочтены, вермахт и особенно воинские части СС продолжали оказывать ожесточенное сопротивление. В сражениях на территории Австрии погибли 26 тыс. советских военных. Символом признательности австрийского народа освободителям стал памятник погибшим, возведенный в центре Вены уже в августе сорок пятого.

Заявления последних приверженцев фюрера о создании в Альпах неприступной крепости, способной на протяжении нескольких лет выдерживать осаду и налеты с воздуха, оказались очередным блефом. Общественные настроения в последние дни войны отличали апатия и бессильная злоба по отношению к Гитлеру, страх перед победителями, искусно подогреваемый геббельсовской пропагандой, а также смутные надежды на то, что рано или поздно наступит мир и все как-то устроится.

Отдавая должное героям сопротивления, трудно оспорить вывод, к которому пришел американский исследователь Эван Б. Бьюкей: «большинство австрийцев до самого конца поддерживало гитлеровскую войну». А когда этот конец оказался неизбежным, они позволили себя освободить. Австрийский народ, вовлеченный в преступления нацистского режима, понес тяжелые жертвы. 250 тыс. австрийцев были убиты или пропали без вести на полях сражений Второй мировой войны, 25 тыс. мирных граждан погибли в результате бомбардировок и военных действий.

6. Послевоенное десятилетие

Возвращение к мирной жизни — Правление оккупационных властей — Переходный период — Восстановление экономики — Государственный договор

Возвращение к мирной жизни

Повествуя о завершении войны и переходе к мирной жизни на территории Австрии, историку вновь, как в случаях с «революцией» и «австрофашизмом», приходится пользоваться кавычками. Избавление от нацистского гнета, с которым пришли на австрийскую землю войска союзников, для большинства ее жителей было условным «освобождением». Люди перестали бояться бомбардировок, репрессий гестапо, призыва в фольксштурм, ужасного конца войны, но вряд ли разделяли чувства соседних народов Восточной Европы. Как это ни парадоксально звучит, союзники по антигитлеровской коалиции освободили Австрию, победив австрийцев. Тезис об их освобождении, взятый из Московской декларации 1943 г., эксплуатировался скорее из прагматичных соображений — так побежденным легче было представить себя жертвой, а значит, отказаться от ответственности за преступления гитлеровского режима.

Действительно, солдат антигитлеровской коалиции не встречали цветами на улицах австрийских городов. Население рассматривало «присутствие оккупационных войск на своей территории как навязанную извне военную диктатуру» (М. Раухенштейнер) и в первые дни предпочитало затаиться. Лишь необходимость раздобыть что-нибудь съестное или принести ведро воды заставляла людей появляться на улице. Возвращавшиеся

в подвалы и уцелевшие квартиры рассказывали о разрушениях последних дней войны, о прокламациях новых властей, о первых встречах с освободителями. Обыватели продолжали жить в мире стереотипов, навязанных геббельсовской пропагандой. Среди них одно из первых мест занимал страх перед русскими. Требовалось время, чтобы реальные меры помощи в налаживании мирной жизни дошли до каждого из жителей. Напротив, преступления солдат, морально искалеченных войной, — грабежи, изнасилования — удесятились машиной слухов. Церковь и власти сквозь пальцы смотрели на аборт в результате «вынужденных контактов с русскими». Преступлениям попустительствовала не новая власть, а безвластие — бургомистры и сельские старосты буквально выпрашивали воинскую часть на постой в свой город или деревню, чтобы таким образом избавиться от «гастролеров» неопределенной национальности.

К лету вольница победителей постепенно сошла на нет, военным комендантам удалось взять ситуацию под контроль, наладить контакты с чиновниками, уволенными после аншлюса и готовыми ныне служить новой Австрии. Положение в Восточной провинции было ничем не лучше, чем на остальной территории ушедшего в небытие третьего рейха. Повсюду в уличной застройке зияли провалы от попаданий бомб и пожаров, не работали заводы, был парализован общественный транспорт, прекратился подвоз продуктов. Особенно заметны были разрушения в австрийской столице. Ее символ — собор святого Стефана — лежал в руинах, архитектурные памятники имперской эпохи также серьезно пострадали в ходе боев за освобождение города. В результате бомбардировок были уничтожены мосты через Дунай, люди перебирались на другой берег по хлипким настилам из досок, кое-как

прилаженных к сохранившимся опорам. Только в Вене без крова осталось около 300 тыс. человек.

И все же жизнь продолжалась. Зазеленели деревья в парке Шенбрунн и на бульварах Ринга, там вновь стали чинно прогуливаться дети с нянями и пенсионеры. На клумбах, где в последние годы высаживали картошку и овощи, вновь пробивались цветы. Теперь их уже не считали сорняками. Постепенно проходил психологический шок, люди начинали понимать, что самое страшное уже позади, не нужно больше повторять нацистские заклинания о войне до победы, а следует устраиваться в мирной жизни.

Как только стали ходить поезда, венские вокзалы и узловые станции железных дорог стали напоминать разбуженный муравейник. Казалось, что столько народу они никогда не видели. Лишившиеся крова использовали их для временного жилья, эвакуированные стремились скорее вернуться домой, близкие искали пропавших без вести родственников. На каждом шагу была слышна иностранная речь — это были военнопленные, узники бывших концлагерей, люди, насильственно угнанные из своих стран для работы в Германии (Ostarbeiter). Многие из них перед возвращением домой пытались отомстить своим бывшим хозяевам за нечеловеческие условия жизни, издевательства и недоедание, но были и такие, кто хотел остаться работать в хозяйстве принявшего его крестьянина. После решения Потсдамской конференции о выселении германского населения из Чехословакии и Польши в Австрию устремился поток судетских немцев, которые мало чем отличались от беженцев, прибывших сюда из Силезии и Восточной Пруссии еще в военное время. В 1946 г. общее количество людей, которых статистика называла «перемещенными лицами», на территории Австрии превысило 1,6 млн. человек.

И пришлых, и коренных жителей страны объединяла ежедневная борьба за выживание. Еще одним символом первых послевоенных месяцев стали детские коляски и самодельные тачки, на которых женщины и старики перевозили нехитрый скраб, отправлялись на «менку» в ближайшие к городу деревни. Наличие родственников, так или иначе связанных с сельским хозяйством, давало гарантию от голода. Нацистский режим исчерпал все ресурсы страны. Оккупационные власти оставили в обращении обесцененные рейхсмарки, но на них уже мало что можно было купить. Сохранялось и рacionamento основных продуктов питания, но дефицит транспорта и разрушение традиционных хозяйственных связей (до 1 октября 1945 г. демаркационная граница между советской и западными зонами была закрыта для австрийцев) превращали продовольственные карточки в декларацию о благих намерениях.

В городах стали стихийно образовываться «черные рынки», где наручные часы без труда превращались в американские сигареты или русскую тушенку. Вновь, как и после Первой мировой войны, Вена, Инсбрук и Зальцбург стали настоящим Клондайком для добытчиков антиквариата. Тот, кто не имел ценностей или запасов на черный день, брался за любую работу, в том числе и за расчистку улиц, за которую не только платили, но и кормили обедом. Жизнь в деревнях была несравненно легче. Хотя крестьянские хозяйства остались без рабочих рук, неразбериха первых послевоенных месяцев позволяла им саботировать обязательные поставки продовольствия. Из городов в деревню направлялись контрольные комиссии, куда входили представители местных властей, самих крестьян и потребителей, однако они не были облечены чрезвычайными полномочиями и играли скорее роль «уговорщиков», нежели олицетворяли собой суровую продрозверстку.

Военные потери привели к резкому изменению демографического состава населения в пользу женщин. Чтобы прокормить семью, им приходилось расставаться с привычной ролью домохозяйки или прислуги, отстаивать свои интересы не только в бесконечных очередях, но и в структурах оккупационной власти. Женщины оказались более приспособлены к кризисным ситуациям, в то время как возвращавшиеся домой мужчины (к 1949 г. домой вернулось около полумиллиона австрийских военнопленных) зачастую не могли вернуться в привычную жизненную колею. Счастливые встречи нередко заканчивались разводом, понятие «безотцовщины» перестало быть чем-то экстраординарным. Подраставшее поколение размышляло над вопросом о виновниках постигшей страну трагедии. Постепенно менялись социальные роли, начало складываться новое соотношение сил в послевоенном австрийском обществе.

Правление оккупационных властей

Хотя Московская декларация стран антигитлеровской коалиции говорила об освобождении Австрии, ее, как и Германию, предполагалось разделить на зоны оккупации. Первоначально речь шла только о трех зонах, в январе 1945 г. американцы согласились с выделением особой французской зоны и в Австрии. Освобождение ее территории проходило в соответствии с этими планами. К моменту окончания боевых действий советские войска находились в Бургенланде, Нижней Австрии и восточной части Штирии, американские — в Тироле, Зальцбурге и Верхней Австрии. Британцы только в первых числах мая заняли Каринтию (часть этой земли была освобождена югославскими партизанами) и восточный

Тироль. В самой западной земле Форарльберг вел боевые действия Первый корпус французской армии.

Только к июлю войска расположились в местах своей постоянной дислокации. В советскую зону оккупации вошла северная часть Верхней Австрии с городом Линц, в британскую — вся Штирия, французы в дополнение к Форарльбергу обосновались в Тироле. Вена также была разделена на сектора, в начале сентября там начали свою работу западные военные власти. В отличие от Берлина, где действовала такая же схема управления, центр города (Первый округ) находился в совместном ведении четырех комендатур. Появление западных партнеров не вызвало большого восторга у советских военных властей, которым до того пришлось в одиночку решать самые острые проблемы огромного города, связанные с переходом от войны к миру. В мемуарах заместителя советского коменданта Вены полковника Г.М. Савенка это событие описывается следующим образом: «Вместе с союзниками пришли сюда доллары, стерлинги, франки и тут же породили спекуляцию, черный рынок, аферы, бандитизм, проституцию. Воспряли духом богатеи-венцы и разные беспринципные политиканы, которые до той поры тихохонько сидели у себя по домам. Словом, «свободный мир» ворвался в Вену».

Даже если не брать в расчет очевидные клише, досада советского политофицера была вполне объяснимой. Отныне приходилось думать о возможных возражениях оппонентов, формировать коалиции и заниматься дипломатией вместо того, чтобы рубить сплеча. И все же военным удавалось находить компромиссы. Одним из них был совместный парад, проведенный в австрийской столице в первую годовщину ее освобождения. Военные патрули из представителей всех армий антигитлеровской коалиции, разъезжавшие

по Рингу, венцы называли «четверкой в джипе». Вся полнота власти в первые послевоенные месяцы была сосредоточена в руках оккупантов, хотя первое соглашение о союзническом контроле над Австрией было подписано только 4 июля. На его основе был сформирован четырехсторонний орган управления, от СССР в него вошел маршал И.С. Конев.

Союзники не могли бы наладить мирную жизнь без помощи местного населения. Каждая из военных администраций имела в своем распоряжении «кадровый резерв» — списки лиц, занимавших государственные посты в Австрии до 1938 г. и незапятнанных пособничеством нацизму в последующие годы. Зачастую главу местной власти назначали сразу же после освобождения того или иного населенного пункта. Уже в мае во всех землях были сформированы гражданские администрации, хотя на первых порах они лишь выполняли указания оккупационных властей. В Тироле костяк земельного правительства образовала местная группа сопротивления, сумевшая захватить контроль над городом Инсбрук еще до подхода американских войск.

Несмотря на совместные декларации, каждая из держав-победительниц ориентировалась на собственные представления о будущем общественном строе освобожденных стран Центральной Европы. Это вызывало острые конфликты уже в момент формирования национальных органов власти. В Австрии достаточно сложная борьба развернулась вокруг правительства Карла Реннера. В начале апреля первый канцлер Первой республики, благополучно переживший годы нацистской диктатуры, установил контакт с представителями Красной Армии. 9 апреля его привезли в Вену, где он начал готовить политические документы освобожденной Австрии. Очевидно, не без подсказки военных Реннер написал

письмо Сталину, выдержанное в самом возвышенном тоне. Среди прочего автор заверил советского лидера: «То, что будущее моей страны принадлежит социализму, является бесспорным фактом и не нуждается в каких-либо обоснованиях».

Сталин не задержал с ответом. Хотя он и не питал симпатий к лидерам «продажной» социал-демократии, Реннер показался ему подходящей кандидатурой для того, чтобы проводить политическую линию, учитывающую интересы Советского Союза. Сталин наверняка был в курсе, что тот публично поддержал аншлюс 1938 г., и это пятно в биографии должно было сделать австрийского государственного деятеля более стоворчивым. Существует и версия, что Сталин познакомился с Реннером еще во время своего пребывания в Вене в 1912 г., вел с ним дискуссии по национальному вопросу и дал указание специально разыскать его весной сорок пятого.

27 апреля было провозглашено восстановление свободной и независимой Австрии, а также образовано временное правительство во главе с Реннером. 29 апреля члены нового кабинета министров в полном составе отправилось из ратуши в здание парламента. Вновь, как и 12 ноября 1918 г., толпа венцев приветствовала новое государство. В отличие от дня рождения Первой республики это было теплое солнечное утро, что казалось добрым предзнаменованием после стольких лет смертей и разрушений.

Декларация 27 апреля была подписана представителями трех «старых новых партий», разрешенных советскими военными властями. Социал-христиане расширили свой состав за счет либеральной интеллигенции и образовали Австрийскую народную партию (АНП), свободную от политического клерикализма. Сохранившиеся кадры СДПА воссоединились с «революци-

онными социалистами», приняв новое название — Социалистическая партия Австрии (СПА). Руководство КПА, вернувшееся из московской эмиграции, заявило о своей приверженности демократическим ценностям и обратилось к СПА с предложением о единстве действий, которое было отвергнуто.

При формировании правительства Реннер пытался отстоять соотношение 3:2:1, но советские военные власти потребовали отдать больше постов коммунистам. Итогом сложных переговоров стала коалиция, в которую вошли 10 социалистов, 9 представителей АНП, 7 коммунистов и 3 беспартийных. Лишь некоторые из них имели политический опыт времен республики, большинство выдвинулось на первые роли в период подполья и эмиграции. Чтобы обеспечить контроль и прозрачность бюрократического процесса, каждому министру в качестве заместителей были приданы представители других партий. 1 мая правительство Реннера объявило о восстановлении в силе конституции 1920 г. с поправками 1929 г. (она действует в Австрии и по сей день).

Провозгласив себя национальным, временное правительство имело реальные полномочия только на территории советской зоны оккупации. До начала работы союзнического Контрольного совета у Вены просто не было связи с другими землями. Затем в дело вмешались представители западных держав, которые боялись, что команда Реннера станет беспрекословно выполнять волю Москвы. Поэтому они под разными предлогами тянули с его признанием. Американскому комиссару Марку Кларку в конце августа 1945 г. удалось провести специальную встречу, чтобы разморозить отношения между маршалом Коневым и английским представителем Р.МакКрири. Лишь 20 октября Контрольный совет

принял к рассмотрению распоряжения кабинета Реннера, что стало его признанием де-факто.

Одной из главных задач временного правительства стало скорейшее проведение парламентских выборов. Конференция представителей всех австрийских земель назначила их на 25 ноября 1945 г., с чем согласились военные власти. Это решение во многом предотвратило опасность национального раскола, который пришлось пережить послевоенной Германии. Следует обратить внимание и на другие отличия оккупационного режима в Австрии. В отличие от Германии она рассматривалась не как побежденная, а как освобожденная страна, что не позволяло военным властям столь же жестко вмешиваться в ход восстановительного процесса. Чиновники на местах исполняли прежде всего решения собственного правительства. Несмотря на различные трения, на протяжении всего периода оккупации в Австрии не было открытых конфликтов между советскими и западными военными властями. Это было одно из немногих мест на Земле, где официальные лица СССР и США были обречены на сотрудничество даже в самые сложные годы «холодной войны».

Переходный период

Выборы 25 ноября 1945 г. (в них не участвовали бывшие члены НСДАП) показали стойкость политических симпатий австрийцев: 49,8% голосов получила АНП, 44,6% — СПА и только 5,4% — коммунисты. Правительство, сформированное лидером АНП Леопольдом Фиглем, включало в себя представителей всех трех партий (КПА оставалась в нем до 1947 г.). Восемь из одиннадцати министров в годы нацизма являлись активными участниками сопротивления, что давало правительству необходимую моральную легитимацию.

Сразу после выборов лидеры СПА и АНП подписали особое коалиционное соглашение, не проинформировав об этом коммунистов. В нем не только распределялись ключевые посты, но и подчеркивалось, что имевшее место соотношение сил должно быть учтено при формировании земельных правительств и органов местного самоуправления. Так были заложены основы «пропорциональной демократии» (Г. Лембрух), ставшей одной из характерных черт послевоенной политической системы в Австрии. Памятуя об уроках прошлого, АНП согласилась с тем, что «собственность, незаконно изъятая у рабочих организаций в марте 1934 г., должна быть компенсирована». Символом преемственности старой и новой власти явилось избрание 20 декабря того же года Карла Реннера первым президентом Второй австрийской республики.

Поражение КПА в ходе парламентских выборов стало неприятным сюрпризом для советских военных властей, которые рассчитывали на то, что и в Австрии удастся реализовать на практике модель «народной демократии». В рамках этой модели, утверждавшейся в странах Восточной Европы, традиционные партийно-политические силы связывались в единый антифашистско-демократический блок, в котором решающие позиции постепенно завоевывали коммунисты. Свой вклад в ее разработку внесли и лидеры КПА, находившиеся в эмиграции в Москве. Подготовленная ими в апреле 1945 г. программа послевоенных преобразований предусматривала возрождение демократических институтов «снизу», выборы по единому списку всех партий и массовых организаций, формирование национального правительства. «Конечной целью советского политического планирования в Австрии был мирный переход страны к социализму» (В. Мюллер). Однако ни активное участие коммунистов в движении

сопротивления, ни пропагандистские ресурсы оккупационной администрации не смогли растопить лед недоверия австрийцев к программе компартии. Скорее напротив, ее добровольное отождествление с одной из держав-победительниц возрождало старый образ «руки Москвы», который активно эксплуатировался и геббельсовской пропагандой.

Разочарование итогами выборов заставило советское руководство изменить курс в своей зоне оккупации Германии. Весной 1946 г. там было проведено объединение коммунистической и социал-демократической партий, и лишь после этого началась подготовка к земельным выборам. Изменилась и советская оккупационная политика в Австрии. После того, как форсированное создание дружественной СССР народно-демократической республики не удалось (хотя Реннер вплоть до парламентских выборов убеждал советских политсоветников в открытости такой перспективы), на первый план вышли экономические аспекты оккупации. Согласно решениям Потсдамской конференции Советский Союз получил право на репарации за счет германской собственности, находившейся на территории Австрии. О непростом процессе реализации этого права речь пойдет в следующем разделе.

Отчасти военные потери СССР возмещались и за счет компенсации оккупационных расходов. Эта статья достигала трети расходной части австрийского бюджета, хотя ее доля неуклонно снижалась. Державы антигитлеровской коалиции быстро убедились в том, что держать на территории альпийской республики значительные вооруженные силы нет никакого смысла. Если в 1946 г. там находилось 150 тыс. военнослужащих СССР, то к середине 50-х гг. их численность была снижена до 40 тыс.

Отличительной чертой советской оккупационной политики в Австрии была готовность к компромиссу с западными союзниками, большее доверие к местным органам власти. Нашим офицерам приходилось учитывать достаточно сложную систему национального права, возможность опротестовать то или иное решение в суде. Директивы из Москвы настраивали на завоевание симпатий рядовых австрийцев при опоре на «антифашистско-демократические силы», под которыми понимались исключительно коммунисты. Явно грешат против истины утверждения ряда историков и публицистов, что «Советы проводили водочную дипломатию» (Г. Бишоф), решая сложные вопросы исключительно за обеденным столом. Компетентность как маршала Конева, так и его подчиненных не ставилась под сомнение ни их западными коллегами, ни государственными деятелями Австрии.

В то же время методы деятельности советских властей в Австрии не могли не испытывать на себе влияния сталинской системы. Особые отделы при воинских частях не только боролись с дезертирами, но и преследовали «антисоветские настроения» среди местного населения. Несколько сотен австрийцев по политическим соображениям без суда было отправлено для отбывания наказания в сталинские лагеря. Пресса муссировала слухи о таинственном исчезновении людей, чиновники боялись показаться в советском секторе Вены.

Объяснение, почему Советский Союз не смог выиграть битву за симпатии практичных и расчетливых австрийцев, лежало в материальной сфере. Пострадавший от войны больше других государств Европы, он не мог позволить себе той благотворительности, которую демонстрировали его бывшие союзники. Доставшаяся СССР в качестве зоны оккупации восточная часть Австрии была подвергнута гораздо большим

разрушениям, чем альпийские земли. Так, если на Востоке в результате боевых действий в негодность пришло 60% железнодорожных путей (включая стратегически важные мосты через Дунай), то на Западе — только 30%. Примерно таким же было соотношение потерь в сельском хозяйстве. Железные дороги в Альпах были электрифицированы и быстро пущены в ход благодаря ресурсам гидроэнергетики, в то время как на равнине нехватка угля долго сказывалась на эффективности паровозной тяги. В результате усилий как оккупационных властей, так и австрийского правительства различие между Востоком и Западом страны стало менее ощутимым, но не исчезло. Общественное мнение без труда нашло козла отпущения — это были «коварные русские». Пропаганда достижений СССР в Австрии, на которую затрачивались огромные средства, не могла переломить подобный настрой большей части населения.

Экономика стала центральным фронтом «холодной войны», которая разворачивалась и на австрийской территории. Летом 1946 г. западные администрации передали бывшую германскую собственность в своих зонах в управление местным властям. Через год американцы вообще отказались от своей доли в оккупационных расходах, вернув уже полученную от Австрии сумму. Из США поступило 87% общего объема продовольственной и финансовой помощи, которая была доставлена в страну за десять послевоенных лет.

Несмотря на растущую конфронтацию Востока и Запада, 28 июня 1946 г. было подписано второе соглашение о союзническом контроле над Австрией. Державы антигитлеровской коалиции оставляли за собой обеспечение безопасности своих воинских контингентов и право на вмешательство в том случае, если управленческая практика придет в противоречие с их наци-

ональными интересами (Reservatsrechte). Австрийские власти отныне могли издавать законы, которые автоматически вступали в силу, если военные администрации единогласно не налагали на них свое вето. Соглашение предусматривало ослабление контроля на границе между зонами, что фактически восстанавливало единое экономическое и правовое пространство страны.

Австрийскому обществу предстояло заполнить идеологический вакуум, оставленный годами нацистского господства. Традиционные ценности, которые отстаивала церковь, сохраняли свое значение в семейной жизни и в сельских общинах, но уже не могли претендовать на роль интегрирующей политической силы. Напротив, исследователи отмечают применительно к этому периоду «растущее отчуждение между церковными иерархами и простыми прихожанами» (Г.Штегер), причем первые держались за устаревшие догматы, а вторые требовали покаяния и решительного обновления. В этих условиях политический католицизм сошел со сцены, предпочитая действовать из-за кулис, через социал-христианские группы в Народной партии.

Идея аншлюса потеряла в послевоенной Австрии последних приверженцев. Фигль заявил при вступлении в должность канцлера, что «мы никогда не были вторым немецким государством. Мы никогда не являлись филиалом другой нации». Насаждаемая сверху «австрификация» давала работу чиновникам (Heimatmacher), солидные средства выделялись на поддержку фольклора и национального кинематографа. Не обходилось и без перегибов — так, родной язык среди школьных предметов перестал называться немецким.

В отличие от Германии перед общественным мнением не стояла проблема «нового начала» национальной истории. Речь шла скорее об усовершенствовании

государственных механизмов Первой республики, о Дольфусе и Шупиниге предпочитали не вспоминать. КПА предложила разработать новую конституцию, учитывающую негативный опыт 30-х гг., но не была поддержана другими партиями. «Табуизация определенных тем и характерное для Австрии беспамятство по отношению к недавней истории обеспечили стабильность коалиции на десятилетия вперед» (Г.Эндерле-Барсел). СПА и АНП сохраняли верность взятому на себя обязательству избегать взаимных нападок, смягчению политических нравов способствовала цензура оккупационных властей, действовавшая вплоть до 1955 г. Определенный пиетет соблюдался в первые послевоенные годы и по отношению к коммунистам, хотя в органах власти их окружало вежливое отчуждение.

Расхожий тезис о том, что «немцы нас завоевали», являлся австрийской уловкой для того, уйти от вопроса об ответственности за соучастие в преступлениях нацистского режима. О том, что многие отдавали себе отчет в содеянном, свидетельствовал резкий скачок самоубийств в апреле-мае 1945 г. Тех, кто пытался уйти от наказания на территории Австрии, выявляла процедура денацификации, проводимая совместно гражданскими и военными властями. 8 мая правительство Реннера объявило о запрете НСДАП и ее дочерних организаций, все их члены должны были зарегистрироваться в местных органах самоуправления. Таковых оказалось более полумиллиона человек, они были лишены части гражданских прав, их дальнейшую судьбу решали особые комиссии. Особенно жестко проверяли «нелегалов», т.е. австрийских членов НСДАП, вступивших в нее до 13 марта 1938 г. (их было около 100 тысяч).

В результате денацификации с руководящих постов исчезли практически все «варяги», прибывшие в Ав-

стрию после аншлюса в погоне за теплыми местами в партийном и государственном аппарате. Большинство нацистов отделались штрафами или исправительными работами, особые суды вынесли приговоры в отношении 13 тыс. человек (43 из них приговорили к смертной казни). В основном это были люди, виновные в военных преступлениях, служившие охранниками концлагерей, тайными агентами гестапо.

21 апреля 1948 г. был принят закон об амнистии рядовым нацистам, затронувший 482 из 524 тысяч бывших членов НСДАП. Голоса и симпатии этих людей, чувствовавших себя изгоями, завоевал созданный в следующем году Союз независимых. В него вошли и бывшие сторонники правых партий, недовольные закулисным разделом власти между СПА и АНП. Союз независимых не смог подорвать систему «пропорциональной демократии», хотя и набрал на парламентских выборах 1949 г. около 12% голосов. Этот успех вызвал в мире справедливые опасения, что в Австрии вновь поднимает голову нацистская идеология. Однако впоследствии Союз независимых сошел с парламентской сцены, еще долгое время выполняя роль «гетто для вечно вчерашних» (Э. Ханиш). Принятая в 1954 г. Аасзейская программа Союза начиналась заявлением, что «Австрия является германским государством» и была выдержана в духе крайнего национализма.

Две крупнейшие партии страны, провозгласившие себя народными, были заинтересованы в политической стабильности не меньше, чем оккупационные власти. За первые десять лет существования Второй республики сменилось лишь три правительства (за 1919-1929 гг. — одиннадцать), причем все они носили характер большой коалиции. Парламентские выборы 1949 и 1953 гг. не внесли сколько-нибудь существенных изменений в расстановку сил на политической арене. В

апреле 1953 г. Фигля на посту канцлера сменил его коллега по партии Юлиус Рааб, мастер компромисса и примирения. Сам Фигль остался министром иностранных дел Австрии, символизируя преемственность кадровой политики («пропорциональной демократии»).

Потеряв имидж двух непримиримых идеологических лагерей, СПА и АНП оставались центрами политического протекционизма. Без партбилета в кармане нельзя было занять сколько-нибудь престижный пост на государственной службе, через подключение партийных каналов решался вопрос о получении муниципальной квартиры, патента на предпринимательскую деятельность. В результате к 1955 г. каждая из народных партий имела в своих рядах около полумиллиона членов — и это при том, что население страны не достигало и семи миллионов человек. «Сверхорганизованность» австрийцев стала таким же феноменом политической культуры Второй республики, как и скрытое от гражданского общества разрешение конфликтов за парламентскими и партийными кулисами.

Восстановление экономики

Вопреки мрачным оценкам первых послевоенных лет, австрийское хозяйство не подверглось тотальному разрушению подобно странам, где нацисты в годы войны устанавливали свой «новый порядок». От бомбардировок англо-американской авиации пострадал в основном жилой сектор и транспортные узлы, заводы до последних дней третьего рейха производили военную продукцию. После воздушных налетов их восстанавливали узники концлагерей или рабочие, угнанные из стран Восточной Европы. Ни для тех, ни для других не предусматривалось убежищ, и они работали прямо под бомбами. Производство переносилось под землю, в заброшенные шахты, пещеры. Реактивные самолеты

Мессершмидт-262, которые так и не успели принять участия в боевых действиях, собирали в известняковых штольнях всего в нескольких километрах от Вены.

Восстанавливать транспортную и производственную инфраструктуру пришлось военным, прежде всего советским, которые освободили большую часть территории Австрии. Они наводили понтонные мосты через Дунай, разбирали завалы на улицах городов, увозили на переплавку брошенную военную технику, производили разминирование. Все это не вошло в статистику оккупационных расходов, величина которых так возбуждала австрийцев после того, как они оправались от первого шока.

Возможно, страсти улеглись бы, если бы жители Вены или Инсбрука могли сопоставить свои потери с разрушениями Ленинграда и Сталинграда, Ковентри и Гамбурга. Н.С. Хрущев, летом 1946 г. инкогнито побывавший в Вене, не припомнил в своих мемуарах особого впечатления от руин городских кварталов. Он совершил прогулку по Венскому лесу, посетил дворец Шенбрунн, прокатился на канатной дороге, наслаждаясь недоступной советскому человеку западной жизнью. Главный восторг будущий лидер СССР испытал при посещении механизированных прачечных в австрийской столице.

Действительно, высокий технический уровень хозяйства страны бросался в глаза не только при осмотре предприятий тяжелой индустрии. Специальные части занимались демонтажем промышленного оборудования на территории Австрии, которое принадлежало германским владельцам. Согласно Потсдамским договоренностям оно шло в зачет репараций, и этим правом воспользовались СССР и Франция. Реального хозяина того или иного завода было не так-то просто определить, особенно в части конфискации и

приобретений после аншлюса. 27 июня 1946 г. появился приказ № 17 советской военной администрации в Австрии, переводивший в собственность СССР германские предприятия, не подвергшиеся демонтажу.

Реализация приказа № 17 породила острый конфликт между советскими властями и австрийским правительством. Чтобы вернуть стране немецкую собственность, парламент 26 июля 1946 г. принял закон о национализации трех крупнейших банков, горнодобывающей и тяжелой промышленности. Представителям АНП пришлось наступить на горло собственной песне, ведь эта мера традиционно отождествлялась с наступлением социализма. Но ставки были слишком высоки, чтобы вспоминать об идеологических постулатах. Второй закон о национализации (принят 26 марта 1947 г.) касался энергетического сектора. В Контрольном совете представители СССР наложили вето на эти законы, и они не действовали в советской зоне оккупации.

Реквизированная германская собственность включала в себя около пятисот предприятий, в том числе нефтехимические заводы и дунайское пароходство, она была передана в ведение Управления советского имущества в Австрии (УСИА). Принадлежавшие УСИА фирмы давали до 30% продукции советской зоны и 7% — всей Австрии. Хотя они не платили большинства налогов, а их прибыль шла в Советский Союз, 60 тыс. трудящихся в системе УСИА сохранили свои рабочие места, пользовались тарифной автономией, получали все необходимые социальные гарантии. Две трети произведенных товаров реализовывалось на внутреннем рынке. На тему «беспощадной эксплуатации Австрии иностранной державой» написано огромное количество работ, явно завышенные оценки экспертов приближаются к 2 млрд. долларов, которые Советский Союз получил благодаря демонтажам и дея-

тельности УСИА. В меньшинстве находятся австрийские исследователи, считающие, что для общественного мнения «психологический эффект явно превалировал над экономическими соображениями» (Ф. Вебер).

В нашей стране тема советского противодействия национализации долгое время замалчивалась, в монографиях встречались лишь туманные формулировки о том, что «положение немецкой собственности было определено Потсдамской конференцией» (С.И. Ворошилов) без каких-либо уточнений. Советских историков можно понять — СССР действовал в противоречии с собственной идеологической доктриной, отказавшись от создания в Австрии мощного государственного уклада в экономике. Здесь его линия расходилась с позицией КПА, выступавшей за экспроприацию не только германских, но и австрийских предприятий тяжелой индустрии. Нет ясности и в вопросе о том, насколько эффективно действовал такой механизм взимания репараций, как УСИА. Вслед за официальной советской пропагандой исследователи утверждали, что его предприятия выступали в роли доноров, продавая на внутреннем рынке нефтепродукты по заниженным ценам. Кроме того, «в доходную часть австрийского бюджета ежегодно поступали сотни миллионов шиллингов, которые советские предприятия выплачивали в виде налогов» (А.Е. Ефремов). Пролить свет на общую картину потерь и приобретений смогут только архивы советского внешнеполитического ведомства, где хранятся и документы военной администрации в Австрии.

Национализация ключевых отраслей промышленности в этой стране привела к тому, что государство стало играть решающую роль в управлении экономикой.

Отныне уже не хозяин, а чиновник обладал последним словом при принятии решений. Посты менеджеров крупных государственных предприятий являлись предметом острой политической борьбы до тех пор, пока в 1949 г. не перешли к их распределению на основе все той же «пропорциональной демократии». Сигналом к запуску рыночных механизмов стало соглашение о включении Австрии в сферу действия «плана Маршалла», подписанное 2 июля 1948 г. Протесты СССР не возымели должного действия на правительство Фигля, хотя ценой вопроса была скорейшая подготовка мирного договора. В рамках этого плана Австрия получила около миллиарда долларов, в пересчете на душу населения в семь раз больше, чем ФРГ. Львиная доля помощи шла в западные земли, еще больше усиливая недовольство в советской зоне оккупации, уровень жизни в которой (исключая Вену) был ниже, чем в среднем по стране.

Наряду с дефицитом свободных капиталов важным препятствием для возрождения национальной экономики являлось отсутствие стабильной денежной системы. В Австрии параллельно ходили рейхсмарки, шиллинги воссозданного Национального банка и банкноты, эмиссию которых проводили оккупационные власти. В результате предприятия предпочитали совершать бартерные сделки, процветал «черный рынок» с плавающим курсом всевозможных валют. 18 ноября 1948 г. был принят закон о денежной реформе, вводивший новые шиллинги. При обмене сбережений и наличности граждане страны потеряли две трети их номинальной ценности, акционерный капитал пережил денежную реформу практически без потерь.

Несмотря на навязывавшуюся извне неолиберальную модель, опирающуюся на идеи австрийца Фридриха Хайека («чтобы распределять, нужно вначале заработать»), послевоенная Австрия сохранила традиции социально ориентированной экономической политики. Национализация германской собственности в западных зонах оккупации страны позволила не только «увести» ее от репараций, но и решить социальные задачи, создать структурные предпосылки для подъема частного сектора (дешевые тарифы на транспорт и электроэнергию, доведение до конца помпезных, но отнюдь не бесполезных строек эпохи третьего рейха). По доле национализированного сектора в экономике Австрия обогнала все европейские страны, не вошедшие в орбиту влияния СССР.

Важным фактором формирования социального рыночного хозяйства являлись партнерские отношения труда и капитала в послевоенной Австрии. «Корпоративная экономическая система пережила время нацистского господства» (Э. Брукмюллер). Федеральная палата трудящихся, возникшая еще в 1920 г., после войны значительно расширила свои компетенции. Она включила в себя всех австрийцев, работавших по найму, как государственный служащих, так и занятых на частных предприятиях. Аналогичные палаты объединяли крестьян, лиц свободных профессий, торговцев и мелких предпринимателей, крупных промышленников. Согласно законам, действующим и по сей день, Федеральные палаты созданы как для выражения интересов своих членов, так и для выработки стратегии развития народного хозяйства всей страны.

Свой вклад в оформление системы социального партнерства внесли и профсоюзы (в отличие от палат, членство в них было добровольным). Если в Первой республике насчитывалось 57 профсоюзных

организаций разного толка, то в 1945 г. был создан единый центр защиты интересов рабочего класса — Австрийское объединение профсоюзов (АОП). Объединение предпринимателей в Федеральную промышленную палату произошло годом позже. С 1947 г. профсоюзы и предприниматели при посредничестве государства начали заключать ежегодные соглашения о тарифах и ценах, чтобы совместными усилиями остановить спираль инфляции. Социальный компромисс стал вытеснять из сознания рабочих традиции классовой борьбы.

Это вело к падению влияния коммунистической партии, которая в первые послевоенные годы достаточно успешно подавала себя как посредницу в отношениях с советскими военными властями. Летом 1947 г. канцлер через лидеров КПА начал зондировать почву для того, чтобы добиться согласия СССР на скорейшее заключение мирного договора. После того, как об этом узнала бульварная пресса, окрестившая зондаж «рыбалкой Фигля», последний был вынужден свернуть свою деятельность в этом направлении. Позиции левых сил подрывала и общая обстановка «холодной войны», и насаждение коммунистических режимов в странах Восточной Европы. Попытки КПА создать на предприятиях «комитеты действия» по пражскому образцу встретили решительное противодействие профсоюзов. Австрийские рабочие не хотели повторять судьбу своих соседей, которым был навязан сталинизм в качестве модели общественного развития.

Не хотели они оказаться и в роли тех, кому придется платить за тяготы послевоенного восстановления страны. С 26 сентября 1950 г. во многих городах проходили забастовки и демонстрации протеста против четвертого соглашения о тарифах и ценах. В их основе лежало недовольство трудящихся своим материальным

положением — резкое повышение цен на продукты питания не было компенсировано ростом зарплаты. Коммунисты почувствовали шанс переломить настроення рабочих в свою пользу и выступили с призывом к всеобщей забастовке 4 октября. Однако их не поддержали лидеры ОАП, чья подпись стояла под соглашением о тарифах и ценах. Накануне забастовки с призывом к населению «защитить демократию» обратилось и правительство, в повышенную боевую готовность были приведены воинские части западных союзников.

Массовые демонстрации с требованием удвоить заработную плату прошли 4 октября 1950 г. только в советской зоне оккупации, принадлежавшие УСИА заводы остановили свою работу. Попытки активистов забастовки (в ней приняло участие около 100 тыс. человек) блокировать работающие предприятия и городской транспорт привели к вспышкам насилия по всей стране. Пресса впервые после войны (и в последний раз в истории страны) заговорила о попытке коммунистического путча. В накаленной атмосфере «холодной войны» это действовало на общественное мнение в нужном направлении, позволив отвести от правительства обвинения в потакании интересам капитала. Последствием октябрьских выступлений стала чистка государственного аппарата, и прежде всего полиции, от мнимых и подлинных «красных». В 1956 г. коммунисты в последний раз сумели провести своих кандидатов в Национальный совет.

Соглашение о тарифах и ценах, принятое в 1951 г., не только не вызвало общественно значимых протестов, но и оказалось последним. Австрийская экономика стала уверенно набирать обороты, темпы ее роста в 50-е гг. были выше, чем среднеевропейские. Спрос на металл, связанный с войной в Корее, вывел из застоя энергетику и тяжелую индустрию страны. К 1953 г.

была окончательно побеждена инфляция, безработица свелась к минимальным значениям. Трудящиеся наконец-то почувствовали отдачу от своего труда. Австрия вступала в эпоху «экономического чуда», догоняя и обгоняя соседние страны.

Государственный договор

Второй раз за первую половину XX века австрийская дипломатия оказалась перед непростой задачей — подведения итогов войны, которую страна как субъект международного права не вела (и соответственно, не проигрывала). Если в 1919 г. державы-победительницы выступали единым фронтом, а в самой Австрии мирные переговоры сопровождались острыми межпартийными конфликтами, то после 1945 г. ситуация изменилась с точностью до наоборот. Недавние союзники по антигитлеровской коалиции все больше втягивались в «холодную войну», в то время как коалиция АНП и СПА демонстрировала полный консенсус во внешнеполитических вопросах.

Первой пробой сил для дипломатов Второй республики стал вопрос о Южном Тироле. Несмотря на то, что в начале 40-х гг. часть немецкоязычного населения этого региона эмигрировала в Германию, для общественного мнения Австрии его потеря оставалась исторической несправедливостью. На сей раз Италия оказалась в числе побежденных, что открывало шанс пересмотра итогов Первой мировой войны. По обе стороны перевала Бреннер летом 1945 г. проходили демонстрации с требованием воссоединения Тироля и тирольцев. Правительство Реннера заявило о поддержке этих планов, однако столкнулось с сопротивлением держав-победительниц. Опыт Версальской системы свидетельствовал о том, что любая передвижка границ может обернуться непоправимыми послед-

ствиями для будущего Европы. 1 мая 1946 г. конференция министров иностранных дел большой четверки в Париже высказалась за сохранение status quo. 5 сентября 1946 г. в Париже представители Австрии и Италии подписали соглашение, согласно которому Южный Тироль получал автономию в составе последней. Это решение на некоторое время сняло остроту национальной проблемы в регионе.

Подготовка мирного договора с Австрией казалась большой четверке вопросом не слишком актуальным, и он не попал в повестку дня первых послевоенных конференций Совета министров иностранных дел. Только на Лондонской конференции весной 1947 г. началось обсуждение представленных сторонами проектов «договора о восстановлении независимой и демократической Австрии». Оно сразу же выявило два пункта, по которым позиции СССР и западных держав расходились. Во-первых, речь шла о претензиях Югославии на южную часть земли Каринтия, где проживало славянское население, а во-вторых — об уже упоминавшейся германской собственности на территории Австрии, на которую претендовал Советский Союз.

После начала советско-югославского конфликта первый пункт разногласий был снят с повестки дня. На Парижской конференции СМВД в мае-июне 1949 г. стороны практически договорились и по второму вопросу — СССР был готов передать австрийцам предприятия УСИА за 150 млн. долларов, которые следовало выплатить в течение шести лет. «Сталин продемонстрировал готовность к скорейшему подписанию договора относительно Австрии» (Р. Штейнингер). Запад колебался, дипломатам опшенировали военные, утверждавшие, что после ухода их войск альпийская республика окажется в руках у русских. Шанс 1949 г. был упущен. После образования двух германских государств СССР на

время потерял интерес к «пакетному» оформлению итогов Второй мировой войны. Включение Австрии в «план Маршалла» и западное сообщество вызвало крайне негативную реакцию в Кремле. Советская пресса писала о том, что США начинает тайное вооружение австрийской жандармерии, в Альпах закладываются тайники с оружием для борьбы против «красных партизан».

В начале 50-х гг. дипломатия СССР блокировала решение австрийского вопроса, увязывая подписание мирного договора то с оплатой своих продовольственных поставок в первые послевоенные годы, то с запретом деятельности нацистских организаций, в число которых был занесен и Союз независимых. Западные державы также не проявляли особой заинтересованности в этом вопросе. Их вполне устраивало использование австрийской территории в качестве военно-стратегического плацдарма, выдвинутого в направлении восточного блока. Усилий австрийских политиков явно не хватало для того, чтобы опрокинуть логику «холодной войны».

Принципиальные подвижки в этой сфере стали возможны только после смерти Сталина. Новое советское руководство было заинтересовано в разрешении застарелых конфликтов, пыталось прощупать Запад на предмет возможной разрядки международной напряженности. При этом австрийский вопрос для всех участников переговоров находился в тени германского, что являлось главным препятствием для его скорейшего разрешения. В ходе Берлинской встречи глав внешнеполитических ведомств большой четверки в январе 1954 г. советская сторона предложила свой проект договора. На сей раз сопротивление Запада вызвал пункт об оставлении на австрийской территории оккупационных войск до подписания мира с Германией. Еще до

встречи в Берлине канцлер Рааб заявил, что его страна не будет участвовать в военно-политических союзах, фактически выдвинув идею нейтрализации Австрии по швейцарскому образцу. Подобная самостоятельность вызвала кризис в отношениях австрийского правительства и западных держав. Они испугались, что СССР воспримет предложения Рааба как модель для разрешения германской проблемы.

В Кремле также шла достаточно острая борьба. Руководитель австрийской референтуры министерства иностранных дел СССР в то время А.М. Александров-Алентов вспоминает: «В начале 1955 г. Хрущев предложил членам Президиума: пора кончать с этим делом, давайте согласимся на создание нейтральной Австрии, которая не будет иметь на своей территории никаких иностранных войск и баз, останется буржуазной страной, но, подобно Швейцарии, не войдет в состав никакого военно-политического блока — ни восточного, ни западного. И при этом крепко обругал МИД (т.е. Молотова) за косность и безынициативность в подходе к решению австрийской проблемы».

Под напором Хрущева В.М. Молотов согласился с необходимостью развязать австрийский узел вне зависимости от хода переговоров о будущем Германии. 8 февраля 1955 г., выступая на заседании Верховного Совета СССР, он высказался за скорейшее заключение договора с Австрией, сняв его увязку с решением германского вопроса. Сигнал был услышан в Вене. 14 марта 1955 г. в Москву была направлена нота австрийского правительства с признанием готовности к нейтралитету, включая отказ содержать на своей территории иностранные военные базы.

В ходе визита Рааба в Москву 12-15 апреля 1955 г. были согласованы основные положения будущего Государственного договора. Это был внешнеполитический дебют коллективного руководства СССР после смерти Сталина. В своих мемуарах Хрущев писал о переговорах с понятной гордостью, едва ли не с восторгом: «Австрия оказалась для меня и для всех нас пробным шаром, демонстрацией того, что мы можем вести сложные переговоры и провести их хорошо... мы в своей международной политике сменили детские штанишки на брюки взрослых людей». И далее в характерном стиле советского лидера: «Выезд Дуньки в Европу оказался успешным, с демонстрацией того, что мы ориентируемся в международных делах и без сталинских указаний». Хрущев принял предложение посетить Австрию, где он уже побывал в 1946 г.

После того, как было зафиксировано согласие сторон с будущим статусом Австрии как нейтральной страны, участники переговоров занялись вопросом о судьбе советской собственности. За солидную компенсацию (товары на 150 млн. долларов и ежегодные поставки 1 млн. тонн нефти на протяжении десяти лет) СССР был готов передать ее австрийскому правительству. Руководители нашей страны понимали, что предприятия УСИА без солидных капиталовложений окажутся неконкурентоспособными. Им пришлось убеждать австрийских коммунистов, что советская сторона не может платить занятым в УСИА такую же зарплату, как на частных фирмах, а допустить их работу себе в убыток не хочет. В результате достигнутой договоренности «мы себе руки развязали» (Н.С. Хрущев).

Детали договора обсуждались на конференции австрийского правительства с послами четырех держав антигитлеровской коалиции, которая состоялась в начале мая. Была согласована процедура вывода оккупационных войск, ограничения на численность австрийской армии (не более 54 тыс. человек), статус национальных меньшинств в стране и многое другое. 15 мая 1955 г., дата подписания Государственного договора, стала «одним из самых важных дней в истории Второй республики» (Р. Штейнингер). Этот документ зафиксировал возрождение (Wiederherstellung) Австрии как субъекта международного права. Вместе с тем он накладывал на эту страну определенные обязательства. Помимо «вечного нейтралитета по типу Швейцарии» речь шла о недопустимости аншлюса в любых формах, запрете нацистской деятельности. Вооруженные силы Австрии не должны были обладать оружием массового поражения. К восторгу многотысячной толпы, собравшейся перед дворцом Бельведер, пять министров иностранных дел вышли на балкон, продемонстрировав подписанный договор.

Его значение выходило за национальные рамки. Заканчивалась оккупация страны, где войска двух военных блоков стояли лицом к лицу друг с другом. Любая случайность или провокация могла бы привести к вооруженному конфликту, неконтролируемому развитию событий в самом сердце Европы. Впервые в условиях «холодной войны» было найдено компромиссное решение стратегической проблемы, хотя каждой из сторон пришлось пойти на уступки. Советский Союз признал Австрию частью западного сообщества, продемонстрировав оппонентам четкие контуры зоны своего влияния в Восточной Европе (14 мая 1955 г. был подписан Варшавский договор о

военно-политическом сотрудничестве социалистических стран). С точки зрения геополитики нейтральная Австрия была невыгодна Западу, так как оказывалась клином, вбитым между государствами-членами НАТО. Умелое лавирование ее государственных деятелей между двумя сверхдержавами вошло в учебники мировой дипломатии, стало образцом для будущего движения неприсоединения.

27 июля состоялось последнее заседание союзнического Контрольного совета. Советские солдаты покинули Австрию 19 сентября того же года, вскоре за ними последовали и американцы. 26 октября, на следующий день после зафиксированной в Государственном договоре даты завершения вывода оккупационных войск, Национальный совет принял конституционный закон о вечном нейтралитете страны. Ныне этот день является национальным праздником. Символом завершения послевоенной эпохи стало принятие Австрии в члены ООН и возобновление представлений в здании всемирно известной венской оперы, разрушенной на исходе Второй мировой войны.

7. Эпоха консенсуса

Партии и коалиции — Общество «экономического чуда» — Внешнеполитические проблемы

Партии и коалиции

Заключение Государственного договора лишило обе народные партии главного аргумента в пользу большой коалиции — необходимости демонстрировать национальное единство перед лицом держав-победительниц. Австрия стала свободной, нейтральной и независимой страной, были урегулированы ее отношения со всеми членами мирового сообщества. Следующей задачей с точки зрения лидеров АНП и СПА являлось ее утверждение в качестве составной части западноевропейского сообщества. И здесь они имели все основания рассчитывать на поддержку США. Джон Ф. Даллес в доверительной беседе с канцлером и вице-канцлером сразу же после подписания договора настаивал на том, что большая коалиция должна быть сохранена любой ценой. Американский политик в условиях «холодной войны» воспринимал Австрию как часть собственного лагеря и не хотел никаких потрясений, связанных с колебаниями политической конъюнктуры в альпийской республике.

Австрийские избиратели, довольные тем, что дела наконец-то пошли в гору, также не испытывали тяги к экспериментам. Парламентские выборы 1956 г. еще больше укрепили позиции АНП, до абсолютного большинства ей не хватило лишь одного мандата. Заглохла и интрига с третьей партией. Накануне выборов Союз независимых трансформировался в Австрийскую партию свободы (АПС), которая получила 6 парламентских мандатов против 14 в 1953 г. Лидеры

Народной партии с точки зрения арифметики могли бы пойти на коалицию с новичком на политической сцене, но выгоды от сохранения «пропорциональной демократии» представлялись им более очевидными. Тем более что при сохранении динамики партийных предпочтений не за горами было и абсолютное большинство в парламенте.

Во второй половине 50-х гг. о лидерах АНП можно было говорить в единственном числе. Партия находилась под полным контролем Рааба, в стиле работы которого год от года нарастали авторитарные нотки. На одном из заседаний партийного правления канцлер так подвел итог состоявшейся дискуссии: «Все против, я один за. Будем считать, что решение принято единогласно». Лишь после его ухода с политической сцены АНП занялась внутренней модернизацией. Вырос и укрепил свои позиции партийный аппарат, партия отказалась от догм саморегулирующейся экономики, подавая себя как политическое прибежище для средних слоев, образованной элиты и чиновничества.

Избавление от балласта традиций казалось самым верным путем завоевания симпатий электората и австрийским социалистам. Лидер СПА Адольф Шерф, олицетворявший преемственность с довоенной эпохой, стал в 1957 г. главой государства (с 1951 г. в Австрии проводились всеобщие президентские выборы). На посту вице-канцлера его сменил Бруно Питгерман, который представлял группу «прагматиков». Последние настаивали на отказе от марксистского мировоззрения, выступали за диалог с католиками, ведение предвыборной борьбы по американскому образцу.

Существование нового и старого нашло свое отражение в Венской программе СПА, принятой в 1958 г. Партия австрийских социалистов рассматривала себя в качестве единственной защитницы интересов трудяще-

гося народа, сохраняя курс на социализм как конечную цель общественного развития. Для его достижения следовало добиваться дальнейшего расширения государственного сектора в экономике, распространять демократию на все сферы общественной жизни. В то же время программа признавала интеграцию рабочего класса в существующую систему и отказывалась от догм классовой борьбы, провозглашала отказ от конфронтации с церковью и приветствовала прогресс социального государства (Wohlfahrtsstaat).

К началу 60-х гг. численность СПА достигла пика довоенного периода, однако в последующие годы партийное руководство сотрясали внутренние конфликты. Выходец из профсоюзного движения Франц Ола, став министром внутренних дел, использовал государственные рычаги и подконтрольную ему прессу для борьбы за кресло председателя СПА. Исключение популярного лидера из партии обернулось не только массовыми демонстрациями его сторонников перед венской штаб-квартирой социалистов, но и забастовками на ряде предприятий Нижней Австрии.

Модернизация политической системы в стране явно отставала от обновления отдельных партий. Если во второй половине 50-х гг. кризис большой коалиции носил латентный характер, то в следующем десятилетии он перешел в открытую фазу. «Пропорциональная демократия» превратилась из символа стабильности в символ застоя. Соглашения СПА и АНП после каждых парламентских выборов все больше детализировались, теряли политическую направленность и приобретали вид брачного контракта. Разработка такого документа по итогам выборов 18 ноября 1962 г. затянулась почти на полгода.

Принятое соглашение регулировало даже такие мелочные вопросы, как пределы роста цен на молоко и сливочное масло, назначение редакторов на радио и телевидении.

«Кризис большой коалиции стал кризисом Второй республики, коалиция стала представлять опасность для ее дальнейшего существования» (Л.Рейхольд). Растущее общественное недовольство вызывало кумовство при распределении ключевых государственных постов, превращение парламента в автомат для одобрения заранее согласованных решений. Пресса писала о сращивании ветвей власти и олигархической системе управления, сложившейся в Австрии. В народе говорили о паутине интриг, опутавшей венскую политическую сцену, о засилье соглашателей, действовавших по принципу «рука руку моет» (Packerle).

Австрийское общество переросло рамки «пропорциональной демократии», которая на определенном этапе сыграла позитивную роль, обеспечив сближение и интеграцию партийно-политических лагерей. Теперь все более явными оказывались ее минусы: закрытость политического процесса, отсутствие влиятельной оппозиции, невосприимчивость к сигналам, идущим от гражданского общества. И все же инициативы последнего пробивали себе дорогу. Так, в 1964 г. был проведен народный опрос против соблюдения партийной пропорции в электронных средствах массовой информации. 800 тыс. австрийцев высказались за то, чтобы обеспечить независимость «четвертой власти» от политической конъюнктуры.

Коалицию исподволь распатывали спорные вопросы, отодвинутые на второй план в послевоенные годы: о признании конкордата с Ватиканом, компенсации жертвам нацизма, пересмотре семейного и уголовного права. Все более очевидными становились разногласия при определении экономической стратегии, прежде всего перспектив государственного сектора и реформы рынка жилья. На протяжении первой половины 60-х гг. тянулся кризис, связанный с попытками возвращения в Австрию Отто Габсбурга, отказавшегося от претензий на императорский трон. 5 июня 1963 г. фракции СПА и АПС приняли совместное решение о недопустимости такого шага. Крупнейшая партия парламента оказалась в меньшинстве. Только в 1966 г. после решения Конституционного суда последний из Габсбургов смог приехать в страну, где когда-то родился. Несмотря на теплый прием, оказанный ему австрийцами, он все же избрал постоянным местом жительства Баварию.

На выборах 6 марта 1966 г. Народная партия получила 85 мандатов и тем самым обеспечила себе абсолютное большинство в парламенте. Прирост составил 170 тыс. голосов, причем более пятой его части составили голоса жителей столицы — АНП удалось прорваться в традиционный домен социалистов. На результатах выборов сказался прежде всего «семейный конфликт» в их рядах — исключенный из СПА Ола пошел на раскол, создав Демократическую прогрессивную партию (она получила около 150 тыс. голосов). Медвежьей услугой социалистам оказало и решение КПА об отказе от собственных кандидатур и призыв своим немногочисленным избирателям голосовать за СПА. Буржуазная пресса тут же заговорила о «красном блоке», мобилизуя антикоммунистические настроения австрийцев.

Несмотря на очевидную победу, лидеры Народной партии не решились изменить традиции и начали очередные переговоры с социалистами. Те не были готовы к роли младшего партнера, хотя руководство партии выступило за сохранение коалиции любой ценой. Оно аргументировало такой подход стремлением сохранить социальное партнерство и не допустить возрождения лагерного менталитета, характерного для политической жизни Первой республики. 15 апреля 1966 г. делегаты съезда СПА высказались за переход своей партии в оппозицию после двадцати лет участия в правительстве.

Народная партия развязала себе руки для образования однопартийного кабинета. Его вновь возглавил Йозеф Клаус, занимавший пост канцлера с апреля 1964 г. Торжество АНП во властных структурах Австрии (наряду с абсолютным большинством в парламенте партия возглавляла правительство в шести землях из девяти) стало увертюрой к падению ее авторитета. Клаус не смог провести масштабных реформ, которые он обещал в своей предвыборной программе. Без предварительного согласования с партнерами по коалиции законопроекты отправлялись в парламент недоработанными, и оппозиция получала удобную цель для своих атак. Особенно тяжело проходил парламентскую процедуру годовой бюджет. Получив большинство в бундесрате, СПА двенадцать раз использовала механизм отлагательного вето на законы правительства Клауса, что не добавляло последнему популярности.

Не помогло Клаусу и привлечение ученых к работе кабинета министров — лозунг научно обоснованной политики (*Verwissenschaftlichung*) не был подкреплен практикой. Доминирование среди экспертов консервативно настроенных профессоров раздражало студенческую молодежь, которая дышала левой весной шесть-

десять восьмого года. В самой правящей партии был нарушен баланс интересов трудящихся и предпринимателей. Промышленники и финансисты получали ключевые государственные посты, места в парламентской фракции. Тезис о деидеологизации политики, который они всячески отстаивали, не убедил австрийское общество в том, что время корыстных классовых интересов безвозвратно ушло в прошлое.

Напротив, социалисты использовали представившуюся паузу для кардинальной перестройки своих рядов. Несомненно, что отказ от «пропорции» и уход в оппозицию пошел на пользу как самой СПА, так и австрийской демократии в целом. 1 февраля 1967 г. председателем партии стал Бруно Крайский. Выходец из богатой еврейской семьи, воспитанный в либеральном духе, он с пятнадцати лет стал активистом социалистического движения, а после февральского поражения 1934 г. примкнул к «революционным социалистам». Участие в нелегальной конференции этой организации стоило ему полутора лет тюрьмы и незаконченного высшего образования. После аншлюса Крайский был арестован гестапо, но соратникам удалось добиться разрешения на его выезд из страны. Годы нацизма он провел в Швеции, где после войны представлял интересы Австрийской республики.

Крайский вернулся в на родину только в конце 1950 г. и вновь выгадал счастливый билет. Старые партийные связи и дипломатический опыт обеспечили ему место статс-секретаря в ведомстве федерального канцлера, он принимал самое деятельное участие в обсуждении основных положений Государственного договора. С 1959 г. Крайский являлся министром иностранных дел, немало сделав для утверждения авторитета нейтральной Австрии на международной арене. Оказавшись после образования однопартийного

правительства без государственных постов, он включился в острую борьбу за обновление Социалистической партии. Речь шла не только об отказе от устаревших марксистских формул, но и этической переоценке программных установок, открытии партии для верующих и средних слоев, расширении компетенций лидеров земельных организаций СПА.

Бруно Крайского отличало умение завоевывать союзников и заключать мир с оппонентами. В период его пребывания на посту министра Австрия неоднократно выступала в роли посредника при разрешении международных конфликтов, предвосхищая политику разрядки. Мастер острого словца и радикальной фразы, Крайский держал в напряжении огромную аудиторию, будь то партийный съезд или предвыборный митинг. Он настолько виртуозно общался со средствами массовой информации, что его называли австрийским Кеннеди. В чем-то Крайский пошел даже дальше американского президента, открыв уникальную роль телевидения в политической борьбе.

На популярность Крайского и его партии работал сам дух эпохи, когда быть левым стало не только можно, но и модно. Новый председатель СПА принял вызов оппонентов из правительства, заявлявших о проведении научно обоснованной политики — по его просьбе 1400 близких партии экспертов разработали восемь стратегических программ развития Австрии. «Их работа была подчинена одной цели: поднять привлекательность Социалистической партии среди либеральной буржуазии и интеллигенции» (Г. Эдер). Политика становилась бизнесом, пропаганда заимствовала приемы *public relations*. В конце 60-х гг. ни для кого не было секретом, что следующие парламентские выборы в стране выиграет тот лидер, кто успешнее «продаст» избирателям свой собственный имидж.

Общество «экономического чуда».

Большая коалиция сумела в полной мере использовать стартовый толчок, который был дан австрийской экономике «планом Маршалла». С начала 50-х гг. валовой внутренний продукт рос более чем на 5% в год, к 1960 г. объем промышленного производства в три раза превысил довоенный уровень, а шиллинг стал свободно конвертируемой валютой. Безработица казалась безвозвратно ушедшей в прошлое, предприниматели сетовали на нехватку рабочих рук. Города без особых проблем интегрировали деревенскую молодежь, интенсификация сельского хозяйства делала ненужным наем батраков и сезонных рабочих. Хотя в послевоенные годы эту сферу производства покинуло около миллиона человек, Австрия утвердилась на европейском рынке в качестве поставщика высококачественной сельскохозяйственной продукции — сыра, колбасных изделий, марочных вин.

В эпоху «экономического чуда» в Австрии были реализованы такие масштабные проекты, как строительство гидроэлектростанции в Капруне, модернизация металлургического комбината в Линце. Все большее внимание уделялось выравниванию уровня развития отдельных регионов, созданию современной транспортной и энергетической инфраструктуры в земле Бургенланд, в высокогорных районах. Значимой отраслью народного хозяйства стал туризм — все больше западноевропейцев приезжало в Альпы не только летом, но и зимой, чтобы покататься на горных лыжах. К началу 70-х гг. туризм давал 7,7% произведенного внутреннего продукта (в соседней Швейцарии — только 3,5%).

Специфической чертой национальной экономики оставалось сохранение значительного государственного сектора, хотя некоторые из переданных Австрии предприятий УСИА были приватизированы. На национализированных предприятиях был занят каждый пятый из промышленных рабочих, их профсоюзные организации играли ведущую роль в налаживании социального партнерства. С 1958 г. начала свою деятельность постоянная комиссия предпринимателей и профсоюзов, которая принимала решения о тарифах на основе консенсуса. Бурный рост экономики приводил к росту доходов и тех, и других, на протяжении 60-х гг. в Австрии не было зарегистрировано сколько-нибудь значимых стачек. Социалисты относили мир в стране на свой собственный счет, Крайский назвал такие отношения рабочих и предпринимателей «сублимированной классовый борьбой».

Обе партии большой коалиции демонстрировали приверженность модели социального государства. В 1955 г. парламент принял закон об обязательном страховании, регулировавший выплату пенсий, пособий по болезни, дотаций на воспитание детей и других социальных гарантий. На минимальную пенсию мог рассчитывать и тот, кто вообще не делал отчислений в страховую кассу. По инициативе профсоюзов состоялся народный опрос о введении в промышленности 40-часовой рабочей недели. В поддержку такой перспективы высказалось 900 тыс. человек. Соответствующий закон, принятый 11 декабря 1969 г., предусматривал поэтапное сокращение рабочего времени до 40 часов к 1975 г. Два выходных дня в неделю создавали дополнительные возможности для семейного общения и выполнения домашней работы, полноценного отдыха вне стен собственной квартиры.

Стабильный экономический рост имел и свои демографические последствия: на 1963 г. пришелся пик рождаемости в стране — 19 детей на тысячу человек. Стали отходить в прошлое многодетные крестьянские семьи, постепенно стирались социально-бытовые различия между городом и деревней. Появившееся в 1957 г. телевидение почти сразу же стало любимым видом проведения досуга. Как и соседние страны, австрийское общество переживало «волны потребления». В первые послевоенные годы доминировало стремление наесться досыта и одеться поприличней, затем речь шла о покупке автомобиля, строительстве собственного дома и т.д. Если в 1950 г. на покупку продуктов питания тратилось более половины бюджета среднестатистической австрийской семьи, то двадцать лет спустя — лишь около трети. Напротив, ее расходы на образование, досуг и отдых выросли за тот же период почти в три раза.

Уверенность в безграничности материального прогресса порождала обывательские настроения, тормозила политическую активность, и в то же время открывала перед австрийцами новые возможности. Молодому поколению уже не надо было думать о добывании хлеба насущного. В годы оккупации страны немалую роль в формировании нового образа жизни играла американская мечта, простиравшаяся от жевательной резинки до небоскребов Нью-Йорка, от музыкальных ритмов до киноимперии Голливуда. Журналисты не без издевки писали о «кока-колонизации» Австрии.

В «золотые шестидесятые» удельный вес молодежных проблем как в политике, так и в общественной жизни значительно вырос. Бездумная погоня за развлечениями вела к наркотической зависимости, на улицах появились неформальные группировки подростков (Halbstarcken), некоторые из которых исповедовали

нацистскую идеологию. Воспитательные функции, которыми ранее занималась церковь, пришлось взвалить на свои плечи государству. В 1962 г. началось проведение школьной реформы, целью которой стало получение молодежью законченного среднего образования (Matura). Во второй половине десятилетия в Австрии было открыто 22 новых вуза, огромным спросом в традиционных университетах стали пользоваться гуманитарные специальности — политология, социальная психология, история радикальных общественных движений.

Студенчество конца 60-х гг. воспринимало себя составной частью и наследником этих движений. Молодежь требовала удаления с государственных постов и профессорских кафедр «старых и скрытых нацистов», устраивала сидячие забастовки, превращала пустующие дома в рассадники альтернативного быта. Одним из любимых объектов для критики ее идеологов была система «пропорциональной демократии», благополучно пережившая уход социалистов в оппозицию.

В отличие от Франции и Германии, где дело доходило до массовых демонстраций и схваток с полицией, австрийская молодежь делала акцент на культурную революцию: повсюду появлялись самодеятельные театры и кабаре (Kellertheater), пик популярности переживало авангардистское искусство, выходили в свет альтернативные газеты и журналы. «Автономные группы действовали по принципу резонанса», объединяя свои усилия там, где их инициативы вызвали общественный интерес (Р. Швендтер). При всей утопичности своих расчетов на культурную гегемонию они будоражили общество и вывели из равновесия ту консервативную и самодовольную Австрию, которая и слышать не хотела о переменах.

Внешнеполитические проблемы

Государственный договор гарантировал нейтралитет Австрии, но в условиях «холодной войны» он не являлся достаточной защитой для государства, расположенного на стыке двух мировых систем. Это продемонстрировал кризис в соседней Венгрии, разразившийся осенью 1956 г. Подавление антикоммунистического восстания в Будапеште вызвало настоящий психоз среди австрийцев. Опасаясь перехода советскими войсками австро-венгерской границы, правительство Рааба привело полицию и армию в приграничных областях в состояние боевой готовности. Несмотря на протесты СССР, Австрия открыла границу и приняла до 200 тыс. беженцев, население снабжало их всем необходимым.

Венгерский кризис не привел к долговременному ухудшению отношений между Советским Союзом и Австрией. Выполняя взятые на себя обязательства, СССР после подписания Государственного договора освободил последних австрийских военнопленных, начал передачу венским властям предприятий УСИА. В 1959 г. в Москве с большим успехом прошла австрийская промышленная выставка. На дорогах альпийской республики можно было встретить «Москвичи», которые привлекали покупателей не только своей дешевизной, но и простотой в обслуживании.

В июле 1960 г. состоялся официальный визит в Австрию советского руководства, вызвавший большой международный резонанс. Толпы венцев и жителей других городов страны, сотни корреспондентов сопровождали Хрущева во время его прогулок по улицам, спонтанных бесед и выступлений. Он даже посетил типовую квартиру венского пенсионера в районе массовой застройки. Не скупился Хрущев и на советы радушным хозяевам, предложив крестьянам в одной из

деревень: «сейте кукурузу нашим квадратно-гнезovým способом, и вы получите в 5-10 раз больше корма, чем получается теперь».

В течение девяти дней своего пребывания в Австрии руководитель СССР встречался не только с Раабом и Крайским, но и с представителями деловых кругов, активистами общества советско-австрийской дружбы, машиностроителями и шахтерами. Делегация посетила крупнейшее металлургическое предприятие страны, гидроэлектростанцию в Капруне, столицы трех австрийских земель. Значительное место в содержательной части визита занимали экономические проблемы. Было достигнуто соглашение о досрочном завершении обязательных товарных поставок из Австрии, шла речь о выравнивании торгового баланса между двумя странами. Лидеры СССР вновь предупредили своих партнеров по переговорам, что вступление Вены в западноевропейские экономические союзы несовместимо с политикой нейтралитета и приведет к новому обострению международной напряженности в центре Европы.

Визит, несмотря на сопровождавшие его дипломатические осложнения (выступая в бывшем концлагере Маутхаузен, Хрущев сравнил канцлера ФРГ К. Аденауэра с Гитлером), позволил руководителям двух стран лучше узнать друг друга, в заключительном коммюнике они заявили о своей приверженности политике добрососедства. На протяжении 60-х гг. Австрия нормализовала отношения со всеми странами Восточной Европы. Исключением оставалась Чехословакия, где стороны разделял вопрос о возмещении за национализированное имущество судетских немцев. Печальный конец «пражской весны» надолго заморозил отношения между соседними государствами. В Австрии оказалось около 160 тыс. чехов и словаков, по-

кинувших свою страну. Крайский сравнил ввод войск Варшавского Договора в Чехословакию с аншлюсом 1938 года.

Большая коалиция вела курс на дальнейшую интеграцию страны в западное экономическое сообщество (к 1955 г. только 8% внешнеторгового баланса Австрии приходилось на СССР и восточноевропейские страны). Влиятельные круги промышленников и финансистов высказывались за вхождение Австрии в «Общий рынок», однако политики отдавали себе отчет в последствиях подобного шага. В результате Австрия вступила в Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ), продолжая на протяжении 60-х гг. переговоры об ассоциированном членстве в «Общем рынке».

Такой компромисс был вызван не столько страхом перед ответными мерами СССР, сколько желанием сохранить за страной роль моста между Востоком и Западом. Выгодное географическое положение, политика нейтралитета, исторические традиции Вены как дипломатической арены — все это позволяло рассчитывать на превращение Австрии в «духовный центр международной кооперации» (Л. Рейхольд). Первой ласточкой антикризисного урегулирования стала встреча в Вене Хрущева и Кеннеди летом 1961 г. В июле следующего года в Зальцбурге и Вене состоялась конференция 36 стран, представители которых выступили за принятие «плана Маршалла» для третьего мира. Министр иностранных дел Крайский последовательно выступал за разрядку международной напряженности, выступив одним из инициаторов проведения совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Признанием его авторитета стало обсуждение кандидатуры Крайского на пост

Генерального секретаря ООН в 1966 г., однако австрийский политик предпочел сосредоточиться на карьере в собственной стране.

Гораздо больше, чем проблемы развивающихся стран, общественное мнение Австрии в 50-60-е гг. волновала проблема Южного Тироля, которому по соглашению 1946 г. должна была быть предоставлена автономия. Чтобы противодействовать тенденциям сепаратизма в этом регионе, Италия дала ее не областям с немецкоязычным населением, а всей вновь созданной провинции Трентино—Альто Адидже. В послевоенные годы в этой провинции активно проводилась политика ассимиляции, сопровождавшаяся вытеснением немецкого языка из школ и административной практики. Приток выходцев из Южной Италии лишь подогревал недовольство той части населения региона, которая продолжала считать себя тирольцами.

В конце 50-х гг. для защиты своих прав они стали прибегать к крайним мерам — экстремисты взрывали мачты электропередач, помещения полицейских казарм. Итальянские власти отвечали репрессиями. Народная партия Южного Тироля не скрывала своих особых отношений с Веной и Инсбруком. Пресса обеих стран была полна драматичными сводками с «войны памятников». Тирольские сепаратисты портили монументы эпохи Муссолини, итальянские экстремисты демонстрировали такое же отношение к наследию австро-венгерской империи в этом регионе. Формально оставаясь нейтральным, США поддерживали Италию, так как она представлялась им более важным союзником, нежели нейтральная Австрия.

Все это вызывало болезненную реакцию в Вене, считавшей, что Италия нарушила соглашение 1946 г. После обмена жесткими нотами итальянцы отказались от ведения переговоров по проблеме Южного Тироля. Тогда Крайский пошел на необычный шаг, вынеся вопрос на обсуждение ООН. Резолюция Генеральной ассамблеи от 31 октября 1960 г. подтвердила основные положения Парижского соглашения, призвав Австрию и Италию к прямым переговорам. Они продолжались без малого десять лет, достигнутое соглашение было вначале одобрено представителями немецкоязычного населения провинции Трентино, а затем парламентами обеих стран. В нем предусматривались меры по защите немецкого языка и обеспечению пропорционального представительства тирольцев в органах местного управления. Несмотря на отдельные вспышки межнациональной вражды, соглашение сделало свое дело. 19 июня 1992 г. министры иностранных дел Австрии и Италии сообщили Генеральному секретарю ООН, что спора вокруг Южного Тироля больше не существует.

8. Правление социалистов.

Смена власти — «Австрокейнсианство» — Реформы и общество — Уход Крайского

Смена власти

Рубеж 70-х гг. стал для Австрии не только хронологическим понятием, но и точкой отсчета новой политики. В научных работах австрийских коллег можно встретить такие эпитеты, как «эпоха социалистов» и даже «эра Крайского». Второй более точен, нежели первый. Действительно, перемены и в самой стране, и ее возросший авторитет в мире были напрямую связаны с именем Бруно Крайского. Странник открытой «телегеничной» политики, он сумел вовлечь в нее даже тех, кто никогда ранее не питал симпатии к демократическим ценностям. Переписка Крайского с соратниками по Социалистическому Интернационалу — Олофом Пальме и Вилли Брандтом — еще долго будет Евангелием для борцов за социальную справедливость и сторонников альтернативной глобализации.

Биография первого австрийского канцлера-социалиста (Карл Реннер таковым не являлся, несмотря на принадлежность к той же партии) стала предметом пристального внимания и прессы, и политологов еще до его прихода к власти. Казалось, после полосы ниспровержения всех и всяческих авторитетов люди соскучились по историческим личностям крупного формата. Это стало еще одним подтверждением старой истины, что необходимость проведения назревших реформ вызывает к жизни политиков, способных подняться над условностями вчерашнего дня и разбудить в обществе волю к переменам.

Презентацией нового политического стиля в Австрии стали парламентские выборы 1 марта 1970 г. Во-

преки вполне благополучным экономическим показателям предшествовавшего года они привели к власти социалистов, которые в предвыборной борьбе сделали ставку на фигуру будущего канцлера. Даже став одним из лидеров СПА, Крайский воспринимался и в собственной партии, и в обществе как посторонний (Aussenseiter). Не случайно его оппонент Клаус выступал в ходе избирательной кампании в роли «настоящего австрийца».

Однако Крайский сумел обернуть себе на пользу свой негативный образ, связав его с перспективой новой политики. В ходе бесчисленных интервью он заявлял, что открыт контактам с церковью и предпринимательскими кругами, готов к роли примирителя обновленцев и традиционалистов в собственной партии. Даже еврейское происхождение «работало» на будущего канцлера, так как голосование за его кандидатуру выглядело вызовом, брошенным традиционному антисемитизму венской политической элиты.

Предлагая избирателю программу социальных реформ, Крайский избегал ее излишней детализации. Самый доходчивый лозунг его предвыборной борьбы был предельно конкретен: «хватит и шести месяцев» военной службы. Социалисты сделали выводы из неудач прошлых выборов, демонстрируя сплоченность партийного руководства. В октябре 1969 г. съезд СПА официально отказался от любого сотрудничества с коммунистами (Eisenstädter Erklärung). Тем самым у буржуазной прессы был вырван избитый, но не потерявший своей действенности аргумент о «заговоре красных».

Напротив, первые лица Народной партии демонстрировали усталость от власти. Если Крайский не исчезал с экранов телевизоров, то Клаус признавался, что боится одного вида микрофона и телекамеры.

Медвежью услугу «народникам» оказал лидер Партии свободы Фридрих Петер, слишком рано высказавшийся в пользу коалиции АНП и АПС («нам не нужен ни красный канцлер, ни однопартийное правительство черных»). Оппозиция тут же затрубила о возрождении буржуазного блока, который явно не отвечал левому духу эпохи.

В итоге социалисты получили 48,4% голосов избирателей (прирост составил без малого 300 тыс. голосов) и 81 парламентский мандат. Партия Клауса завоевала 79 мандатов, партия Петера — 5 мандатов. В сложившейся ситуации наиболее предпочтительными выглядели шансы либо большой коалиции, либо блока СПА и АПС. Однако на свет появилось однопартийное правительство социалистов, заручившееся поддержкой Партии свободы. Последняя получила за нее обещание провести реформу избирательной системы, выгодную для мелких партий. Крайский привлек в свой кабинет беспартийного министра иностранных дел Рудольфа Кирхшлегера (в 1974 г. он стал президентом страны), что выходило за рамки сложившейся системы, где без партбилета невозможно было получить мало-мальски значимый пост.

Демонстрируя готовность к сотрудничеству с консервативными силами, канцлер-социалист нанес свой первый визит венскому кардиналу Францу Кенигу. Чтобы завоевать симпатии интеллигенции, он создал министерства искусств и научных исследований. Хотя еврейская община Австрии вскоре после выборов выдвинула обвинения в том, что несколько министров в прошлом являлись нацистами, Крайскому удалось сохранить их в своем кабинете. В ноябре 1970 г. была проведена «малая избирательная реформа», в рамках которой округа для голосования стали идентичны границам земель. Было увеличено число депутатских ман-

датов, что вполне устраивало Партию свободы. Самому Крайскому реформа давала удобный повод укрепить собственные позиции в парламенте.

Досрочные выборы 10 октября 1971 г. дали ожидаемый результат. СПА получила абсолютное большинство мест — 93 против 80 у АНП и 10 у АПС. На сей раз социалистам удался прорыв к избирателям, долгое время отдававшим предпочтение буржуазным партиям — это были сельские жители, представители свободных профессий. После успеха первых «пятисот дней» правительству Крайского предстояло подтвердить свою готовность к стратегической модернизации общества.

«Австрокейнсианство»

В конце 60-х гг. переход Австрии к зрелому индустриальному обществу не вызывал сомнений экономистов и социологов. В промышленности активно внедрялись новейшие технологии, нормой стало поточное автоматизированное производство. По уровню доходов населения страна вошла в десятку европейских лидеров, ее образ жизни определяли стандарты «массового потребления». Две трети австрийцев проживало в городах, число занятых в сфере услуг превысило число занятых на производстве. Прежде отсталые земли Бургенланд и Зальцбург догнали по производству валового продукта на душу населения передовые регионы, фактически пропустив эпоху первичной индустриализации.

Сельское хозяйство оставалось важным фактором экономической жизни страны, однако и оно переживало качественные изменения. Механизацию основных трудоемких процессов дополнила переработка произведенной продукции на месте, что было крайне важно для труднодоступных высокогорных районов. Если в

50-е годы один австрийский крестьянин кормил пятерых, то тридцать лет спустя — уже 25 человек.

Экономический подъем 1968-1973 гг. был настолько внушительным, что правительству приходилось бороться с перегревом конъюнктуры. Растущие налоговые поступления позволили отказаться от режима бюджетной экономии, характерного для послевоенной эпохи. Правительство Крайского объявило о начале реализации масштабных социальных программ и ослаблении бремени прямых налогов (их частично компенсировал новый налог на добавленную стоимость). После развала летом 1971 г. бреттон-вудской валютной системы австрийский шиллинг был привязан к западногерманской марке. Это позволило сдержать темпы инфляции в стране и сбить накал страстей на валютной бирже.

Важным достижением правительства социалистов явилось соглашение о свободной торговле Австрии со странами Европейского экономического сообщества (ЕЭС), подписанное в 1972 г. Оно стало возможным только после того, как в «Общий рынок» вошли члены ЕАСТ Великобритания, Ирландия и Дания. В соглашении подчеркивалась нерушимость нейтралитета страны, и в то же время содержалась фраза о том, что оно «открывает для Австрии возможность внести свой вклад в развитие европейского сотрудничества».

Мировой кризис, начавшийся осенью 1973 г., заставил социалистов скорректировать приоритеты своей экономической стратегии. Правительственные эксперты говорили о необходимости «поднырнуть» под него (Durchtauchen), сведя к минимуму влияние негативных факторов на народное хозяйство и дожидаясь очередного подъема. Крайский выразил свою позицию фразой, которая стала одной из самых цитируемых в австрийской прессе: «Для меня несколько сотен тысяч

безработных важнее нескольких миллиардов шиллингов государственного долга». Кабинет министров заявил о сохранении курса на полную занятость. В его основе лежал не только экономический расчет, но и исторический опыт — именно неконтролируемый рост безработицы подорвал стабильность Первой республики. Был прекращен прием на работу гастарбайтеров из Турции и Югославии, создана возможность раннего выхода на пенсию лиц с большим трудовым стажем.

Главным в антикризисной стратегии, опиравшейся на теоретические разработки неокейнсианцев, было стимулирование производственного и потребительского спроса через государственные инвестиции. Уже в бюджете 1974 г. был запланирован значительный дефицит, который в следующем году достиг 4% валового внутреннего продукта. При этом австрийское правительство отказалось от снижения налогового бремени, которое было одним из самых высоких в Европе. Прогрессивное налогообложение отнимало у высших менеджеров до половины дохода, налог на добавленную стоимость для предметов роскоши (*Luxussteuer*) вырос до 30%. В результате инфляция в Австрии не достигла уровня, характерного для других стран Западной Европы, остановившись в 1975 г. на отметке 9,5%.

Государственные инвестиции в капитальное строительство и развитие инфраструктуры, финансирование социальных программ должны были оживить конъюнктуру, и в то же время рассматривались как «средство недопущения социального пожара» (О. Раткольб). Львиная доля бюджетных инъекций направлялась в государственный сектор экономики, далеко не все предприятия использовали эти деньги для санации производства, многих они просто поддерживали на плаву. Негативные моменты подобной практики стали сказываться во второй половине десятилетия, когда

сами социалисты были вынуждены признать, что ежегодные дотации привели к «окостенению хозяйственных структур» (В. Петрич).

Тем не менее Австрия в гораздо меньшей степени, чем другие страны Европы, пострадала от кризиса середины 70-х гг. В чем же заключался секрет успеха антикризисной стратегии, которую вначале журналисты, а потом и ученые окрестили «австрокейнсианством»? В отличие от концепций, характерных для эпохи «экономического чуда», Крайский и его соратники исходили не из стремления рынка к стабильности, выравниванию спроса и предложения, а напротив, из порождаемых этим процессом диспропорций и противоречий. Отсюда вытекала потребность в более глубоком и непрерывном вмешательстве государства в экономическую жизнь. «Только общественный контроль над уровнем заработной платы и инвестициями, меры, стимулирующие потребление, регулирование финансовых рынков, гарантия низких учетных ставок, а также регламентация внешней торговли путем ограничения импорта дают известную надежду на стабилизацию», — так сформулировал основные моменты данной модели экономист Гюнтер Тихи.

Большинство ученых согласно с тем, что она учитывала не только теоретические разработки Дж.М. Кейнса и неокейнсианцев, но и наследие «австромарксизма». Достижение социально-политического консенсуса являлось приоритетным по отношению к соблюдению классических законов рыночной экономики. Это позволяло использовать механизмы индикативного планирования, подключая к разработке планов как профсоюзы, так и предпринимателей. Здесь сказался позитивный опыт соглашений о тарифах и ценах, которые заключали

между собой социальные партнеры при посредничестве государства в первые послевоенные годы.

Специфической чертой «австрокейнсианства» являлся учет не только политических, но и психологических последствий тех или иных решений. Власть заговорила с населением о неизбежном сокращении доходов в условиях кризиса только после того, как смогла взять под контроль инфляционные процессы. Наконец, ученые отмечают «размытость» государственного регулирования экономики, которое велось одновременно по многим направлениям. Зачастую получалось так, что максимальную отдачу давало применение тех инструментов, которым отводилась лишь вспомогательная роль. Так, повышение курса шиллинга смогло не только выровнять внешнеторговый баланс Австрии, но и затормозить инфляционные ожидания населения.

Правительство нередко двигалось к цели ощупью, методом проб и ошибок. В то время как большинство стран Европы к середине 70-х гг. уже отказалось от кейнсианской стратегии выхода из кризиса, Австрия оставалась островком, где ей еще полностью доверяли. Считая безработицу главным злом, советники Крайского «подстраивали» под борьбу с ней прочие хозяйственные механизмы. Очевидно, рациональное зерно есть и в утверждениях тех, кто считает, что «австрокейнсианство как радикальная интерпретация теории Кейнса» (Ф. Лацина) было сконструировано учеными уже *post factum*.

На пике кризиса Крайский продолжал настаивать на том, что высокие темпы инфляции являются его симптомом, а отнюдь не причиной. Сомнения по этому поводу выражали не только известные ученые-экономисты, но и коллеги из Социалистического Интернационала. Крайскому удалось убедить профсоюзы отказаться от завышенных тарифных требований. В

свою очередь оппоненты из буржуазного лагеря в целом разделяли антикризисную стратегию канцлера, критикуя лишь отдельные тактические решения.

Правительство всеми средствами добивалось создания новых рабочих мест. Путем налоговых льгот в страну привлекался иностранный капитал, прежде всего из соседней Западной Германии. В 70-е годы в Австрии открыли свои заводы такие гиганты, как БМВ, Дженерал моторс, производитель компьютерных чипов АМС. Постоянно росло число лиц, занятых на государственной службе — это были не только чиновники всех рангов, но и учителя, психологи, социальные работники. Многие жители Вены попали в штат международных организаций после того, как летом 1979 их город стал третьей (после Нью-Йорка и Женевы) резиденцией Организации объединенных наций.

Несмотря на негативное влияние кризиса середины десятилетия, австрийская экономика продолжала свое поступательное развитие, обгоняя по большинству качественных показателей другие страны Западной Европы. Валовой внутренний продукт на душу населения, составлявший в 1960 г. почти 60 тыс. шиллингов, в 1986 г. достиг 118 тыс. шиллингов. К 1981 правительству удалось снизить дефицит бюджета до 2,6%. Но главной гордостью социалистов было то, что на протяжении 70-х гг. безработица в Австрии не превышала 2% самодеятельного населения. Благодарность трудящихся находила свое выражение в неуклонном росте голосов, которые получала СПА в ходе парламентских выборов.

Реформы и общество

Крайский многократно повторял изречение одного из французских политиков: «чтобы иметь стабильную демократию, надо держать ее в постоянном движении».

Для австрийского общества, которое с благоговением относилось к наследию прошлого и ценило стабильность превыше всего, такой подход не являлся чем-то само собой разумеющимся. Необходимо было политическое мужество, чтобы поставить крест на настроенных собственной исключительности и продолжить процесс интеграции Австрии в западноевропейское сообщество. Лозунг «открытой политики» подразумевал не только расширение сферы деятельности социального государства, но и раздел компетенций со структурами гражданского общества. Речь в том числе и о заполнении вакуума, который образовался после отказа церкви от роли единственного охранителя моральных устоев.

Благоприятная экономическая конъюнктура позволила правительству социалистов начать широкомасштабное наступление в социальной сфере. Рабочие получили право на соучастие в управлении предприятиями (Arbeitsverfassungsgesetz), увеличение до четырех недель минимального оплачиваемого отпуска, солидные пособия в случае банкротства фирм, на которых они трудились. Из социологии было заимствовано понятие «новых бедных» (студенты, матери-одиночки, молодые семьи), которым оказывалась адресная помощь. Только за 70-е годы с участием государства в Австрии было построено более полумиллиона квартир.

Социалисты взялись за реализацию конституционного принципа равноправия мужчин и женщин. После выборов 1979 г. статс-секретарями в правительстве Крайского стали сразу четыре женщины. Отныне отпуск по уходу за ребенком могли получить не только матери, но и отцы. Свою долю благодарности за участие в смене власти получили и молодые избиратели. Вслед за сокращением срока службы в армии до шести месяцев была введена альтернативная гражданская служба.

Острые дебаты в парламенте вызвала реформа высшей школы. Консерватизм профессуры, некоторые представители которой выступали с откровенно нацистскими заявлениями, давно уже вызывал общественное недовольство. Здесь не действовала «пропорция» — среди университетских профессоров практически не было людей с левыми политическими взглядами. Несколько десятилетий правительства большой коалиции обсуждали вопрос о возвращении в Австрию светил мировой науки, многие из которых были евреями. Поскольку принятие такого решения было связано с извинениями и материальной компенсацией за увольнение по расовым признакам, инициатива повисла в воздухе. В результате блиставшие в прошлом университеты страны превратились в «духовное захолустье» (В. Петрич).

Кабинет Крайского пошел навстречу требованиям студенческого движения, лидеры которого требовали обновить содержание учебного процесса, избавить молодых людей от зубрежки и муштры. В 1972 г. была отменена плата за обучение в высшей школе, ее административные органы перестраивались на началах самоуправления. В Линце и Клагенфурте были открыты новые университеты. Если в 1969 г. студентами стали 6300 человек, то в 1980 — уже 16 тыс.

Целью реформ средней школы было обеспечение равенства в доступе к образованию. Правительство пошло на отмену переводных экзаменов в старших классах, ввело бесплатные учебники и бесплатный проезд для школьников (поездка ребенка в школу из отдаленных деревень стоила его родителям немалых денег). Центры профессионального образования не только помогали в модернизации производства, но и способствовали социальной интеграции трудных подростков, в том числе детей гастарбайтеров. Несмотря на ряд

частных успехов, правительство так и не решилось поставить на голосование вопрос о введении единой школы (Gesamtschule) для всех категорий населения, т.к. для этого потребовалось бы конституционное большинство в две трети голосов.

К началу 70-х гг. в Австрии действовали гражданский и уголовный кодексы наполеоновской эпохи. Реформа семейного права обеспечила реальное равенство супругов, защиту прав детей, родившихся вне брака, облегчила процедуру развода (для него ранее требовалось обоюдное согласие супругов). Либерализация уголовного права привела к замене лишения свободы денежными штрафами по незначительным преступлениям, отмене наказаний за супружескую неверность или гомосексуализм.

Изменился и стиль работы вершителей власти — в справочниках появился телефонный номер канцлера, традицией стали еженедельные пресс-конференции, в ходе которых журналисты позволяли себе не только задавать острые вопросы, но и спорить с Крайским и его министрами. Тот умело маневрировал, не забывая делать реверансы в сторону консервативных кругов. Несмотря на давление собственной партии, Крайский не пошел на конфликт с церковью по вопросу о свободе абортов. Католическим активистам удалось организовать народный опрос по этому поводу, который собрал более 900 тыс. голосов, и решение было надолго заморожено.

Поражением правительства закончилась и его попытка реализовать положение Государственного договора о национальном равноправии. В 1972 г. было принято решение о введении двуязычных дорожных знаков там, где проживают представители национальных меньшинств (хорваты и венгры в Бургенланде, словенцы в Южной Каринтии). Это касалось всего 205

деревень, однако вызвало протесты правых сил по всей стране. В Каринтии началась «война знаков», экстремисты выворачивали их, несмотря на полицейскую охрану. Их действия получили поддержку значительной части населения.

Крайский лично приезжал в Клагенфурт, пытался выступать перед возбужденной толпой, но его освистали и едва не подвергли линчеванию. Канцлера обвиняли в двурушничестве, имея в виду его жесткую позицию по защите прав немецкоязычного меньшинства в Южном Тироле. Из-за «войны знаков» обострились отношения с Югославией, дело дошло до временного отзыва послов обеих стран. Правительству пришлось идти на попятную, поиск компромисса занял несколько лет (в конце концов на дорожных знаках надписи по-словенски стали делаться мелким шрифтом). В июле 1976 г. голосами социалистов был принят закон о национальных меньшинствах (Volksgruppengesetz), позволявший последним создавать особые консультативные советы при органах местного самоуправления.

Переход СПА к роли правящей партии отразила ее новая программа, принятая в 1978 г. Хотя создание бесклассового общества оставалось стратегической целью социалистов, в качестве практического ориентира программа провозглашала «борьбу за социальную демократию путем реформ, преобразующих существующую систему». Требование национализации ключевых средств производства уступило место общественному контролю за частным сектором экономики. В целом СПА продолжала дрейф вправо, однако в партии активизировалось левое крыло, демонстрировавшее интерес к теории социализма. При ее правлении был создан институт Карла Реннера, занимавшийся среди прочего исследованиями «австромарксистского» наследия.

Став канцлером, Крайский сохранил за собой определение внешнеполитической стратегии Австрии. Он нашел общий язык с лидерами стран Восточной Европы, внося весомый вклад в подготовку и проведение Хельсинкского совещания. Именно в Вене 18 июня 1979 г. состоялось подписание договора об ограничении стратегических ядерных вооружений (ОСВ-2). Вслед за переговорами Л.И. Брежнева и Дж. Картера там впервые встретились Вилли Брандт и Ясир Арафат. Австрия первой из западных стран признала Организацию освобождения Палестины, которая долгое время считалась прикрытием террористов. Крайский не выразил особого восторга по поводу Кэмп-Дэвидского соглашения между Египтом и Израилем, считая, что урегулирование в ближневосточном регионе должно охватывать все заинтересованные стороны. Результатом стало заметное охлаждение отношений правительства социалистов и администрации США. Австрия настаивала на том, что в состоянии самостоятельно определять приоритеты своей внешней политики. Так, ее спортсмены не присоединилась к бойкоту московской Олимпиады летом 1980 г.

Крайский первым из западных политиков высшего ранга посетил столицу ГДР, продемонстрировав международное признание этой страны. В то же время он постоянно выступал в защиту диссидентов в странах Восточной Европы, навлекая на себя гнев официальной советской прессы. Буржуазная оппозиция постоянно критиковала правительство за «политику равноудаленности от обеих сверхдержав», что на самом деле было не так. Социалисты не отказывались от своей приверженности ценностям свободного мира, однако в условиях ядерного противостояния считали более важным избавить людей от страха перед войной, сделать необратимой разрядку международной напряженности.

Специфическим сюжетом советско-австрийских отношений являлось то, что Вена играла роль перевалочного пункта при эмиграции евреев из СССР в Израиль. С 1968 г. по 1986 г. через территорию альпийской республики проследовало 270 тыс. человек, относившихся к этой категории. 28 сентября 1973 г. палестинские террористы ворвались в поезд, идущий из Москвы, и захватили его пассажиров в качестве заложников. В ходе переговоров с ними Крайский дал обещание закрыть перевалочный лагерь для еврейских репатриантов из СССР в Шонау и выполнил его, несмотря на протесты правительств Израиля и США.

В конце 1975 г. весь мир потрясло покушение группы террористов во главе с Карлосом на министров ОПЕК, собравшихся на свое заседание в Вене. Три человека были убиты, после напряженных переговоров 33 заложника вместе с захватившими их людьми вылетели в Алжир. Уступчивость властей, шедших на любой компромисс с террористами ради спасения человеческих жизней, не всегда находила понимание. Оппоненты правительства считали, что таким образом создается благоприятная почва для дальнейших преступлений. Действительно, в 1977 г. в Австрии прошла целая серия похищений предпринимателей, которая носила уже чисто криминальный характер.

Наряду с политическим экстремизмом внимание австрийского общества все более привлекали проблемы, связанные с ограниченностью природных ресурсов и загрязнением окружающей среды. Если социальные партнеры считали их второстепенными, то экологическое («зеленое») движение выступило за поиск альтернатив безудержному индустриальному росту. Правительство социалистов не увидело позитивного потенциала этого движения и пошло на кон-

фронтацию с ним, не в последнюю очередь из-за давления профсоюзного лобби.

«Зеленые» настаивали на недопустимости использования ядерной энергии даже в мирных целях. Власть подняла брошенную ей перчатку, проведя 5 ноября 1978 г. первый в истории Второй республики референдум о введении в строй готовой атомной электростанции в Цвентендорфе. Этот проект обошелся казне в 9 млрд. шиллингов и долгое время являлся предметом законной гордости социалистов. Накануне референдума Крайский прозрачно намекал, что уйдет в отставку, если проиграет. Это тут же перевело вопрос в политическую плоскость. Незначительное большинство участников референдума (50,47%) высказалось против пуска атомной электростанции, продемонстрировав силу экологического движения. Вопрос об отставке Крайского обсуждался в руководстве СПА, но ввиду приближавшихся парламентских выборов было принято решение, подразумевавшее, что коней на переправе не меняют.

Выполняя волю населения, парламент принял специальный закон о замораживании ядерной энергетики в стране (Atomsperrgesetz). Электростанция в Цвентендорфе законсервирована и по сегодняшний день, хотя в прессе регулярно предпринимаются попытки реанимировать этот вопрос. Вопреки расчетам двух народных партий после победы на референдуме экологическое движение в Австрии не пошло на убыль, партия «зеленых» впервые приняла участие в парламентских выборах 1983 г.

Помимо конкретных результатов, описанных выше, стратегическим итогом реформ «эры Крайского» стала дальнейшая эрозия политических лагерей, приближение национальной политической культуры к западноевропейским стандартам. Успехи страны наполнили

реальным содержанием австрийский патриотизм, пресса изображала Австрию «безмятежным островом» в бушующем океане мировой политики. Выборы 1979 г. явились историческим триумфом социалистов, собравших в свою поддержку 51,3 % голосов.

Уход Крайского

Абсолютное большинство, полученное на третьих подряд парламентских выборах, привело Социалистическую партию в состояние, известное в новейшей истории как «головокружение от успехов». Хотя Крайский, которому журналисты присвоили титул «короля-солнце», оставался бесспорным лидером и интегрирующей фигурой, в партии усилились позиции его оппонентов, недовольных потерей динамики реформ и формированием непривычного для социалистов культа личности. Левые критиковали засилье технократов в партийном руководстве и указывали на потенциальных союзников в лице «еврокоммунистов», сотрудничество с которыми категорически отвергалось Правлением СПА.

Напротив, политические конкуренты социалистов исподволь наращивали свое влияние в обществе. Пройдя через затянувшуюся депрессию (с 1970 по 1983 г. сменилось пять партийных лидеров), АНП сохранила за собой позиции второй партии. Партия свободы, обладавшая в парламенте фракцией из десяти депутатов, предлагала себя в качестве важного «довеска» политического процесса. Тенденцию к разрушению двухпартийной системы в стране отражало и формирование новых социальных движений, привлекавших прежде всего образованную молодежь. Наряду с «зелеными» на рубеже 80-х гг. активизировалось антивоенное движение, лидеры которого требовали вывода из Европы ракет средней дальности и реальных шагов по разрядке международной напряженности. У пацифис-

стов было немало объектов для критики и внутри нейтральной Австрии — поставки вооружений в Сирию и Аргентину неоднократно вызывали массовые демонстрации протеста.

Изменился вектор развития всего западного мира. Социал-демократическую волну сменил реванш неоконсерваторов, М. Тэтчер и Р. Рейган демонстрировали новые подходы как в сфере внешней политики, так и в борьбе с экономическим кризисом. Приватизация государственного сектора в Великобритании, Франции и ФРГ давала дополнительные аргументы буржуазным партиям Австрии, которые считали национализированные после войны предприятия «священными коровами» социалистов. Об этом свидетельствовала и статистика: за 70-е годы производительность труда в частном секторе австрийской экономики выросла на 30%, в государственном — только на 12%.

Определенную роль в спаде популярности СПА сыграл личный фактор. Крайский постоянно говорил о своем преемнике и готовности передать власть молодому поколению, но не делал никаких шагов в этом направлении. Считая, что ему еще многое предстоит, он, как это часто бывает, не смог реалистично оценить свои силы. Соратники неоднократно предлагали канцлеру «красиво уйти», выставив свою кандидатуру на пост президента республики. Вопрос приобрел особую актуальность после того, как у Крайского стали отказывать почки, и с 1981 г. он был прикован к процедуре гемодиализа.

В 1980 г. разразился первый из скандалов десятилетия: выяснилось, что при строительстве нового комплекса зданий Центральной больницы Вены (Allgemeines Krankenhaus) колоссальные средства из государственной казны уходили на взятки. В скандале были замешаны политики самого высокого ранга, в

отставку подал вице-канцлер Ханнес Андрош, считавшийся наследником Крайского. Еще одним ударом по авторитету «короля-солнце» стал террористический акт 29 октября 1981 г. Во время службы в венской синагоге палестинские экстремисты убили двоих и ранили 18 человек. Общественное мнение припомнило Крайскому особые отношения с Арафатом, в бульварной прессе канцлера называли едва ли не пособником террористов.

И все же решающий удар по правительству социалистов нанесла экономика. Попытки бороться с кризисом 1979-1981 гг. старыми методами уже не принесли ожидаемых результатов, напротив, за этот период безработица в Австрии почти удвоилась, государственный долг принял угрожающие масштабы. Значительную часть безработных составляли гастарбайтеры, которые пользовались всеми социальными льготами. Это вызвало недовольство тех, кто считал себя «коренными австрийцами», вело к росту ксенофобии и политического экстремизма.

Во время отпуска на Мальорке Крайский разработал программу мер по оздоровлению австрийской экономики, которая предусматривала рост налогов (среди прочего вводилось налогообложение премий и прибыли от банковских вкладов) при сохранении прежнего уровня государственных расходов (Mallorca-Paket). Программа появилась незадолго до очередных парламентских выборов, которым предстояло стать референдумом о поддержке непопулярных решений. Крайский бросил на весы все свое влияние, заявив, что уйдет в отставку, если социалисты лишатся абсолютного большинства. 24 апреля 1983 г. австрийцы пришли к избирательным урнам. СПА потеряла пять депутатских мандатов, которые разделили между собой буржуазные партии. Руководители ее предвыборного штаба оправдывались, рассуждая о человеческой

неблагодарности, заголовки газет кричали о том, что «избиратели свергли политический монумент».

Крайский выполнил свое обещание, уйдя из большой политики. Вместе с ним ушла целая эпоха — эпоха завышенных ожиданий и реальных свершений, эпоха модернизации всех сфер социальной жизни и нарастания внутренней напряженности в обществе. «Уход Крайского означал бесповоротное завершение эры амбициозных реформ, эры стабильности, когда постоянный рост национального богатства позволял уходить от борьбы за его перераспределение» (Г. Эдер). Решающей заслугой канцлера-социалиста стала точная дозировка модернизаторских преобразований, позволившая сохранить социально-политический мир в стране. Не случайно уже после отставки он задавал своим соратникам риторический вопрос: «Где проходит граница изменений, которые может выдержать человек?»

Парламентская оппозиция голосовала за подавляющее большинство законопроектов, предложенных социалистами. Открытость большой политики вела к вовлечению в нее свежих общественных сил, даже если это не было на руку правительству (как в случае с экологическим движением). В октябре 1983 г. семидесятидвухлетний Бруно Крайский был избран почетным председателем СПА. Он все еще пытался руководить партией, однако встретил твердое сопротивление ее новых лидеров. Дело дошло до открытого конфликта, в ходе которого Крайский отказался от своего партийного поста, сосредоточившись вплоть до своей смерти в 1990 г. на работе в Социалистическом Интернационале.

Формирование нового кабинета министров было поручено Фреду Зиновацу, который сделал выбор в пользу малой коалиции с Партией свободы. Социологи отмечали позитивные моменты такого решения,

которое свидетельствовало об исчезновении «лагерного менталитета», характерного для Первой республики. В то же время «общественность воспринимала новую коалицию не как партнерство двух партий, а как социал-демократическое правительство с аппендиксом» (А. Пелинка). Для лидеров АПС важнее конкретных уступок была демонстрация готовности своей партии к «несению правительственной ответственности». Это стало важной причиной слабости нового политического проекта. Партия свободы, традиционно декларировавшая себя как либеральная партия, на ходу меняла собственную идеологическую окраску, уступая давлению правых популистов.

Правительство Зиноваца не смогло продолжить стратегию модернизации страны, которую проводили в жизнь его предшественники. Результаты социологических опросов демонстрировали «усталость от реформ», население выступало скорее за сохранение достигнутых успехов, чем за риск новых экспериментов. Рабочие металлургии и химической индустрии защищали свои предприятия от приватизации, «зеленые» поставили крест на проекте строительства мощной гидроэлектростанции на Дунае, чиновники боролись с дефицитом государственного бюджета, достигшего к середине 80-х гг. астрономической суммы в 400 млрд. шиллингов. Не удалась и попытка малой коалиции отменить закон о запрете на использование атомной энергии.

Решающую роль в отставке Зиноваца (9 июня 1986 г.) и приходе на его место Франца Враницкого сыграли нападки на правительство средств массовой информации. Обвиняя его в пассивности и безынициативности, газеты демонстрировали возросшее влияние «четвертой власти». Австрийская пресса буквально ушивалась ролью блюстителя морали, и в то же время не

упускала ни одной возможности для того, чтобы шокировать читателя. Разоблачение коррупции, связанной со строительством Венской больницы, открыло собой десятилетие скандалов. Журналисты выяснили, что в ходе ирано-иракской войны государственные предприятия нейтральной Австрии снабжали артиллерийским вооружением обе воюющие стороны. В 1985 г. череда разоблачений добралась и до сельского хозяйства. Виноделы Бургенланда признали случаи подмешивания в вино этиленгликоля для ускорения его созревания (Glykol-Affäre). Поскольку марочные вина поставлялись во многие страны Европы, факт их фальсификации нанес серьезный удар по традиционной статье австрийского экспорта.

Значительный международный резонанс вызвал самый громкий из скандалов восьмидесятых — «афера Вальдхайма». Курт Вальдхайм, на протяжении десяти лет работавший Генеральным секретарем ООН, в 1986 г. был избран президентом Австрийской республики. В ходе предвыборной борьбы выяснились темные моменты его военной биографии — часть, где служил Вальдхайм, участвовала в карательных акциях против югославских партизан и в депортации евреев из Греции. Тактика, избранная президентом для самозащиты — я ничего не помню, я просто выполнял свой долг (Pflichterfüllung) — вызвала раздражение в обществе, особенно среди либеральной интеллигенции и молодежи. В то же время в защиту президента выступила Народная партия и союзы ветеранов. Разделилось и мировое общественное мнение. В Израиле заговорили об Австрии как «заповеднике старых нацистов», стране, где преодолению прошлого предпочли его замалчивание. Министерство юстиции США 27 апреля 1987 г. запретило Вальдхайму «как частному лицу» въезд в страну. За

шесть лет президентства он не получил приглашения ни от одной западной страны, однако был демонстративно принят папой римским.

«Благодаря афере Вальдхайма впервые вышла из-под контроля система молчаливого соглашения и тайного пакта между крупнейшими партиями, в рамках которого нацистское прошлое табуизировалось и выводилось за скобки партийно-политических конфликтов» (М. Гелер). Общество вновь разделилось на тех, кто считал Австрию и австрийцев первой жертвой нацизма, и тех, кто выступал против подобной «культуры забвения». При всей остроте дискуссий они велись в границах демократического консенсуса, отдельные рукопашные схватки радикально настроенных антифашистов с неонацистами лишь подтверждали общее правило. Австрия сделала необходимые выводы из собственного прошлого, реформы семидесятых стали для Второй республики своеобразным экзаменом на аттестат зрелости.

9. Современная Австрия

**Второе издание большой коалиции —
Австрия в новой Европе —
Политика и общество на рубеже нового
тысячелетия — Новый виток реформ**

Второе издание большой коалиции

1986 год вошел в новейшую историю Австрии как год выборов с далеко идущими последствиями. Вслед за избранием Вальдхайма президентом страны началась подготовка к парламентским выборам, назначенным на 23 ноября. Причиной их досрочного проведения стала смена курса Партии свободы и развал малой коалиции. На съезде АПС ее лидером был избран двадцатипятилетний Йорг Хайдер, возглавлявший партийную организацию в земле Каринтия. Амбициозный политик объявил войну не только своим предшественникам, обвинив их в «гнилом либерализме», но и «старым партиям», имея в виду СПА и АНП. Партия свободы в считанные дни была переведена на популистские рельсы. Социалисты отказались отдать Хайдеру кресло вице-канцлера и вновь пригласили австрийцев к избирательным урнам, хотя опросы общественного мнения не сулили им легкого успеха.

Выборы подтвердили очевидный факт: стабильная система «двух с половиной партий» ушла в прошлое. Впервые в парламент попали представители «зеленых», за которых проголосовала четверть миллиона избирателей. С 12 до 18 человек увеличила свою фракцию Партия свободы. Ее депутаты заняли места на крайне правом фланге политического спектра. Неонацистские группировки в стране заявили о своей поддержке Хайдера, который в ходе предвыборных митингов не скупился на националистические выпады.

Зарубежная пресса писала о том, что «коричневые тени над Австрией вновь становятся длиннее».

Риторика лидера АПС сумела отвлечь часть избирателей от двух крупнейших партий. По итогам выборов социалисты потеряли десять, а «народники» — четыре депутатских мандата. Провал СПА во многом объяснялся резкой критикой собственной партии Бруно Крайским, сохранившим большой авторитет в обществе. Злые языки утверждали, что это стало завуалированной мстью бывшего канцлера своим наследникам за то, что его кандидатура не была выдвинута на пост президента страны в 1986 г.

Расстановка сил в парламенте не оставляла социалистам иного выбора, кроме возвращения к большой коалиции, хотя «такое решение противоречило духу времени и новым тенденциям политической культуры» (А. Пелинка), которые отражали растущую мобильность электоральных предпочтений населения страны, его готовность принять новые партийно-политические комбинации. Вранцицкий остался канцлером, Народная партия получила половину министерских портфелей и добилась согласия на проведение экономической санации (Sanierungspartnerschaft). В отличие от кейнсианских рецептов прошлого десятилетия ее ключевым понятием стало «дерегулирование», подразумевавшее отказ от государственного интервенционизма и создание благоприятного налогового климата для инвестиций.

Партнеры по коалиции согласились с тем, что нараставший структурный кризис государственного сектора экономики требовал решительных действий. Выход был найден в акционировании предприятий и постепенной продаже акций, находившихся во владении государства. Так, к 2000 г. его доля в капитале еще недавно государственной табачной монополии, а ныне АО «Австрия Табак», снизилась до 41%. Значительный

общественный резонанс вызвала приватизация национальной авиакомпании и сети сберегательных касс. Как правило, новые менеджеры начинали санацию таких предприятий с увольнения «лишних людей». Правительство пошло на предоставление особых льгот приватизируемому сектору экономики, чтобы свести к минимуму протесты занятых в нем людей.

Большой коалиции так и не удалось опустить показатель бюджетного дефицита ниже 60% ВВП. Зато ушла в прошлое высокая инфляция (в 1989 г. был достигнут рекорд стабильности — годовой рост цен составил всего 0,6%). Указывая на неблагоприятную конъюнктуру, правительство постоянно обращалось к населению с призывами затянуть потуже пояса и принести необходимые жертвы. Сокращение социальных программ вызвало ответную реакцию общества: по всей стране прошли забастовки студентов и госслужащих. 1 декабря 1987 г. однодневную акцию протеста провели даже судьи. Лидеры ОАП заявили, что курс жесткой экономии ставит под сомнение принципы социального партнерства, и отвергли предложение «нулевого роста» зарплаты в 1988 г.

Экономическое развитие современной Австрии продолжают характеризовать такие факторы, как вовлеченность в международное разделение труда и «высокая степень управляемости» (Ф. Матис). Они действуют в противоположном направлении, уравновешивая друг друга. Инвестиционная привлекательность страны во многом связана со стабильностью национальной валюты (с 1 января 2002 г. Австрия перешла на евро) и отсутствием резких колебаний политического курса. Транснациональные корпорации активно покупают контрольные пакеты средних предприятий, например, в сфере пищевой промышленности. Среди иностранных капиталовложений первое место

занимают германские — такие фирмы, как Сименс, Грундиг, БМВ значительную часть своей продукции производят в Австрии.

Социологи считают, что к концу XX века в стране определились контуры постиндустриального общества. Доля электроники в общем объеме промышленного производства достигла 14%, в то время как доля металлургии упала до 3%. В 1991 г. 59% населения было занято в сфере услуг, 38% — в промышленности и только 6% — в лесном и сельском хозяйстве. При государственной поддержке активно развивались наукоемкие отрасли: производство носителей информации, видео- и фотоаппаратуры. Австрия сохраняет свои позиции на мировом рынке спортивного снаряжения, элитных продуктов питания, предметов роскоши.

Правительству Враницкого (в 1997 г. его сменил социалист Виктор Клима) пришлось затратить огромные усилия для разрешения «аферы Вальдхайма». Чтобы скорректировать негативный имидж страны, оно сделало официальное заявление, что австрийцы являлись не только жертвами гитлеровского режима, но и соучастниками его преступлений. Был создан национальный фонд для материальных компенсаций жертвам нацизма, в том числе иностранцам. Еще одним проявлением запоздалого раскаяния стало признание цыган национальным меньшинством страны. Однако визит канцлера в Вашингтон в 1987 г. так и не привел к снятию санкций против австрийского президента.

Эволюция партийно-политической системы страны развивалась в русле новых тенденций, отчетливо проявившихся уже в ходе выборов 1986 г. Продолжалось неуклонное падение авторитета и численности обеих народных партий. Если с 1945 до 1983 г. они неизменно собирали на выборах более 90% голосов, то в 1994 г. — только 63%. В 1996 г. социалисты потеряли абсолютное

большинство в магистрате Вены — впервые за всю историю республики. «Австрийское государство партий старого образца, подразумевавшее неоспоримое доминирование двух крупнейших партий, оказалось на смертном одре, и во многих отношениях это было совсем не плохо. Отныне власть распределена на более широком общественном спектре, политическая сцена стала такой пестрой, подвижной и динамичной, какой она никогда не была в предшествовавшие годы Второй республики», — утверждал в 1995 г. социолог Г. Дахс. Избиратели потеряли наследственную привязанность к одной и той же партии, стали делать свой выбор исходя из прагматических соображений.

На протяжении 90-х гг. Партия свободы уверенно набирала влияние, ее парламентская фракция выросла более чем в три раза. Хайдер, в 1989 г. возглавивший земельное правительство Каринтии, заполнил нишу националистов на правом краю политического спектра. Его громогласные разоблачения коррупции и привилегий сводились к общему для популистов всех стран знаменателю: «я один против мафии». Лидер Партии свободы смог обратить в свою пользу усталость людей от пустых предвыборных обещаний и парламентской говорильни, бессилие перед ростом преступности, страх перед будущим. Секретом его успеха являлось «использование протестного голосования плюс опора на тех, кто остался за бортом модернизации» (М. Шойх).

Хайдер стал заметной частью общеевропейского феномена правого популизма, протянувшегося от Берлускони до Жириновского. Ему удалось сформировать образ харизматического лидера, который только укрепляли многочисленные скандалы. Партия свободы выступала за жесткую политику по отношению к иностранцам, против вступления Австрии в Европейский

союз. Сам Хайдер неоднократно превозносил успехи третьего рейха и говорил об австрийской нации как об уродце (Missgeburt). Партийный лозунг «Австрия прежде всего» вызывал у людей старшего поколения вполне определенные ассоциации.

Приток в страну беженцев и нелегальных эмигрантов после падения «железного занавеса» пошел на пользу АПС, которая в 1993 г. добилась проведения референдума об ужесточении соответствующего законодательства. За это проголосовало около 7% взрослого населения Австрии. В то же время референдум привел к кристаллизации противоположного общественного полюса — по всей стране прошла акция солидарности с иностранцами (Lichtermeer), католическая церковь призвала прихожан продемонстрировать на практике любовь к ближнему. Последние либерально настроенные политики покинули Хайдера, образовав собственную партию. По итогам выборов 1994 г. Либеральный форум, который возглавила Хайде Шмидт, получил 11 мандатов, однако через пять лет лишился парламентской фракции. Его наследство поделили между собой «народники» и «зеленые», последним удалось прочно закрепиться в политической элите Второй республики.

Австрия в новой Европе

Падение «железного занавеса» в Европе происходило на территории и при самом деятельном участии Австрии. Именно на австро-венгерской границе представители двух соседних стран летом 1989 г. символически разрезали заграждения из колючей проволоки. Через открывшуюся брешь устремились на Запад тысячи жителей ГДР, проводивших свой отпуск на озере Балатон. Последовавшие через несколько месяцев «бархатные революции» нанесли последний удар по сфере

советского влияния в центре континента. В результате радикально изменилось геополитическое положение Австрии — из «буфера» между двумя мировыми системами она превратилась в ядро нового европейского региона, простиравшегося от Балкан до Альп.

Казавшуюся вечной стабильность сменила головокружительная динамика. Австрийские политики и общественные организации приняли самое активное участие в реализации демократических проектов в странах, которые когда-то являлись частью империи Габсбургов. Туда же устремились предприниматели и финансисты, заинтересованные в новых рынках сбыта и восстановлении исторических хозяйственных связей. Мирный раздел Чехословакии на два государства отвечал интересам австрийской внешней политики, стремившейся не допустить появления на своих границах сил, способных выступить в роли региональных лидеров.

Тот же курс на политическое самоопределение отдельных народов вверг Югославию в пучину гражданской войны. Австрия вместе с Германией выступала за скорейшее признание независимости Словении и Хорватии, ее военнослужащие вошли в состав международных сил по поддержанию мира в Боснии. В третий раз за послевоенные годы альпийская республика приняла десятки тысяч эмигрантов, бежавших не только от ужасов войны на Балканах, но и от нищеты. Хотя они и не получали разрешения на работу, органы социальной опеки делали все для того, чтобы обеспечить им сносное существование. Многие из тех, кто рассчитывал в поисках благополучия пересечь Австрию транзитом, давно уже осели в ней и считают себя австрийцами, обеспечивая стране как положительную демографическую динамику, так и дешевую рабочую силу. Республика живет за счет притока населения извне (Einwanderungsland) — 9% ее населения составляют иностранцы.

Многие венгры, чехи и словаки, пользуясь преимуществами безвизового обмена, ежедневно приезжают на работу в Восточную Австрию. Открытость границ создает немало проблем для правоохранительных органов, криминальный бизнес и проституция находятся в руках иностранных преступных кланов, лидеры которых легко ускользают от австрийской полиции. И все же преимущества доминируют над теневыми сторонами. За 90-е годы в несколько раз вырос товарооборот с соседними восточноевропейскими странами, на них приходится около трети общего объема австрийских инвестиций за рубежом. Постепенно исчезло то чувство собственного превосходства, которое испытывали «коренные австрийцы» при первых встречах со своими славянскими братьями. Кратковременный всплеск популярности пережили идеи создания Дунайской федерации, которые позже уступили свое место более реалистичным планам включения региона в процесс европейской интеграции.

Перемены в странах Восточной Европы на рубеже 90-х гг. усилили страх венской политической элиты оказаться в стороне от этого процесса. Новых советских протестов по поводу вхождения Австрии в «Общий рынок» уже можно было не бояться. «Горбачев фактически дал зеленый свет реализации австрийских амбиций на вступление в ЕЭС» (М. Гелер). В 1989 г. штаб-квартира этой организации в Брюсселе получила соответствующую заявку из Вены. Начались многолетние переговоры, связанные с необходимостью унифицировать правовую и налоговую системы, провести санацию бюджета. Для правительства Враницкого ускорение процесса интеграции давало удобный повод продемонстрировать собственную дееспособность и в то же время делегировать стоявшие перед страной проблемы на более высокий уровень.

Австрийская общественность разделилась на сторонников и противников вступления в Европейский союз. В стан первых вошли предпринимательские союзы, которые рассчитывали на снижение производственных расходов и выход на новые рынки. К 1993 г. две трети внешнеторгового оборота Австрии приходилось на страны ЕС. Крестьяне мечтали о субсидиях из Брюсселя, которые получали их соседи в Баварии и Южном Тироле. Молодое поколение справедливо считало, что единая Европа открывает перед ним лучшие шансы для получения качественного образования и профессиональной карьеры.

Противники вступления Австрии в ЕС использовали нематериальные аргументы, ссылались на пример соседней Швейцарии. Анализы социологов показывали, что многих граждан страны преследовал страх потерять национальную самобытность, столкнуться с такими социальными проблемами, как массовая безработица или приток иностранцев. Немалую роль в общественных дебатах играл и вопрос о транзите грузового транспорта из Германии в Италию через перевал Бреннер, который грозил нарушить экологическое равновесие альпийских регионов. «Зеленые» и партия Хайдера голосовали в парламенте против договора о вступлении Австрии в ЕС, хотя и не смогли набрать необходимой трети голосов, чтобы провалить конституционный законопроект.

12 июня 1994 г. в стране прошел референдум, две трети австрийцев высказались за вступление страны в Европейский союз. С 1 января следующего года Австрия стала его полноправным членом, подав пример другим нейтральным странам Европы. Враницкий назвал эту дату третьей по значению в истории республики после 1918 и 1955 гг. Пресса справедливо писала о том, что «австрийцев скорее уговорили, чем убедили

проголосовать за». И Вена, и Брюссель не скупались на обещания льгот и субсидий. Только падение внутренних цен на сельскохозяйственную продукцию ЕС в течение четырех лет компенсировал крестьянам общей суммой в 13,6 млрд. шиллингов (Preisausgleichsprämien).

Во второй половине 1998 г. Австрия председательствовала в Совете ЕС, в июне следующего года в стране впервые прошли выборы в Европарламент. Она является донором европейского бюджета (Nettozahler), занимает одно из первых мест по качеству жизни, валовому продукту на душу населения (в 2002 г. он составил около 27 тыс. евро). Доля Австрии в промышленном производстве ЕС на рубеже веков составляла 2,5%. Превращение Евросоюза в надгосударственную конфедерацию ведет к повышению роли правительственных учреждений при определении финансово-кредитной политики. Напротив, австрийский парламент и институты социального партнерства потеряли часть своих компетенций, так как они были переданы в Брюссель. Внешняя политика страны также проводится в рамках европейского консенсуса. В 1995 г. Австрия подписала соглашение с НАТО о «партнерстве ради мира», оговорив в нем неприкосновенность своего нейтралитета.

Вступление Австрии в ЕС вызвало к жизни потребность в модернизации федеративного устройства страны. Когда-то область столкновения интересов соседних стран, Южный Тироль стал одним из «еврорегионов», игнорирующих государственные границы. Руководители земельных правительств считают, что такую схему можно применить и в их отношениях с Веной. Речь идет о «кооперативном федерализме», под которым подразумевается добровольное сотрудничество разных уровней власти, совместное финансирование крупных проектов, например, строительства венского метро.

Дополнения к конституции Австрии (1988 г.) расширили права земель в вопросах охраны окружающей среды, они получили право заключать международные соглашения с соседними странами. И все же на сегодняшний день «федеративная государственная структура Австрии не находит достаточного воплощения в существующей конституции... Земли превращены в единицы управления вместо того, чтобы выступать в виде политических величин» (В.С. Рыкин). Это обстоятельство стало одним из камней преткновения при выработке проекта новой конституции Австрийской республики.

Политика и общество на рубеже нового тысячелетия

На исходе XX века Австрийская республика, казалось, достигшая к этому моменту внутривнутриполитического покоя и внешнеполитического равновесия, вновь обратила на себя внимание всего мира. Состоявшиеся в октябре 1999 г. парламентские выборы завершились триумфом Партии свободы, вышедшей на второе место по числу поданных за нее голосов. Находящемуся на пике популярности Хайдеру удалось мобилизовать в свою пользу протестный электорат, в том числе и молодежь, голосовавшую впервые. В ходе предвыборной борьбы он метал громы и молнии как в адрес бюрократов из Брюсселя, так и в адрес иностранцев, которые якобы подорвали социальную стабильность альпийской республики.

Популизм Хайдера, имевший явный праворадикальный оттенок, делал его партию малопривлекательным партнером для переговоров о сотрудничестве. После выборов большинство политических обозревателей делало ставку на сохранение большой коалиции, однако социалисты так и не смогли договориться с

«народниками». Камнем преткновения стал пост министра финансов — ключевой для давно уже назревшей санации бюджета. В итоге сложных закулисных комбинаций на свет появилась черно-голубая коалиция: АНП и АПС, получившие по 52 места в парламенте, смогли образовать кабинет против первой партии — СПА, которой пришлось занять скамьи оппозиции.

Девятым канцлером Второй республики стал Вольфганг Шюссель, первый лидер буржуазной партии после трех десятилетий пребывания социалистов на этом посту. Шюссель занимал министерские посты с 1989 г., однако выглядел в глазах общественного мнения скорее исполнительным чиновником, чем личностью с большими амбициями. Журналисты даже окрестили его «тихоней» (Schweigekanzler). Первое впечатление оказалось обманчивым. Шюссель демонстрировал завидное постоянство при формулировании своих политических целей и не меньшее упорство в их достижении. Еще в 1995 г. после избрания на пост председателя АНП он построил следующую структуру приоритетов: «Для того, чтобы вернуть себе место первой партии, нам необходим четкий профиль. Мы должны убедить всех в том, что мы — партия середины. Второй крупной темой для нас является Европа. Третьей — безопасность Австрии, и четвертой — положение семьи».

Участие в правительстве Шюсселя представителей партии Хайдера (последний отказался от министерского портфеля) вызвало настоящий шок среди либеральной общественности страны. Деятели культуры и искусства выступали с пламенными речами на антифашистских митингах, говоря о том, что Австрия не извлекла уроков из прошлого, радикально настроенные демонстранты пытались блокировать подступы к резиденции кабинета министров. Вскоре последовали

протесты официальных кругов США и Израиля. Члены ЕС по инициативе французского президента Жака Ширака объявили о замораживании двусторонних контактов с Австрийской республикой.

Шюссель показал, что может держать удар. Не деля секрета из своего негативного отношения к популистским эскападам Хайдера, он отказался от формирования правительства меньшинства или проведения досрочных выборов. Уход социалистов позволил ускорить приватизацию государственного сектора. На торги были выставлены 22,4% акций наиболее прибыльного из предприятий — телекоммуникационного концерна Телеком Австрия. С 2003 г. в стране началось вещание частных телевизионных компаний. Отказ от регулирования цен на электроэнергию привел к заметному снижению тарифов как для крупных потребителей, так и для домашних хозяйств.

Уменьшение государственного долга являлось одним из требований Европейского союза, что позволяло Шюсселю переложить ответственность за непопулярные меры на Брюссель. В то же время он считал, что время «государства всеобщего благосостояния» прошло, и для того, чтобы выдержать конкуренцию азиатских стран, австрийская экономика должна преодолеть «синдром нулевого роста». Соотношение сил в системе социального партнерства изменилось в пользу предпринимателей. Долгое время она «базировалась на принципе добровольности, осуществлялась неформально и конфиденциально, не на виду у широкой общественности» (Э. Талош). В новых условиях это позволило правительству, не связанному конкретными обязательствами перед социальными партнерами, сделать ставку на поощрение предпринимательской инициативы. В отличие от профсоюзов, пригрозивших забастовкой, Палата трудящихся отказалась от

конфронтации с исполнительной властью. Как и ранее Палата в обязательном порядке объединяет экономически активное население страны, работающее по найму, но выборы ее руководящих органов уже не вызывают былого интереса в обществе.

После кратковременного всплеска эмоций, связанного с приходом в правительство партии Хайдера, общество вновь отдалилось от власти на почтительную дистанцию. Современного австрийца волнуют проблемы, лишь опосредованно связанные с миром большой политики: престижная работа, интересный досуг, доступность образования для детей, обеспеченная старость. Хотя выведение среднего арифметического в общественной жизни и является весьма неблагодарным занятием, попробуем выделить наиболее яркие черты австрийского национального характера.

Житель Вены, Граца или Зальцбурга при первой встрече удивит вас своей вежливостью, затем покажется закомплексованным чудаком, а в конце концов оставит впечатление человека, знающего, чего он хочет добиться, но предпочитающего об этом не говорить. Упорство в достижении поставленной цели объединяет немцев и австрийцев, но если первые выберут самый короткий путь, то вторые — самый удобный. Среднестатистический гражданин Австрии был и остается виртуозным приспособленцем. Во время пребывания в Вене автору не раз приходилось слышать поговорку: «В США разрешено все, что не запрещено. В ФРГ запрещено все, что не разрешено. В Австрии разрешено все, что запрещено». При этом каждый австриец знает, где нужно остановиться, чтобы не конфликтовать с законом. Не случайно Вена считается самой безопасной из европейских столиц. Так, не считается плохим тоном получать пособие по безработице и немножко подрабатывать нелегально. Но когда «немножко» приобрета-

ет солидные размеры, хитреца начинают сторониться соседи и навещают чиновники с биржи труда.

Жизнь в Австрии похожа на чемодан с двойным дном — на первый взгляд все размеренно и спокойно, но самое главное скрыто от глаз непосвященных. Публицист Роберт Менассе нашел весьма громоздкую, но достаточно точную характеристику стиля общения своих соотечественников: «В Австрии сформировался особый тип общественного дискурса, отличающийся тем, что здесь никогда не говорят о том, что думают, и никогда не думают о том, что говорят, поэтому все здесь приобретает символическое значение, которое, однако, по мере возможности не обнаруживает значения реального»

Разговор ни о чем является важной составной частью ритуалов, наполняющих повседневность. Каждый австриец — прирожденный дипломат, как будто подготовленный к этой профессии всей тысячелетней историей страны. Эрнст Ханиш считает театральность общественной и политической жизни следствием контрреформации, культурным символом которой стало барокко. В Вене, как нигде в Европе, чувствуется живое дыхание прошлого, выдающего себя отличительными знаками масонских лож, гербами дворянских орденов, шапочками студенческих корпораций. Несмотря на то, что закулисная сторона тех или иных событий тщательно скрывается, вездесущие журналисты преподносят массовому читателю шокирующие репортажи о нравах и интригах национальной элиты.

То, какую роль играют клановые связи и система патронажа в политической жизни Австрии, давно уже не является секретом за семью печатями. Теперь эти проявления «неформальных отношений» не ограничиваются границами отдельных лагерей, а «прорастают» сквозь все партии. С этим обстоятельством связан

крайне высокий уровень политической организованности взрослого населения страны: в 90-е гг. в одной из партий состоял каждый четвертый австриец, но только каждый двадцатый немец. До сих пор обращение к товарищам по партии может помочь в получении дешевого жилья или устройстве на работу.

Груз великого прошлого заставляет австрийцев надевать маску неисправимых пессимистов. Сгущая краски, можно сказать, что итальянцы приходят в этот мир как на праздник, немцы — как на работу, австрийцы — как на похороны. Все должно идти раз и навсегда заведенным порядком: красиво, торжественно и грустно. Не случайно Центральное кладбище Вены — одна из главных достопримечательностей австрийской столицы. Попытавшись ускорить напоминаниями решение того или иного вопроса, вы только навлечете на себя гнев чиновника или коллеги, искренне уверенных в том, что делают свое дело надлежащим образом. Любимое выражение «оставьте меня в покое» («Meine Ruhe um jeden Preis») — отражение того же кредо на бытовом уровне.

Неспешность и обстоятельность граничат с природным консерватизмом, особенно заметным в среде ремесленников и крестьян. Только на рубеже 90-х гг. жители Австрии смирились с тем, что они являются самостоятельной нацией. В 1964 г. с этим утверждением было согласно 47, не согласно 15% опрошенных, в 1989 г. — соответственно 74 и 4%. И все же ростки нового пробивают себе дорогу. Все больше молодых австрийцев считают себя в первую очередь европейцами, активно путешествуют по миру, получают высшее образование за рубежом, формируя поколение «антитрадиционалистов» (Э. Брукмюллер). Социологи констатируют постепенное размывание такого института, как семья. Статистике приходится оперировать термином «домашнее хозяй-

ство», в крупнейших городах около трети таких хозяйств включают в себя только одного человека. В 1995 г. более четверти детей в стране были рождены вне брака, и этот показатель постоянно растет.

Обеспечив себе достаточный материальный комфорт, австрийцы все больше внимания уделяют качеству жизни. Под этим подразумевается целый комплекс факторов, сопровождающих человека в быту и на работе, от здоровой еды до удобной парковки. Каждый имеет право на доступ в Интернет — бесплатные терминалы можно встретить не только в учреждениях местного самоуправления, но и на городских улицах. Вместо походов по бюрократическим учреждениям достаточно зайти на нужный сайт, чтобы решить тот или иной вопрос, сдать налоговую декларацию и даже получить разрешение на предпринимательскую деятельность. Введение в действие 1 марта 2004 г. специального закона (E-Government Gesetz) дало каждому гражданину возможность получить специальную электронную подпись, что еще больше облегчило процесс его общения с государством.

Составной частью качества жизни является безопасная и чистая среда обитания человека. Образ современной Австрии неотделим от снежных альпийских вершин, горных озер и хвойных лесов. Посмотреть на эти красоты приезжают люди со всего мира, число иностранных туристов приближается к отметке 20 млн. в год. В сфере приема и обслуживания гостей занято более 220 тыс. австрийцев. Однако и эта отрасль экономики имеет оборотную сторону. Так, горнолыжники наносят немалый урон знаменитым альпийским лугам. Зимой 2000 г. всю страну потрясла катастрофа на одном из горнолыжных курортов — в загоревшемся вагоне фуникулера погибло около 150 человек.

В борьбе за сохранение природы Австрия сталкивается с проблемами, которые невозможно решить на национальном уровне. Она пытается ограничить транзит большегрузных автомобилей через свою территорию, но не может преодолеть сопротивления лобби автоперевозчиков в Брюсселе. Не помогает и достаточно высокая плата за пользование автобанами — грузовики все равно оказываются выгоднее железнодорожного транспорта. Новым поводом для активизации экологического движения стало строительство атомной электростанции в чешском местечке Темелин недалеко от границы с Австрией.

Новый виток реформ

Споры об электростанции в Темелине явились одним из факторов, взорвавших коалицию АНП и АПС. 8 сентября 2002 г. Хайдер заявил о том, что его партия отказывается нести ответственность за бездействие правительства. Наряду с Темелином партнеры имели разные подходы к расширению Европейского союза на Восток. Партия Свободы пыталась увязать прием в ЕС Чехии с осуждением послевоенных «декретов Бенеша», согласно которым производилась экспроприация собственности судетских немцев. Наконец, Хайдер настаивал на возвращении к «особому пути» австрийской внешней политики, продемонстрировав это посещением иракского лидера Саддама Хусейна.

Точно рассчитав шансы своей партии, Шюссель объявил о проведении досрочных парламентских выборов. Они были назначены на 24 ноября 2002 г. Мастера телевизионной журналистики обеспечили избирательной кампании невиданные ранее рейтинги. Вся страна следила за вечерними теледебатами лидеров четырех партий, проходивших по принципу «каждый с каждым». Борьба велась и в Интернете, где особой по-

пулярностью пользовались пародии на предвыборные плакаты оппонентов. Представители Народной партии пытались защитить честь и достоинство своего кандидата в суде, но так и не смогли выудить конкретного ответчика из всемирной паутины.

Главные темы предвыборной борьбы не отличались оригинальностью: реформа пенсионного обеспечения, создание новых рабочих мест, статус иностранцев, закупка новых истребителей, место Австрии в объединенной Европе. Красно-зеленое или черно-голубое правительство — так выглядела альтернатива, предлагавшаяся широкой публике, хотя социалисты и «народники» не ставили крест и на возможности возврата к большой коалиции. Борьба велась не столько за проценты голосов, сколько за место на финише: в избирательной гонке важно было оказаться первым или третьим.

Последние парламентские выборы в Австрии завершились заметным успехом партии канцлера. АНП сумела выступить в роли борца с правым популизмом и завоевать на свою сторону дезориентированных сторонников Хайдера. Шюссель показал себя отнюдь не «тихоней», железной рукой добившись единства в рядах собственной партии. Удачным ходом его команды стал выход из Партии свободы накануне выборов молодого и весьма популярного министра финансов Карла Гейнца Грассера. Наконец, на Шюсселя работал опыт его многолетнего пребывания в правительстве, и главный предвыборный лозунг «народников» задавал австрийцам риторический вопрос: «кто, если не он».

Выборы 24 ноября показали высокую активность избирателей — к урнам пришло 84% граждан, имевших право голоса. Четверть из них голосовала за другую партию, нежели в 1999 г. — это был самый высокий показатель политических колебаний за всю

историю Второй республики. Благодаря системе электронного подсчета голосов результат стал известен в тот же день к вечеру, когда большинство австрийцев отправилось на обязательный осенний ритуал — пробу молодого вина в крестьянских харчевнях (Heurigen).

Народная партия получила 42,3% голосов и 79 парламентских мандатов, впервые после 1970 г. вернув себе позиции лидера. Социалисты оказались вторыми (36,9% голосов и 69 мандатов), «зеленые» — лишь четвертыми (9% и 17). Такое соотношение сил не оставляло шансов на образование красно-зеленой коалиции, тем более что аналогичная коалиция в соседней Германии показала свою неспособность справиться с экономическими проблемами. Главным сюрпризом выборов стало разгромное поражение партии Хайдера (10,2% голосов и 18 мандатов), потерявшей почти две трети избирателей. Подавляющее большинство из них (600 тыс.) отдало свои голоса Шюсселю, что и объясняло фантастический прирост электорального веса Народной партии (15%). Для Партии свободы такой результат означал еще и финансовый кризис — ее государственное субсидирование сократилось на 20 млн. евро.

На следующий день после выборов австрийская пресса единогласно воспевала триумф Шюсселя: «консерваторы остановили наступление крайне правых», «маленький принц добился исполнения своей мечты». Обозреватели справедливо подчеркивали, что «в случае продолжения черно-голубой коалиции представители Партии свободы окажутся в кабинете министров простыми регистраторами принимаемых решений», склоняясь к тому, что триумфатор пригласит в свой новый кабинет социалистов. Они ошиблись — канцлер, как признавались позднее посрамленные журналисты, выбрал себе «более дешевого партнера».

28 февраля 2003 г. Вольфганг Шюссель и Председатель Партии свободы Герберт Хаупт сообщили о завершении процесса формирования правительства. В отличие от 2000 г. приход представителей АПС во власть не вызвал массовых протестов на улицах австрийских городов. В парламенте у черно-голубой коалиции имелось большинство всего в 5 мандатов — самое скромное за всю историю Второй республики. В правительстве помимо Хаупта, занявшего пост вице-канцлера (в 2004 г. его сменил Губерт Горбах), оказалось только два министра от Партии свободы.

В правительственном заявлении Шюссель подчеркнул, что его курс и в дальнейшем будет базироваться на трех принципах: справедливость — настойчивость — обращенность в будущее. «Превращение Австрии в образцовый регион на рынке рабочей силы» подразумевало усиление борьбы с безработицей, введение гибкого графика для работающих по найму, дополнительные меры по трудоустройству молодежи. Политика реформ включала в себя сокращение налогового бремени на предпринимателей, консолидацию бюджета, рост инвестиций в научные исследования. Канцлер не делал большого секрета из того, что прорыв в будущее будет сопровождаться избавлением от «излишеств» социального государства. Речь шла о введении оплаты за учебу в университете, сокращении социальных гарантий, большем участии работающих по найму в формировании страховых фондов.

Первые шаги нового правительства Шюсселя были направлены на проведение пенсионной реформы. В предшествующие годы все больше трудящихся пользовалось возможностью выйти на пенсию раньше оговоренного законом срока (65 лет для мужчин и 60 лет для женщин), если они имели 35 лет трудового стажа. Так, в 1995 г. доля «ранних пенсионеров» среди вышедших

на пенсию перевалила за две трети. Правительство спохватилось — через несколько лет платить им будет нечем. Действительно, австрийское общество быстро стареет, уже сейчас на 1000 человек, делающих взносы в пенсионную кассу, приходится 600 пенсионеров, и в недалеком будущем соотношение будет 1:1.

Реформа предусматривала повышение отчислений от заработной платы, постепенный отказ от ранних пенсий к 2009 г. Шюссель не устал повторять: «не только нынешние пенсионеры должны иметь обеспеченную старость, среднее и молодое поколение также вправе рассчитывать на гарантированную пенсию». Подобные заявления никого не могли оставить равнодушными, пенсионная реформа стала полем столкновения самых различных интересов. Для австрийской системы социального партнерства настали трудные времена. Председатель Объединения профсоюзов Фриц Верцетнич заявил, что предприниматели хотят переложить структурные проблемы экономики на плечи трудящихся. Активисты АОП на местах выражались гораздо конкретнее: «правительство запускает руку в наши карманы». В апреле 2003 г. Социалистическая партия и профсоюзы выступили за перенос сроков пенсионной реформы до тех пор, пока число безработных в стране не опустится ниже отметки в 200 тысяч, но не нашли понимания в правительстве.

6 мая и 3 июня 2003 г. по всей Австрии прошли акции протеста против пенсионной реформы, организованные профсоюзами. Фактически это была всеобщая забастовка, самая крупная с начала 50-х гг. Боевое настроение особенно чувствовалось в Вене, где не ходил общественный транспорт, были заблокированы основные транспортные развязки. Чтобы добраться до цели, многим пришлось встать пораньше, пересесть на велосипед и даже надеть роликовые коньки. В дни про-

теста не работали школы, не вышли ежедневные газеты. На плакатах демонстрантов под портретами канцлера можно было прочесть: «Вольфганг Тэтчер». Однако Шюссель остался непреклонен: пенсионная реформа не будет отложена, это дело правительства, а не профсоюзов и предпринимателей. Сославшись на политический характер забастовки, он запретил чиновникам принимать в ней участие.

Реформа стала пробой прочности самой коалиции — верный своему популизму Хайдер заявил о необходимости провести по этому вопросу всенародный референдум. Пресса увидела в этом призыв ко второму путчу против правительства, однако до открытого разрыва дела не дошло. Хайдер постепенно растерял остатки своей харизмы. Оставаясь главой правительства Каринтии и выступая в роли «серого кардинала» собственной партии, он оказался не в состоянии обеспечить ее внутреннюю сплоченность. С 2000 г. сменилось шесть председателей Партии свободы, последней на этом посту оказалась сестра Хайдера Урсула Хаубнер.

Правительство выдержало удары справа и слева, сбавив темпы преобразований в столь чувствительной сфере общественной жизни. Так, повышение трудового стажа для ухода на пенсию до 45 лет будет введено не к 2010, а к 2015 году. Ныне ведущие политики вместо реформы предпочитают говорить о «гармонизации пенсионной системы». Нововведения в налоговой системе поощряют заключение договоров о «частных пенсиях», которые целиком выплачиваются предпринимателем. Женщине, воспитывающей ребенка, засчитываются в стаж четыре года, проведенных дома (при рождении близнецов пять лет). С 1 января 2005 г. каждый австриец получает личный пенсионный счет и

может самостоятельно следить за ростом суммы, которая будет обеспечивать его старость.

После нескольких лет «нулевого роста» в Австрии отмечается возобновление экономического подъема (в 2003-2004 гг. рост ВВП составлял 1,8% в год), несмотря на тормозящее влияние депрессии главного торгового партнера и инвестора страны — Германии. На сегодняшний день безработица составляет 4,5% самодеятельного населения. Новые рабочие места создаются в основном за счет экспансии на рынках бывших социалистических стран. В Австрийской республике работает более тысячи региональных филиалов транснациональных корпораций, ответственных за регион Центральной Европы.

Реализация налоговой реформы, за которую взялось правительство Шюсселя, должна оставить в руках налогоплательщиков 3 млрд. евро, компенсировать которые государственный бюджет собирается за счет экономического роста и сокращения административных расходов (*schlanker Verwaltungsapparat*). Еще одним источником бюджетных поступлений должно стать сокращение государственного пакета акций. В настоящее время министерство экономики ведет поиск стратегического инвестора для приватизации национальной почты.

Расширение электронной коммуникации между государством и его гражданами приведет к сокращению 10 тыс. чиновничьих ставок — для маленькой Австрии с традициями «большого государства» это совсем не мало. Кабинет министров провозгласил своей стратегической целью снижение отчислений и налогов до 40% зарплаты, что импонирует прежде всего гражданам с высокими доходами. Еще один рубеж — увеличение расходов на внедрение высоких технологий до 3% государственного

бюджета (сейчас Австрия выделяет на эти цели 2,27%, лидируя в рамках Европейского Союза).

В 2004 г. Австрия была признана самой безопасной страной мира. Свой вклад в это почетное звание вносит не только эффективно действующая полиция, но и бесплатная диспансеризация всего населения, забота каждого об окружающей среде, дисциплина водителей и пешеходов. Страна с великим прошлым обращена в завтрашний день. По словам министра образования, науки и культуры Элизабет Герер «образование есть сырье, из которого делается будущее». Для его оптимальной добычи практикуется индивидуальный подход к каждому ученику, действует система раннего оповещения об отставании в тех или иных предметах. Каждая из австрийских школ имеет выход в Интернет, быстрыми темпами растет число учебных заведений, где ученики проводят полный день. Начатая в 2002 г. университетская реформа вызвала неоднозначную реакцию в обществе, особенно среди молодежи — теперь за обучение приходится платить.

Реформы правительства Шюсселя вызывают оправданные опасения тех, кто не относит себя к преуспевающим бизнесменам и не имеет доходов, позволяющих беззаботно смотреть в будущее. Опираясь на беспокойство социальных низов, социал-демократы смогли приостановить процесс размывания собственного электората. 25 апреля 2004 г. президентом страны был избран представитель СПА Гейнц Фишер. На выборах в Европарламент летом того же года партия получила относительное большинство голосов. До следующих парламентских выборов остается не так уж много времени, и правительство начинает изменять акценты своей деятельности в пользу тех проектов, которые сулят благосклонность избирателей.

Летом 2003 г. в Австрии начал свою работу конвент, которому предстоит разработать текст новой конституции страны. Действующий основной закон явно устарел, каталог прав и свобод в нем заимствован еще из конституции 1867 г. Одной из самых важных задач австрийских правоведов является унификация норм национального и европейского права. В начале 2005 г. конвент вынес на обсуждение парламента проект основного закона, разработанный его председателем Францем Фидлером. Поскольку для принятия новой конституции страны необходимо парламентское большинство в две трети голосов, этот документ стал предметом сложного партийно-политического торга. Уже сейчас лидеры активно развивающихся австрийских земель, в частности, Форарльберга, высказывают опасения, что новая конституция нанесет удар по их самостоятельности, усилив унитарные тенденции в развитии политической системы страны. Несмотря на всю риторику правительства и оппозиции, Австрия и в XXI веке остается федеративным демократическим государством, развитие которого базируется на принципах социального партнерства и продуманного компромисса.

Заключение

Трудно даже сравнивать между собой Австрию начала и конца XX века. Ее площадь уменьшилась в три с половиной раза, население — более чем наполовину. Ныне в Австрийской республике на территории 84 тыс. квадратных километров проживает чуть больше восьми миллионов человек. Австро-Венгрия принадлежала к числу великих держав континента, ее претензии на место под солнцем привели к катастрофе Первой мировой войны. Современная Австрия вот уже полвека проводит политику государственного нейтралитета, выступая арбитром при разрешении целого ряда международных конфликтов.

Распад империи и количественные потери австрийцы сумели компенсировать качественными приобретениями. В стране бесперебойно функционируют механизмы парламентской демократии, почти без конфликтов осуществляется взаимодействие федерального центра и девяти земель. Утвердившаяся в Австрии система социальных гарантий считается образцовой, и на нее ориентируются соседние государства. В то же время общество готово защищать свои завоевания, о чем свидетельствуют массовые протесты против проведения пенсионной реформы. Любой человек, прожившей достаточное время в альпийской республике, отмечает требовательное отношение австрийцев к своему государству. Бюрократия вышколена и вежлива, чиновники всех уровней давно уже смирились с мыслью, что они существуют для граждан, а не наоборот.

Путь к комфорту и процветанию не был прямым и гладким. На протяжении целого десятилетия Австрия находилась в состоянии перманентной гражданской войны, политические убийства и полицейские репрессии являлись в то время обычным делом. Ставка правящих кругов Первой республики на сотрудничество с

итальянским и германским фашизмом обернулась внешнеполитической изоляцией, а затем и потерей независимости страны. Участие австрийцев в составе частей вермахта и эсесовских подразделений в преступлениях гитлеровского режима остается одним из самых позорных сюжетов в новейшей истории страны, многие детали которого до сих пор покрыты мраком тайны.

Оккупационный режим, продолжавшийся десять лет, создал необходимые предпосылки для возвращения Австрии к демократическому правлению, и в то же время превратил ее в арену «холодной войны». Продемонстрировав недюжинные дипломатические способности, государственные деятели Второй республики сумели найти компромисс между Востоком и Западом, выведя ее за скобки военно-политического противостояния. 2005 г. стал годом полувекового юбилея Государственного договора, на празднества по этому поводу в Вену прибыли ведущие политики стран антигитлеровской коалиции.

Нейтралитет и политика неприсоединения стали не потерей, а приобретением для Австрии, послевоенный экономический подъем которой во многом опирался на активную торговлю со странами Восточной Европы. Ныне примером для всего мира является не только качество австрийских товаров, но и достижения прикладной науки, компетентность государственного аппарата, сбалансированная внешняя политика. В 2003 г. более трети национального бюджета страны было истрачено на социальные нужды и только 6,6% на силовые структуры.

Австрийцы гордятся своей родиной и чувствуют себя сложившейся нацией. Идеи аншлюса и воссоздания Великой Германии, столь популярные в межвоенный период, ныне безраздельно принадлежат прошлому. «Конфликт между нашей Австрией и нашим немецким характером», о котором говорил еще Отто Бауэр, зани-

мает лишь отдельных завсегдатаев пивных да правых популистов, сколотивших (и уже растративших) на этом определенный политический капитал.

Австрия видит свое будущее в объединенной Европе, которая позволит окончательно преодолеть географически определенную изоляцию страны и ее граждан, прежде всего в западных высокогорных землях. Экологическое движение выступает против того, чтобы эти регионы превратились в сплошной «транзитный туннель», и здесь Вене еще предстоят сложные переговоры с Брюсселем. В первой половине 2006 г. Австрия будет председательствовать в Евросоюзе, а значит, ее канцлер примет на себя ответственность за развитие конфедерации из 25 европейских государств.

Миллионы туристов со всего мира приезжают в Австрию не только для того, чтобы поглазеть на горные вершины и прокатиться на горных лыжах. Вена и Зальцбург давно уже утвердились в качестве мировых культурных центров, проводимые в этих городах художественные конкурсы и фестивали собирают звезд высшей пробы. Только в Австрии складывается впечатление, что высокая культура еще в состоянии поспорить с шоу-бизнесом. На улицах Вены количество музыкальных инструментов в руках молодых людей никак не меньше количества пивных бутылок в местах встреч российской молодежи. Невероятная вежливость отличает даже венских нищих и попрошайек, как будто понимающих, что своим видом они лишают благополучных горожан привычного комфорта.

Будущее покажет, является ли этот процветающий и беззаботный мир столь же хрупким, как и его предшественник, описанный Стефаном Цвейгом. Хочется верить, что современные австрийцы извлекли уроки из прошлого, а значит ошибки, заблуждения и трагедии XX века в их стране больше не повторятся.

Александр Юрьевич Ватлин

Австрия в XX веке

Учебное пособие для вузов

Ответственный редактор *Н. Соламадина*

Корректор *С. Лобанова*

Верстальщик *С. Лобанова*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
[www. biblioclub. ru](http://www.biblioclub.ru)